

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139
e-ISSN 1816-8590
DOI 10.22394/1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2021. № 5(149)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO.

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2021
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Zaporozhan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 8** **От главного редактора.** Информация и управленческое решение: уроки истории для сегодняшнего дня

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 10** **ШАМАХОВ В. А., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Современные информационные технологии: препятствия и помощники в принятии управленческих решений. Статья первая. Препятствия
- 17** **БАРКОВА Ю. К., СЕЛЕЗНЕВА Е. В., СИНЯГИН Ю. В.**
Взаимосвязь управленческого потенциала и когнитивных характеристик руководителей разных уровней управления

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 32** **КУГАЙ А. И.**
Права человека: от теории — к политике
- 45** **МАТВЕЕВ А. А.**
Прошлое, настоящее и будущее неинституционального подхода в политической науке

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 63** **ТЯПУХИН А. П.**
Теоретические аспекты концепции управления цепями ценности
- 78** **ЛИХТИН А. А.**
Проблемное поле современного публичного управления: контент-анализ научных публикаций
- 87** **МИРОСЛАВСКАЯ М. В., КОЗЫРЕВ А. А.**
Стратегические направления инновационного и экономического развития Псковской области

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 98** **ЗОТОВ В. В., ВАСИЛЕНКО Л. А.**
Влияние цифровизации на трансформацию методологии публичного управления
- 110** **ЛАПЫГИН Ю. Н., БОЛТУНОВ С. А.**
Инструменты разработки стратегии развития образования региона
- 122** **ЛОМТЕВА Е. В., БЕДАРЕВА Л. Ю., ПОЛУШКИНА А. О.**
Потребность региональных рынков труда в специалистах среднего звена и приоритеты выпускников СПО в вопросах трудоустройства

130 КОВАЛЬЧУК Д. М., СМАГИН М. А.

Теория и практика первичной адаптации как фактор удержания молодых специалистов на предприятиях горнодобывающей отрасли России

146 ЩЕРБАКОВА Д. В., ИГНАШИН О. Э.

Инновации в ЖКХ как путь повышения реальных доходов населения России

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**158 КЛУШИН А. В.**

Применение деловых игр при подготовке сотрудников региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления

EDITOR'S COLUMN

- 8** **From the Chief Editor.** Information and Management Solution: History Lessons for Today

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 10** **VLADIMIR A. SHAMAKHOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Modern Information Technologies: Obstacles and Assistants in Management Decision-Making. Article One. Obstacles
- 17** **YULIA K. BARKOVA, ELENA V. SELEZNEVA, YURI V. SINYAGIN**
Relationship between Management Potential and Cognitive Characteristics of Managers of Different Government Levels

POLICY AND LAWFUL STATE

- 32** **ALEXANDER I. KUGAY**
Human Rights: From Theory to Politics
- 45** **ALEXANDER A. MATVEEV**
Past, Present and Future of the Neoinstitutional Approach in Political Science

POWER AND ECONOMY

- 63** **ALEXEY P. TYAPUKHIN**
Theoretical Aspects of the Concept of Value Chain Management
- 78** **ANATOLIY A. LIKHTIN**
Problems of Contemporary Public Administration: Content Analysis of Scientific Publications
- 87** **MARIANNA V. MIROSLAVSKAYA, ALEKSANDR A. KOZYREV**
Strategic Directions of Innovative and Economic Development of the Pskov Region supporting Small and Medium-Sized Enterprises at the Municipal Level

SOCIETY AND REFORMS

- 98** **VITALY V. ZOTOV, LYUDMILA A. VASILENKO**
The Digitalization Influence on the Transformation of Public Administration Methodology
- 110** **YURY N. LAPYGIN, SERGEY A. BOLTUNOV**
Tools for Developing a Regional Education Development Strategy
- 122** **ELENA V. LOMTEVA, LARISA YU. BEDAREVA, ANNA O. POLUSHKINA**
The Need for Regional Labor Markets for Mid-Level Specialists and the Priorities of Graduates of Secondary Vocational Education in Employment Issues

- 130 DIANA M. KOVALCHUK, MIKHAIL A. SMAGIN**
Theory and Practice of Primary Adaptation as a Factor in Retaining Young Specialists at the Enterprises of the Mining Industry in Russia
- 146 DARYA V. SHCHERBAKOVA, OLEG E. IGNASHIN**
Innovations in Housing and Communal Services to Increase Real Incomes of the Russian Population

SCIENTIFIC LIFE

- 158 ARTEM V. KLUSHIN**
Application of Business Games in Training of Employees of Regional Executive Bodies and Local Self-Government Bodies

Информация и управленческое решение: уроки истории для сегодняшнего дня

Information and Management Solution: History Lessons for Today

Каждый год в мае-июне у нас есть особые поводы задумываться об эффективности информации и качестве государственного управления. Естественно то, что в юбилейный год мы рассматриваем этот вопрос в контексте политических, а значит управленческих решений мая — июня 1941 года. После хрущевской оттепели мы каждый год наблюдаем рецидивы старой дискуссии «Сталин знал» — «Сталин не знал» о дате начала германской агрессии. А если знал, то почему не принял меры? В принципе, можно ограничиться классической формулой «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», и прекратить дискуссию. Однако этот вариант оставим как резервный. Вопрос действительно важный, мы уже точно знаем, что Сталин делал в мае — июне 1941 года. Сегодня у нас есть возможность узнать факты, а не оперировать эмоциями, вытека-

ющими из оценки личности самого Сталина. Нас как специалистов по государственному управлению интересует вопрос о том, почему при наличии информации о подготовке Германии к войне и разведдонесениях с конкретной датой проявился фактор «неожиданного нападения».

Ответ на этот вопрос не столь очевиден, как может показаться, и связан с проблемой информационного обеспечения. Сегодня мы понимаем, что наличие правильной информации не гарантирует адекватных управленческих решений. Мы знаем о том, что на столе у Сталина были данные о планируемой германской агрессии. Проблема в том, что их было слишком много и они касались различных дат. Важным является то, что данные докладывались без достаточной обработки и систематизации. Почему это происходило — сейчас понятно. Обработка и систематизация информации так или иначе отражают позицию государственного служащего, т. е. это принятие ответственности на себя. Сколько могла стоить эта

ответственность в 41-м году, учитывая характер вопроса, понятно, просто высшая мера могла рассматриваться скорее как подарок.

Немецкая разведка поступила правильно; понимая, что скрыть масштаб приговоров нельзя, она постаралась «завалить» правильную информацию тем, что сегодня называется фейками и информационным шумом.

Анализируя информацию, ответственные лица старались угадать настроение лидера, вряд ли мы имеем право осуждать их за это из 2021 года. Однако все это заведомо снижало эффективность управленческого решения, цена которого в данном случае определялась сотнями тысяч человеческих жизней.

Современные управленческие решения являются более простыми и, как правило, они стоят не жизнью, а денег. Однако проблема эффективности управленческих решений и их зависимости от объективной информации осталась. Точно так же информация тонет в океане информационного шума, а принятие ответственности на себя не без основания рассматривается как серьезный вызов в профессиональной карьере.

Опыт прошлого учитывается не всегда, но особенно сложно информация конвертируется в эффективность в цифровую эпоху. Информации становится больше, времени на обработку — меньше, и только объем ответственности лиц, принимающих решения, не меняется. «Фишка дальше не идет» — такая табличка стояла на столе у одного из американских президентов.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Современные информационные технологии: препятствия и помощники в принятии управленческих решений

Статья первая

ПРЕПЯТСТВИЯ

*Шамахов В. А.¹, Межевич Н. М.², **

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Зависимость управленческих решений от информационного обеспечения — вопрос давно не дискуссионный. Однако изменяющееся качество информации формирует как новые сложности, так и новые возможности в информационно-аналитической сфере. Процесс принятия решений, который, казалось бы, должен облегчаться цифровизацией, на самом деле усложняется. В качестве одного из основных эффектов цифровизации отметим кажущуюся доступность информации. На самом деле простых фактов, создающих информационную сеть, больше не становится, более того, их становится меньше, а точнее, уменьшается их доступность. Необходимые сведения тонут в океане информационного шума. Эхо-камеры и пузыри фильтров усугубляют эту проблему.

Ключевые слова: информация, управленческое решение, факт, цифровизация, эхо-камера, информационный пузырь, пузырь фильтров

Для цитирования: Шамахов В. А., Межевич Н. М. Современные информационные технологии: препятствия и помощники в принятии управленческих решений. Статья первая. Препятствия // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 10–16.

Modern Information Technologies: Obstacles and Assistants in Management Decision-Making. Article One. Obstacles

*Vladimir A. Shamakhov¹, Nikolay M. Mezhevich², **

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

The dependence of management decisions on information support is not a debatable issue for a long time. However, the changing quality of information creates both new challenges and new opportunities in the information and analytical field. The decision-making process, which would seem to be facilitated by digitalization, is actually becoming more complicated. As one of the main effects of digitalization, we note the apparent availability of information. In fact, simple facts that create an information network no longer become, moreover, they become smaller, or rather, their availability decreases. The necessary information sinks in the ocean of information noise. Echo chambers and filter bubbles exacerbate this problem.

Keywords: information, management decision, fact, digitalization, echo chamber, information bubble, filter

Управление без информации невозможно. Гениальная интуиция великих людей, описанная в классической литературе, базируется на предшествующем опыте, обучении, умении междисциплинарной экстраполяции знаний, умений. Категория «повезло» может быть предметом академического анализа, но к по-настоящему талантливым решениям она относится крайне редко.

«Информация — сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира», такова формулировка в ГОСТ 7.0-99 «Информационно-библиотечная деятельность, библиография».

Информация — любой факт, понятие или значение, полученные из данных, а также контекст, выбранный из знаний, или контекст, ассоциированный со знаниями (стандарт ISO/IEC 2382-1). Однако такой подход предполагает, что информацией является одиночный простой факт; набор фактов и результат обработки фактов тоже информация. Проблема «простых фактов» применительно к управленческому решению была поставлена в работе М. Херрман и Р. Хермана [9]. Основным конструктом предложенного авторами подхода к определению субъекта является понятие «элементарной единицы принятия решения». Авторы данной статьи предлагают более лаконичную формулу — «простой факт».

Информация — сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления (Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ). Интересно то, что эта формулировка соответствует классическому подходу Норберта Винера [2], считающегося классиком кибернетики. Укажем и на то, что именно Н. Винер прямо указал на жесткую взаимозависимость качества информации и качества управленческих решений. В дальнейшем этот вопрос был развит в работах, масштаб которых был таков, что их не проигнорировали и в СССР [1; 5].

Использование информации для управления, а не для, например, интеллектуального развития, ставит перед ней новые требования. Предположение Шерлока Холмса о том, что земля плоская, не мешает его практической деятельности, но не допустимо для штурмана британского флота.

С нашей точки зрения, следует отличать простой факт или единицу информации от информации как сложного явления анализа фактов. Факт неделим, он может быть объяснен, причем по-разному, но представляет собой смысловую единицу. Теоретически простой факт, в отличие от информации, можно считать «нейтральным» с точки зрения аналитического обеспечения принимаемого управленческого решения. Данные об уровне безработицы, собранные с соблюдением всех требований, можно считать объективными, но лишь до того момента, пока они встроены в общий информационный контекст — в этом случае они приобретают не только новую смысловую, но и политическую нагрузку. Кроме того, единицы фактов, собранные в блоки, при формально одинаковом содержании могут приобретать различный смысл: «Речекряк» — вид политической коммуникации, придуманный Джорджем Оруэллом в романе «1984». У него, как известно, было два противоположных значения: применительно к противнику — ругательство; в применении к тому, с кем согласен, — похвала.

Особое значение имеет принудительный фрейминг. Фреймы, т. е. обрамления — это информационный фон, влияющий на восприятие простых фактов. Таким образом, фрейминг позволяет дезавуировать простейший факт или придать ему

отрицательную коннотацию. К примеру, использование фрейминга позволяет «доказать», что 6,5% безработицы «для нас» — это норма, а для «них» — это нерешаемая социально-экономическая проблема. Идеальный пример информационного фрейминга приводится в «Вестнике Томского университета»: «Сторонники абортот называют себя pro-choice (т. е. за свободу выбора), а оппоненты абортот называют себя pro-life (т. е. за жизнь). Обе стороны нашли максимально бесприоритные обрамления данного вопроса: ведь едва ли найдется человек, который был бы против жизни или против свободы выбора» [4].

Наше внимание касается той части информации, которая имеет практический аспект и используется для принятия существенных управленческих решений. Именно поэтому актуален вопрос об адекватности информации о системе реальному состоянию системы и внешнему контуру информации. Адекватность информации — уровень соответствия информационной картины реальному объекту, процессу, явлению и т. п. Особо подчеркнем, что речь идет не о желаемом состоянии системы, а о том, которое присутствует в конкретный момент. Стремление к получению адекватной информации столь же естественно, как и желание обеспечить наилучшее качество управления. Однако на практике так получается далеко не всегда. Кроме того, разве наличие абсолютно достоверной информации гарантирует принятие адекватных управленческих решений? К сожалению, нет.

Предметом данной статьи является вопрос о том, какие объективные причины искажения информации и принятия ошибочных управленческих решений существуют в условиях добровольной и принудительной цифровизации. С точки зрения авторов, информация, необходимая для принятия решений, всегда была носителем определенных идеологических, экономических, политических коннотаций. Рыцари идеологического «плаща и кинжала» всегда умели подать факты так, что они служили для достижения их целей, однако это предполагало то, что в исходном варианте сами факты обладают некоторой чистотой. Сегодня изначальная стерильность фактов под большим вопросом. Впрочем, уже Дж. Оруэлл справедливо отмечал, что «дважды два четыре» далеко не всегда, может быть и три, и пять в зависимости от места и прочих внешних условий.

Любые единицы информации могут быть скомпонованы таким образом, чтобы сформировать определенное мнение у получателей данной информации. Если у человека есть какие-то пристрастия, их можно превратить в убеждения, если человек уже обладает убеждениями, можно превратить их в догму. Современные компьютерные сети и СМИ объективно «заточены» именно на эту задачу. Проблема при этом в том, что «Люди и организации ищут некую информацию, которая изначально кажется им правильной или важной, но в результате она оказывается практически бесполезной или малоэффективной, одновременно те же люди игнорируют информацию, которая изначально кажется или воспринимается ими как неправильная и несущественная, но в результате оказывается правильной и полезной. Проблема возникает потому, что реальная значимость конкретного факта в этих случаях становится очевидной только после того, как этот факт стал известен» [6, с. 56].

Итак, если у лица, принимающего управленческое решение, отсутствует позиция и (тем более) убеждение по конкретному вопросу, их можно сформировать, причем так, что каждая единица информации не будет являться фейком. Оценка — «ложная информация» — проявляется из-за характера подбора информации. При этом очень важно определить, почему информация квалифицирована как ложная, почему она неправильно отражает состояние внешней и внутренней сред, что именно затрудняет анализ информации и приводит к неправильному, неэффективному решению?

1. Эффект «информационного пузыря» или «пузыря фильтров» («filter bubble») — относительно новое описываемое явление [11]. Эффект информационного пузыря

был достижим и в доцифровую эру. Представим себе авторитетного эксперта, имеющего допуск в спецхран библиотеки Академии наук СССР, получающего знаменитый номерной «Компас», но пользующийся исключительно «Блокнотом агитатора» для анализа советско-американских отношений. Попаданию в информационный пузырь будет способствовать особенно плотный контакт с коллегами, которые точно так же воспринимают повестку дня советско-американских отношений. Однако нетрудно заметить, что информационный пузырь в этом случае — личная проблема эксперта, у которого были достаточные возможности для принятия и формирования объективной информационной платформы, которая затем будет доведена до руководства. Подчеркнем, что доступные для эксперта альтернативные источники информации были, вопрос был в незаинтересованности эксперта в какой-либо дополнительной информации [3]. Использование современных методов исследования и анализа, математический анализ, ситуационный анализ в этих условиях теоретически возможны, но эффективный результат маловероятен. Ошибка на входе — ошибка на выходе, при этом все принципы системного подхода могут быть формально соблюдены [7]. Еще один важный момент: трудно себе представить эксперта или чиновника, принимающего решения, не связанного с социальными сетями. Включенность в них дает еще один уровень «пузыря фильтров». Сети определяют, какую информацию пользователь хотел бы увидеть, основываясь на информации о его месторасположении, предпочтениях и истории поиска. В результате веб-сайты показывают только информацию, которая согласуется с прошлыми точками зрения данного пользователя. Вся иная информация, как правило, пользователю не выводится.

2. Важный вопрос — это соотношение понятий «информационный пузырь» и «эхо-камера». Очевидно то, что речь идет об очень близких вещах, но все-таки не тождественных. Информационный пузырь — это пассивное отношение ученого, эксперта, государственного служащего или политика, оказавшегося «внутри», к аргументации, противоречащей его изначальным установкам. «Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов». Прием информации ограничен, но и передача, трансляция этой информации минимальна. Несколько иной эффект дает «эхо-камера». Эксперт, политик или государственный служащий, находящийся в ней, транслирует свой набор представлений в идеологической, экономической или политической сферах и при этом ждет ответа среды на свои действия. Ответ приходит, но поскольку перед нами «эхо-камера», то ответ практически полностью соответствует изначальному информационному посланию.

Эксперт адресуется всем, но попадает только к «своим», в большей или меньшей степени согласным с его позицией. Клубы по интересам, либеральные, консервативные, патриотические, направленные на свержение действующего строя, работают с точки зрения передачи информации примерно одинаково. Именно по этому принципу белорусская оппозиция, провозгласив в августе 2020 г. лозунг «Лукашенко 3%», где-то в глубине сознания прекрасно понимала, что в любом случае президент Республики Беларусь набрал на порядок больше, но в своем кругу общения действительно обнаруживала 97% не согласных с политикой Президента Беларуси. Точно такая же ситуация происходит в России. Российская оппозиция еще более замкнута в соответствующие эхо-камеры.

Эхо-камера может носить социальный характер, затрагивая определенные социальные группы, географический характер. Творческая интеллигенция Москвы, Минска или Вашингтона, общаясь между собой, уверена в том, что они представляют жизнь в России, Белоруссии или Соединенных Штатах Америки. Однако доехав до Урала, Полесья или Ржавого пояса неожиданно обнаруживают, что их ценностные ориентиры начинают восприниматься как чужие, а может быть даже враждебные. Монография профессора департамента государственного управления

и международных отношений Сиднейского университета Ариадны Вромен свидетельствует о том, что политическая мобилизация и организации участия граждан в политической жизни на примере неправительственных организаций и движений приводит как к объединению, на первом этапе, так и разбеганию по эхо-камерам на втором этапе активизма [12]. Поляризация общества предполагает и поляризацию информации. Или ты любишь Дональда Трампа и подбираешь информацию в доказательство этого, либо ненавидишь его и работаешь с простыми фактами соответствующим образом. В этом контексте ситуация хорошо описана политическим психологом Р. Джервисом: «Так же, как подвыпивший человек ищет свои ключи не там, где он их потерял, а под фонарем, где ярче свет, так и люди часто находят неадекватную информацию, используют вводящие в заблуждение критерии и методы подсчета, чья главная добродетель — легкость» [10]. В результате люди попадают в информационный пузырь, созданный ими самими. Развивая тезис о фонаре, добавим то, что сегодня эксперт часто ищет ключи под фонарем даже после того, как взойшло солнце.

Принятие правильного решения — это область управленческого искусства, но и искусство базируется на информации, умениях. Лица, принимающие решения стратегического характера [8], как правило, одновременно играют и в шахматы, и в шашки, причем на многих досках, работают над проблемами, требующими разносторонней реакции, что неизбежно создает информационную перегрузку. Роль аналитических служб в этих условиях закономерно возрастает, и они, в идеале, должны принимать на себя свою долю ответственности за принятые решения. При этом должны соблюдаться все критерии подготовки и обработки информации. Должна быть обеспечена эффективная информационная работа, объединение информации из разных источников и по различным проблемам в согласованную и цельную картину.

Проблемой может стать организационная избыточность. В этом случае задачи информационно-аналитического сопровождения управленческих решений определены не четко, и при работе с информацией происходит дублирование. Другими словами, несколько подразделений организации занимаются анализом одной и той же информации, хуже, когда то же самое происходит с несколькими организациями. Подобная избыточность создает альтернативность информации, но и неизбежен эффект возникновения информационной перегрузки как на уровне руководства аналитической службы, так и на уровне лиц, принимающих решения.

Однако и организационный минимализм создает свои риски. Попытка создать аппаратного монстра, объединяющего военную и политическую разведку и многое другое, — «Комитет информации» — провалилась в СССР именно поэтому. Информация лишилась альтернативы.

Подведем итоги. Возникающие ошибки восприятия информации и просто ошибки в простых фактах вовсе не обязательно связаны с цифровизацией и эффектами эхо-камеры. Проблемы эффективности управленческого решения стары как мир, а о роли информации писал еще Сунь-Цзы. Новым моментом являются требования к скорости принятия решений, масштаб цифровизации, резкое увеличение информационных потоков, доминирование шума над простыми фактами и степень влияния информационных пузырей на аналитиков и управленцев. Эти моменты не описаны в классической литературе и поэтому, прежде чем разбираться в концепте «эхо-камеры», приходится сначала понять, а не находятся ли в ней авторы или читатели статьи.

Литература

1. Вилкас Э.Й. Решения: теория, информация, моделирование / Э.Й. Вилкас [и др.]. М. : Радио и связь, 1981.

2. *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине; или Кибернетика и общество. 2-е издание. М. : Наука ; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.
3. *Гарбузняк А. Ю.* Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 184–192.
4. *Кожамкулова Ш.* Фрейминговые эффекты в новостях и их воздействие на казахстанского телезрителя // Вестник Томского университета. Филология. 2008. № 2. С. 82–85.
5. *Кунц Г.* Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций / Г. Кунц, С. О'Доннел. М., 1981. 495 с.
6. *Малюкова О. В.* Современная аргументация: в плену у фейков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 52–59.
7. *Якушев А. А.* Принятие управленческих решений на основе системного подхода и математического моделирования // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 463.
8. *Farnham B.* Roosevelt and the Munich Crisis: A Study of Political Decision Making. Princeton, NJ. : Princeton Univ. Press, 1997.
9. *Herrman M., Herrman R.* Who Makes Foreign Policy Decisions and How: An Empirical Inquiry // International Studies Quarterly. 1989. Vol. 33. N 4. P. 370–371.
10. *Jervis R.* Drunkard's Search // Explorations in Political Psychology / Ed. by Sh. Iyengar, W.J. McGuire. Durham, London : Duke Univ. Press, 1993.
11. *Pariser E.* The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York : Penguin Press, 2011. 294 p.
12. *Vromen A.* (2017) Digital Citizenship and Political Engagement. The Challenge from Online Campaigning and Advocacy Organisations. London : Palgrave Macmillan, 2017.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Vilkas E. J. Solutions: theory, information, modeling / E. J. Vilkas [et al.]. M.: Radio and communications, 1981. (In rus)
2. Wiener N. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine; or Cybernetics and Society. 2nd edition. M.: Science; Main edition of publications for foreign countries, 1983. 344 p. (In rus)
3. Garbuznyak A. Yu. The phenomenon of post-truth: the devaluation of fact in media discourse // Knowledge. Understanding. Ability [Znanie. Ponimanie. Umenie]. 2019. N 1. P. 184–192. (In rus)
4. Kozhamkulova Sh. Framing effects in the news and their impact on the Kazakh TV viewer // Bulletin of Tomsk University. Philology [Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya]. 2008. N 2. P. 82–85. (In rus)
5. Koontz H. Management: system and contingency analysis of management functions / G. Koontz, C. O'Donnell. M., 1981. 495 p. (In rus)
6. Malyukova O. V. Modern reasoning: captured by fakes // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Cultural science [Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya]. 2018. V. 4 (70). N 4. P. 52–59. (In rus)
7. Yakushev A. A. Making management decisions based on a systemic approach and mathematical modeling // Modern problems of science and education [Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya]. 2012. N 6. P. 463. (In rus)
8. Farnham B. Roosevelt and the Munich Crisis: A Study of Political Decision Making. Princeton, NJ. : Princeton Univ. Press, 1997.

9. Herrman M., Herrman R. Who Makes Foreign Policy Decisions and How: An Empirical Inquiry // International Studies Quarterly. 1989. Vol. 33. N 4. P. 370–371.
10. Jervis R. Drunkard's Search // Explorations in Political Psychology / Ed. by Sh. Iyengar, W.J. McGuire. Durham, London : Duke Univ. Press, 1993.
11. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York : Penguin Press, 2011. 294 p.
12. Vromen A. (2017) Digital Citizenship and Political Engagement. The Challenge from Online Campaigning and Advocacy Organisations. London : Palgrave Macmillan, 2017.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-a@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Взаимосвязь управленческого потенциала и когнитивных характеристик руководителей разных уровней управления*

Баркова Ю. К., Селезнева Е. В. *, Синягин Ю. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *selezneva-ev@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются особенности взаимосвязи управленческого потенциала и когнитивных характеристик руководителей разных уровней управления. Актуальность исследования определяется ведущей ролью руководителей в повышении эффективности и результативности управления во всех сферах социальной жизни и необходимостью в связи с этим более глубоко изучить факторы формирования и развития управленческого потенциала, а следовательно, повышения эффективности управленческой деятельности и успешности управленческой карьеры. Материалом для анализа послужили данные, полученные на факультете оценки и развития управленческих кадров ВШГУ РАНХиГС при Президенте РФ в ходе лично-профессиональной диагностики руководителей разных уровней управления, работающих в государственной и негосударственной сфере. В качестве диагностических инструментов использовались разработанные на факультете опросник «Оценка управленческого потенциала» и методика оценки когнитивных характеристик кадров управления. Выявлены когнитивные характеристики, которые вносят наибольший вклад в формирование и развитие метакомпетентностей (интеллектуальная активность, способность к анализу, способность к умозаключениям и креативность и гибкость мышления), а также метакомпетентности, которые в наибольшей степени взаимосвязаны с уровнем сформированности когнитивных характеристик (готовность к саморазвитию, экспертная компетентность, настойчивость и целеустремленность и стратегическое лидерство). Показана динамика взаимосвязей когнитивных характеристик и управленческого потенциала руководителей в зависимости от их позиции в должностной иерархии. Установлено, что когнитивные характеристики вносят наибольший вклад в формирование управленческого потенциала у руководителей начального уровня управления, оказывая основное влияние на метакомпетентности, обеспечивающие реализацию лидерских функций и непрерывное самосовершенствование руководителя. В то же время показано, что у руководителей высшей группы влияние когнитивных характеристик на управленческий потенциал имеет противоречивый характер, и в то время как повышение способности к сравнению, способности к анализу и суммарного показателя по выделенным когнитивным характеристикам способствует повышению готовности к саморазвитию и экспертной компетентности, повышение креативности и гибкости мышления приводит к снижению уровня стратегического лидерства, готовности к командной работе, а также компетентностей взаимодействия и самоуправления.

Ключевые слова: руководитель, уровень управления, управленческий потенциал, интеллект, когнитивные характеристики, метакомпетентности

Для цитирования: Баркова Ю. К., Селезнева Е. В., Синягин Ю. В. Взаимосвязь управленческого потенциала и когнитивных характеристик руководителей разных уровней управления // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 17–31.

Relationship between Management Potential and Cognitive Characteristics of Managers of Different Government Levels

Yulia K. Barkova, Elena V. Selezneva*, Yuri V. Sinyagin

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; *selezneva-ev@ranepa.ru

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

ABSTRACT

The article deals with leading role of managers in improving the efficiency and effectiveness of management in all spheres of social life. At the same time, the relevance is dictated by the need, in this regard, to study more deeply the factors of the formation and development of managerial potential, and, consequently, increase the efficiency of managerial activity and the success of a managerial career. The material for the analysis was the data obtained at the Faculty of Evaluation and Development of Managerial Human Resources of the Graduate School of Public Administration of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration in the course of personal and professional diagnostics of managers of different government levels working in the state and non-state spheres. The questionnaire "Assessment of management potential", developed at the Faculty, as well as the method for assessing the cognitive characteristics of management personnel were used by us as diagnostic tools. Cognitive characteristics have been identified that provide the greatest opportunities for the formation of cognitive characteristics (expert competence, persistence and dedication and strategic leadership). The dynamics of the relationship between cognitive characteristics and managerial leaders, depending on their position in the structure of the hierarchy, is shown in this article. It was found that cognitive characteristics make the greatest contribution to the formation of managerial potential among managers at the initial level of management, having a decisive influence on meta-competence, ensuring the performance of leadership functions and continuous self-improvement of the manager. At the same time, it was shown that the managers of the highest group have the influence of cognitive characteristics on managerial analytical potential, an increase in the ability for self-development and expert competence, an increase in the ability to compare, the ability to quality, and the total indicator for the identified cognitive characteristics. Increased creativity and flexibility of thinking leads to a decrease in the level of strategic leadership, willingness to work together, as well as competencies and self-management.

Keywords: manager, government levels, managerial potential, intelligence, cognitive characteristics, meta-competence

For citing: Barkova Yu. K., Selezneva E. V., Sinyagin Yu. V. Relationship between Management Potential and Cognitive Characteristics of Managers of Different Government Levels // Administrative consulting. 2021. N 5. P. 17–31.

Введение

Результативность и эффективность управленческой деятельности определяются как внешними, объективными условиями, так и внутренними, субъективными факторами. В качестве таких субъективных факторов выступают востребованные в процессах управления самоорганизующиеся и взаимно компенсируемые индивидуальные, личностные и профессиональные ресурсы руководителя как субъекта управления, которые в своем системном взаимодействии образуют его управленческий потенциал [11; 20].

В рамках многолетних исследований, направленных на разработку и дальнейшее совершенствование технологии личностно-профессиональной диагностики кадров управления, которые проводятся на факультете оценки и развития управленческих кадров ВШГУ РАНХиГС при Президенте РФ [17; 19 и др.], сформулировано и неоднократно подтверждено положение о том, что одним из наиболее значимых объективных факторов, опосредующих влияние тех или иных компонентов управленческого потенциала на эффективность деятельности руководителей и успешность их управленческой карьеры, является их позиция в должностной иерархии [1; 10; 18 и др.]. Активно изучаются на факультете также взаимосвязи между управленческим потенциалом руководителей разных уровней управления и рядом их индивидуально-психологических и личностных характеристик, и результаты исследований свидетельствуют о значительной роли в формировании компонентов управленческого потенциала ценностных ориентаций и личностных качеств, образующих «Большую пятерку» [15; 21; 22 и др.].

В то же время, как показывают отечественные и зарубежные исследования [5; 27; 29 и др.], в значительной мере на эффективность деятельности руководителей влия-

яет их интеллект как общая способность к познанию и решению проблем, которая определяет готовность субъекта к усвоению и преобразованию знаний о внешнем мире, способствует «...поиску и нахождению новых способов решения существенно различных мыслительных задач, сложных проблем, возникающих в процессе осуществления деятельности» [4, с. 110] и тем самым обеспечивает «...открытие возможностей среды для адаптивных действий индивида в ней» [3, с. 20] и помогает преобразовывать окружающий мир.

Таким образом, интеллект рассматривается как универсальная способность, влияющая на успешность решения любых задач [3, с. 24], в том числе — задач, возникающих в управленческой деятельности.

Анализ научной литературы показывает, что в настоящее время в исследованиях взаимосвязи между интеллектом руководителя и эффективностью его деятельности или успешностью его управленческой карьеры можно выделить два основных направления.

Первое направление связано с изучением роли в деятельности руководителя одного из видов интеллекта — эмоционального интеллекта как способности воспринимать, анализировать, понимать и рефлексивно регулировать эмоции, а также через регуляцию эмоций повышать эффективность принятия решений [14; 23; 30 и др.]. Интерес к эмоциональному интеллекту руководителя связан с тем, что значительная часть решений руководителя лежит в области общения с сотрудниками и командной работы. Именно уровень эмоционального интеллекта участников общения оказывает значительное влияние на его процесс и результаты, и именно развитие эмоционального интеллекта позволяет руководителю в максимальной степени реализовывать свои лидерские функции и принимать такие решения при взаимодействии с членами своего коллектива, которые, обеспечивая достижение наилучшего результата в общегрупповой деятельности, одновременно способствуют формированию групповой сплоченности и повышению удовлетворенности членством в группе [13; 31].

Однако эмоциональный интеллект является только одним из видов интеллекта (одной из его форм) и, как показывают исследования, возможности его развития оказываются обусловлены уровнем общего интеллекта [12 и др.].

Второе направление исследований связано с выявлением закономерных взаимосвязей между общим интеллектом и другими личностными качествами, определяющими эффективность деятельности руководителей или успешность их карьеры, а также изучением роли общего интеллекта в формировании управленческого потенциала руководителей.

Следует отметить, что в исследованиях, выполненных в рамках этого направления и направленных на изучение влияния интеллекта руководителя на эффективность его деятельности, чаще всего используется единственный показатель интеллекта — его общий уровень. При этом полученные в них результаты так или иначе подтверждают выявленную еще Э. Гизелли [28] закономерность, в соответствии с которой взаимосвязь интеллекта и успешности управленческой деятельности имеет характер перевернутой U-образной кривой, т. е. существует некоторый оптимальный (имеющий достаточно высокие, но все же промежуточные значения) уровень интеллекта, который обеспечивает наибольшую эффективность и результативность деятельности руководителя [см.: 5; 25 и др.].

В то же время исследователи чрезвычайно редко обращаются к изучению влияния на уровень и особенности структуры управленческого потенциала отдельных когнитивных процессов, состояний, свойств.

Вместе с тем каждая из когнитивных характеристик, входя в структуру общего интеллекта руководителя в качестве его компонента и выполняя определенные функции в процессах познания, вносит свой вклад в формирование и раз-

витие интеллекта как динамической системы и, во взаимодействии с другими компонентами этой системы, обеспечивает успешность решения любых управленческих задач и проблем. При этом взаимодействие отдельных компонентов интеллекта имеет характер не только структурно-функциональной, но и генетической взаимообусловленности, когда, с одной стороны, «...качества более высокого порядка выступают как продукты и результаты организации качеств более низкого порядка» [7, с. 12], а с другой стороны, «...имеет место и трансформация качеств более высокого порядка в качества более низкого порядка» [7, с. 12], и в итоге «...любой когнитивный процесс... являющийся, фактически, операционной основой сознания, может разворачиваться таким образом, что на каждом последующем его этапе в качестве содержательных посылок, условий реализуются те результаты, которые были получены на предшествующих этапах» [7, с. 12].

Из этого следует, что, во-первых, развитие отдельных когнитивных характеристик в структуре интеллекта во многом зависит от их включенности в процессы решения задач и проблем разного типа, а во-вторых, уровень общего интеллекта определяется уровнем сформированности каждой когнитивной компетентности как его компонента (например, уровнем «овладения индивидом мыслительными операциями, выступающими как обобщенные способы решения задач» [2, с. 20], или уровнем развития конвергентных способностей, степенью креативности и обучаемости и особенностями познавательных стилей [24] и т. п.).

Однако роль отдельных когнитивных характеристик как в общем интеллектуальном развитии, так и в повышении эффективности тех или иных видов деятельности чаще всего исследуется на выборках детей и подростков, а работы, посвященные влиянию каких-либо когнитивных процессов или видов когнитивных способностей на формирование тех или иных управленческих умений или управленческого потенциала в целом, встречаются крайне редко [см., например: 9], хотя актуальность и практическая значимость подобных исследований очевидны.

Таким образом, можно говорить о том, что в настоящее время основными исследовательскими проблемами в области изучения влияния общего интеллекта руководителей на эффективность их управленческой деятельности и особенности формирования управленческого потенциала являются, во-первых, проблема изучения взаимосвязей отдельных когнитивных характеристик, входящих в структуру интеллекта, и компонентов управленческого потенциала, а во-вторых, проблема опосредования этих взаимосвязей позицией, которую тот или иной руководитель занимает в должностной иерархии.

В связи с этим были сформулированы следующие предположения:

- между когнитивными характеристиками руководителей и компонентами их управленческого потенциала существуют значимые взаимосвязи;
- уровень должностной иерархии, на котором находится тот или иной руководитель, является фактором, определяющим особенности взаимосвязи когнитивных характеристик и управленческого потенциала руководителей.

Выборка и методы

Цель исследования состояла в том, чтобы выявить особенности взаимосвязи управленческого потенциала и когнитивных характеристик руководителей разных уровней управления.

В соответствии с этой целью необходимо было выявить наличие или отсутствие взаимосвязей между компонентами управленческого потенциала и когнитивными характеристиками у руководителей, занимающих должности на разных уровнях управления.

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе организованной и проведенной кандидатом психологических наук А. В. Рожком личностно-профессиональной диагностики руководителей, работающих в государственной и негосударственной сфере ($n = 1077$).

Респонденты были разделены на подгруппы в соответствии с разработанным на факультете «Классификатором должностей руководителей» в зависимости от позиции, которую они занимали в должностной иерархии [17].

Для оценки общего уровня управленческого потенциала и уровня сформированности его отдельных компонентов использовались шкалы разработанного на факультете опросника «Оценка управленческого потенциала» [16], которые описывают специфические для субъектов управленческой деятельности качества (метакомпетентности), составляющие структуру управленческого потенциала (стратегическое лидерство, управленческая компетентность, масштабность мышления, готовность к саморазвитию, готовность к командной работе, настойчивость и целеустремленность, компетентности социального взаимодействия, компетентности самоуправления, экспертная компетентность).

Для оценки когнитивных характеристик были использованы вопросы из тестов способностей, направленных на изучение отдельных когнитивных процессов, состояний и свойств как компонентов общего интеллекта [26]. Сконструированная методика включает 6 шкал (способность к сравнению, способность проводить аналогии, креативность и гибкость мышления, интеллектуальная активность, способность к умозаключениям, способность к анализу) и позволяет оценить сформированность когнитивных механизмов, с помощью которых осуществляется преобразование тех или иных объектов в пространстве мышления руководителя и обеспечивается решение управленческих задач. В ходе анализа учитывался также суммарный показатель по выделенным когнитивным характеристикам.

Верификация выборки показала ее нормальность, и для анализа взаимосвязей между когнитивными характеристиками и управленческим потенциалом использовался R-коэффициент Пирсона. Статистический анализ проводился с помощью программы Statistika V10.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ взаимосвязи метакомпетентностей как компонентов управленческого потенциала с когнитивными характеристиками и их суммарным показателем свидетельствует, что когнитивная сфера оказывает значимое влияние на развитие и реализацию управленческого потенциала на всех уровнях должностной иерархии (табл. 1–4).

Общий анализ таблиц показывает, что коэффициенты корреляции между метакомпетентностями и отдельными когнитивными характеристиками, а также их суммарным показателем имеют значения от 0,11 до 0,26, т. е. могут расцениваться как низкие. Однако это не означает, что влиянием когнитивных характеристик на формирование, развитие и реализацию управленческого потенциала можно пренебречь. Существующая между управленческим потенциалом и когнитивными характеристиками связь проявляется опосредованно, например, через особенности ценностно-смысловой сферы личности, жизненный опыт человека и т. п.

Как видно из табл. 1, у участников исследования, входящих в 1-ю подгруппу по уровню должности, выявлены 16 значимых взаимосвязей с когнитивными характеристиками и их суммарным показателем для 8 метакомпетентностей.

Из таблицы видно, что у респондентов, входящих в 1-ю подгруппу, суммарный показатель по выделенным когнитивным характеристикам значимо взаимосвязан с семью из девяти метакомпетентностей, что позволяет говорить в целом о суще-

**Взаимосвязь метакомпетентностей с когнитивными характеристиками
и их суммарным показателем у участников исследования,
входящих в 1-ю подгруппу по уровню должности (n = 324)**

Table 1. Relationship of metacompetences with cognitive characteristics and their
summary score in study participants in the 1st subgroup by position level (n = 324)

Взаимосвязь метакомпетентностей с...	r	p
<i>интеллектуальной активностью</i>		
Готовность к саморазвитию	0,18	0,001
Готовность к командной работе	0,12	0,03
Настойчивость и целеустремленность	0,11	0,04
<i>способностью к анализу</i>		
Стратегическое лидерство	0,11	0,04
Масштабность мышления	0,12	0,03
Настойчивость и целеустремленность	0,12	0,03
Компетентности самоуправления	0,13	0,02
<i>способностью к умозаключениям</i>		
Готовность к саморазвитию	0,19	0,001
Экспертная компетентность	0,16	0,001
<i>суммарным показателем</i>		
Стратегическое лидерство	0,13	0,02
Управленческая компетентность	0,13	0,02
Масштабность мышления	0,13	0,02
Готовность к саморазвитию	0,20	0,00
Настойчивость и целеустремленность	0,13	0,02
Компетентности самоуправления	0,11	0,04
Экспертная компетентность	0,19	0,001

ственной роли интеллекта в формировании управленческого потенциала руководителей начального уровня управления. Помимо суммарного показателя значимо взаимосвязаны с теми или иными метакомпетентностями три когнитивные характеристики: интеллектуальная активность, способность к анализу и способность к умозаключениям. Интеллектуальная активность взаимосвязана с готовностью к саморазвитию, готовностью к командной работе и настойчивостью и целеустремленностью, т.е. с компонентами управленческого потенциала, в которых в наибольшей степени проявляется его динамическая природа. Таким образом, можно говорить о том, что интеллектуальная активность выступает как значимый фактор в развитии управленческого потенциала для руководителей начального уровня управления и, как видно из табл. 2 и 4, сохраняет это значение и для руководителей, занимающих должности на последующих уровнях управления.

Способность к анализу у респондентов, входящих в 1-ю подгруппу, оказалась взаимосвязана со стратегическим лидерством, масштабностью мышления, настойчивостью и целеустремленностью, а также компетентностями самоуправления. Это говорит о том, что именно способность выделять из целого и изучать части задачи или проблемы обеспечивает у руководителей начального уровня управления

эффективное решение задач, связанных, с одной стороны, с развитием и поддержанием потенциала сотрудников, а с другой стороны, с собственным личностно-профессиональным развитием, а также помогает при решении управленческих задач выходить за рамки занимаемой должности и преодолевать сопротивления внешней среды.

В то же время способность к умозаключениям как способность рассуждать и делать выводы на основе имеющихся посылок выступает как значимый фактор в формировании ориентации на непрерывное личностное и профессиональное совершенствование и готовности эффективно действовать в изменяющихся условиях, а также способности, опираясь на имеющийся опыт и знания, глубоко, разносторонне и системно анализировать возникающие профессиональные и управленческие проблемы.

Так как все значимые взаимосвязи между метакомпетентностями и теми или иными когнитивными характеристиками, а также их суммарным показателем являются прямыми, можно предположить, что не только при развитии интеллекта закономерно повышается уровень развития управленческого потенциала, но и, наоборот, при развитии отдельных компонентов управленческого потенциала повышается уровень развития отдельных компонентов интеллекта. Важно также, что суммарный показатель по выделенным когнитивным характеристикам участников исследования, входящих в 1-ю подгруппу, а также их интеллектуальная активность и сформированность их способностей к анализу и умозаключениям оказывают влияние на те метакомпетентности, которые обеспечивают, с одной стороны, реализацию лидерских функций руководителя, а с другой стороны, его непрерывное самосовершенствование. Все это вместе в значительной степени определяет управленческий, а следовательно, и карьерный потенциал руководителя. Таким образом, в рамках диагностики для руководителей, занимающих должности данного уровня, подобная структура взаимосвязей может рассматриваться как прогностический индикатор при оценке их карьерных перспектив.

У участников исследования, входящих во 2-ю подгруппу по уровню должности, выявлены 17 значимых взаимосвязей с отдельными когнитивными характеристиками и их суммарным показателем также для восьми метакомпетентностей (табл. 2).

Анализ таблицы показывает, что у респондентов, входящих во 2-ю подгруппу, роль суммарного показателя в формировании компонентов управленческого потенциала меньше, чем у респондентов, входящих в 1-ю подгруппу. В то же время из таблицы видно, что значительную роль в развитии метакомпетентностей у респондентов, входящих во 2-ю подгруппу, играют способности к сравнению и к умозаключениям.

Анализ таблицы с точки зрения числа метакомпетентностей, взаимосвязанных с теми или иными когнитивными характеристиками, показывает, что у респондентов, входящих во 2-ю подгруппу, как и у респондентов, входящих в 1-ю подгруппу, наибольшее число значимых взаимосвязей с отдельными когнитивными характеристиками и их суммарным показателем имеют готовность к саморазвитию, а также настойчивость и целеустремленность. Однако если в 1-й подгруппе готовность к саморазвитию была взаимосвязана с интеллектуальной активностью, способностью к умозаключениям и общим уровнем интеллекта, то во 2-й подгруппе место способности к умозаключениям в этой структуре заняла способность к сравнению. Структура связей для настойчивости и целеустремленности изменилась еще больше: место интеллектуальной активности и способности к анализу, которые были взаимосвязаны с этой метакомпетентностью в 1-й подгруппе, во 2-й подгруппе заняли способности к сравнению и умозаключениям. Можно предположить, что эти изменения связаны с изменениями в характере управленческих задач, которые должны решать руководители на данном уровне управления.

Взаимосвязь метакомпетентностей с когнитивными характеристиками и их суммарным показателем у участников исследования, входящих во 2-ю подгруппу по уровню должности ($n = 357$)

Table 2. Relationship of metacompetencies with cognitive characteristics and their summary indicator in study participants in the 2nd subgroup by position level ($n = 357$)

Взаимосвязь метакомпетентностей с...	<i>r</i>	<i>p</i>
<i>интеллектуальной активностью</i>		
Готовность к саморазвитию	0,16	0,00
<i>способностью к сравнению</i>		
Стратегическое лидерство	0,12	0,03
Управленческая компетентность	0,11	0,04
Готовность к саморазвитию	0,14	0,01
Настойчивость и целеустремленность	0,11	0,03
Экспертная компетентность	0,18	0,00
<i>способностью к анализу</i>		
Готовность к командной работе	-0,11	0,03
<i>способностью к умозаключениям</i>		
Стратегическое лидерство	0,11	0,03
Управленческая компетентность	0,12	0,02
Масштабность мышления	0,13	0,02
Настойчивость и целеустремленность	0,14	0,01
Компетентности самоуправления	0,11	0,04
Экспертная компетентность	0,12	0,03
<i>суммарным показателем</i>		
Готовность к саморазвитию	0,19	0,00
Настойчивость и целеустремленность	0,12	0,03
Компетентности самоуправления	0,14	0,01
Экспертная компетентность	0,16	0,00

Три значимые взаимосвязи в этой подгруппе имеет и экспертная компетентность (со способностью к сравнению, способностью к умозаключениям и суммарным показателем), т. е. по сравнению с 1-й подгруппой число ее взаимосвязей с когнитивными характеристиками увеличилось, что может отражать более высокий уровень сложности экспертных задач и свидетельствовать об усилении роли интеллекта в их решении.

Масштабность мышления в отличие от 1-й подгруппы имеет только одну значимую взаимосвязь и также в отличие от 1-й подгруппы — со способностью к умозаключениям.

Интересно также, что если в 1-й подгруппе готовность к командной работе имела прямую взаимосвязь с интеллектуальной активностью, то во 2-й она оказалась обратно взаимосвязана со способностью к анализу. Можно предположить, что чем лучше руководители, входящие в эту подгруппу, способны анализировать возникающие в процессе управления проблемы, тем менее они готовы внутренне принимать поставленные организационные цели и задачи и тем менее они оказываются ориентированы на командное взаимодействие.

У участников исследования, входящих в 3-ю подгруппу по уровню должности, выявлены только три значимые взаимосвязи с когнитивными характеристиками и их суммарным показателем только для трех метакомпетентностей (табл. 3).

Можно предположить, что для респондентов, входящих в данную подгруппу, интеллект в целом не является определяющим фактором формирования, развития и реализации большинства метакомпетентностей. Вместе с тем, как видно из таблицы, определенные значимые взаимосвязи все же фиксируются. Так, прямая взаимосвязь с суммарным показателем по выделенным когнитивным характеристикам фиксируется, как и в 1 и 2-й подгруппах, для стратегического лидерства. Это позволяет предполагать, что интеллект выступает как значимый фактор развития способности руководителя не только развивать и поддерживать потенциал сотрудников, но и формулировать стратегические цели организации, видеть стратегические перспективы деятельности и развития организационно-управленческих структур.

В то же время для готовности к саморазвитию и экспертной компетентности фиксируется обратная взаимосвязь со способностью проводить аналогии. Таким образом, чем лучше руководители, входящие в эту подгруппу, умеют видеть сходство в тех или иных отношениях, предметах, явлениях или процессах, тем менее они готовы к непрерывному личностно-профессиональному совершенствованию и глубокому разностороннему и системному анализу профессиональных и управленческих проблем. Можно предположить, что опосредующим фактором в такой взаимосвязи выступает накопленный негативный жизненный и управленческий опыт.

У участников исследования, входящих в 4-ю подгруппу по уровню должности, число значимых взаимосвязей между метакомпетентностями и когнитивными характеристиками увеличивается (табл. 4).

Как видно из таблицы, в данной подгруппе зафиксировано 12 значимых взаимосвязей трех когнитивных характеристик и суммарного показателя с 6 метакомпетентностями. При этом, по сравнению с другими подгруппами, выделенными по уровню должности, в 4-й подгруппе эти взаимосвязи наиболее противоречивы.

Наибольшее число взаимосвязей — четыре — зафиксировано в этой подгруппе у готовности к саморазвитию: с интеллектуальной активностью, способностью к анализу, креативностью и гибкостью мышления и суммарным показателем. Три взаимосвязи выявлено для экспертной компетентности (со способностью к сравнению, способностью к анализу и суммарным показателем). Все эти взаимосвязи имеют прямой характер, т. е. повышение уровня готовности к саморазвитию и экспертной компетентности в данной подгруппе и повышение уровня интеллекта взаимообусловлены.

Таблица 3

Взаимосвязь метакомпетентностей с когнитивными характеристиками и их суммарным показателем у участников исследования, входящих в 3-ю подгруппу по уровню должности ($n = 207$)

Table 3. Relationship of metacompetences with cognitive characteristics and their summary indicator in study participants in the 3rd subgroup by position level ($n = 207$)

Взаимосвязь метакомпетентностей с...	<i>r</i>	<i>p</i>
<i>способностью проводить аналогии</i>		
Готовность к саморазвитию	−0,20	0,00
Экспертная компетентность	−0,14	0,05
<i>суммарным показателем</i>		
Стратегическое лидерство	0,17	0,02

Взаимосвязь метакомпетентностей с когнитивными характеристиками и их суммарным показателем у участников исследования, входящих в 4-ю подгруппу по уровню должности ($n = 189$)

Table 4. Relationship of metacompetences with cognitive characteristics and their summary indicator in study participants in the 4th subgroup by position level ($n = 189$)

Взаимосвязь метакомпетентностей с...	<i>r</i>	<i>p</i>
<i>способностью к сравнению</i>		
Экспертная компетентность	0,15	0,03
<i>интеллектуальной активностью</i>		
Готовность к саморазвитию	0,17	0,02
<i>способностью к анализу</i>		
Готовность к саморазвитию	0,14	0,05
Экспертная компетентность	0,16	0,02
<i>креативностью и гибкостью мышления</i>		
Стратегическое лидерство	-0,16	0,02
Готовность к саморазвитию	0,17	0,02
Готовность к командной работе	-0,16	0,03
Компетентности взаимодействия	-0,18	0,02
Компетентности самоуправления	-0,16	0,03
<i>суммарным показателем</i>		
Готовность к саморазвитию	0,26	0,00
Готовность к командной работе	-0,14	0,05
Экспертная компетентность	0,14	0,05

В то же время для готовности к командной работе зафиксированы две (с креативностью и гибкостью мышления и суммарным показателем), а для стратегического лидерства, компетентностей взаимодействия и компетентностей самоуправления — по одной обратной взаимосвязи (для стратегического лидерства со способностью к сравнению, а для компетентностей взаимодействия и компетентностей самоуправления — с креативностью и гибкостью мышления).

Таким образом, мы можем говорить о парадоксальной ситуации, когда для руководителей, занимающих наиболее высокие позиции в должностной иерархии и тем самым призванных осуществлять стратегическое лидерство, т.е. видеть перспективы деятельности и развития и поддерживать и развивать потенциал сотрудников, заряжая их своими идеями, что, в свою очередь, предполагает ориентацию на командное взаимодействие, способность к конструктивному взаимодействию и готовность к компромиссу, креативность и гибкость мышления выступают в качестве фактора, препятствующего формированию, развитию и реализации этой наиболее значимой для них управленческой функции.

Безусловно, этот парадокс связан не собственно с теми или иными аспектами управленческого потенциала или интеллекта руководителей, а с их ценностно-смысловой сферой — выраженностью их социальной направленности, содержанием и структурой их ценностных ориентаций, а также иерархией, содержанием и соотношением трех видов задач, которые руководители должны решать в процессе реализации своих управленческих функций: стратегических жизненных идей, организационных задач и задач, направленных на обеспечение собственной без-

опасности. Так, преобладание последнего типа задач в структуре задач, которые решает руководитель в своей деятельности, как показывают исследования, связано со стремлением не только избегать самостоятельного принятия решений в ситуациях неопределенности, но и не допускать и предупреждать возникновение подобных ситуаций [8, с. 184]. Можно только согласиться с А. А. Карповым и А. И. Кулаковой, которые, зафиксировав в своем исследовании обратную зависимость между креативностью руководителя и уровнем развития параметров его метакогнитивной сферы как субъекта управленческой деятельности и связав обнаруженную закономерность с отказом руководителей от принятия решений в связи с наличием в них элементов риска, делают вывод о том, что «в подобных ситуациях креативность как средство поиска новых, нестандартных альтернатив не только неполозна, но и фактически „противопоказана“» [6, с. 141].

Заключение

Проведенное исследование подтвердило наши предположения о существовании значимых взаимосвязей между управленческим потенциалом и когнитивными характеристиками руководителей разных уровней управления.

Результаты исследования показывают, что отдельные когнитивные характеристики, входящие в структуру интеллекта руководителей, а также их совокупность являются значимыми факторами в формировании компонентов управленческого потенциала. При этом структура взаимосвязей когнитивных характеристик с компонентами управленческого потенциала отличается подвижностью, а опосредующим фактором ее динамики выступает позиция руководителя в должностной иерархии.

Вклад в развитие управленческого потенциала вносят все когнитивные характеристики, но в наибольшей степени на его формирование влияют интеллектуальная активность, способность к анализу, способность к умозаключениям и креативность и гибкость мышления.

Взаимосвязи с когнитивными характеристиками и их суммарным показателем зафиксированы для восьми из девяти метакомпетентностей, входящих в структуру управленческого потенциала, причем наибольшее число значимых взаимосвязей с разными когнитивными характеристиками имеют готовность к саморазвитию, экспертная компетентность, настойчивость и целеустремленность и стратегическое лидерство. Отсутствие взаимосвязей между компонентами интеллекта и таким компонентом управленческого потенциала, как компетентности социального взаимодействия, позволяет предположить, что фактором формирования и развития данной метакомпетентности является не общий, а эмоциональный интеллект.

Когнитивные характеристики играют наибольшую и однозначно положительную роль в развитии управленческого потенциала только у руководителей, находящихся на начальном уровне управления. На последующих уровнях происходит нарастание противоречий в отношениях между интеллектом руководителей и их управленческим потенциалом. Наибольшее количество противоречий фиксируется в подгруппе руководителей, находящихся на высшем уровне управления, а наибольшее количество отрицательных взаимосвязей с метакомпетентностями зарегистрировано для креативности и гибкости мышления.

В целом, как показывает проведенный анализ, уровень сформированности отдельных когнитивных характеристик может рассматриваться как один из значимых прогностических параметров в оценке управленческого потенциала.

Литература

1. Баркова Ю. К., Клычникова К. А., Селезнева Е. В., Чирковская Е. Г. Взаимосвязь образовательной и управленческой успешности руководителей // *Science and world*. 2019. № 11 (75). Vol. II. С. 65–71.
2. Берберян Э. С. Место мыслительных операций в структуре способностей и мышления // *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13. № 1. С. 19–28.
3. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. 3-е изд. СПб.: Питер, 2007. 368 с.
4. Карпов А. А. Интеллект как детерминанта метакогнитивных качеств личности // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Гуманитарные науки*. 2016. № 2. С. 82–88.
5. Карпов А. А. Общие способности в структуре управленческой деятельности // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Гуманитарные науки*. 2018. № 3 (45). С. 100–106.
6. Карпов А. А., Кулакова А. И. Исследование общих способностей как детерминант метакогнитивной регуляции управленческой деятельности // *Ярославский педагогический вестник*. 2018. № 2. С. 136–143.
7. Карпов А. В. Системные качества в функциональной организации сознания и операционной структуре мышления // *Ярославский психологический вестник*. 2019. № 1(43). С. 6–20.
8. Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В. Психология принятия решения в управленческой деятельности. Метасистемный подход. Ярославль: ЯрГУ; М.: Издательский дом РАО, 2016. 644 с.
9. Косенкова И. В. Аналитические способности как основа организационно-управленческих умений будущих инженеров-строителей // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009. № 8 (76). С. 269–272.
10. Лебедева А. В., Селезнева Е. В., Чирковская Е. Г. Взаимосвязь фактов биографии и профиля управленческой готовности // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2019. № 4. С. 49–59.
11. Марков В. Н., Сиягин Ю. В. Потенциал личности // *Мир психологии*. 2000. № 1(21). С. 250–261.
12. Осеев А. А., Осеев А. А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований) // *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*. 2016. Т. 22. № 2. С. 242–263.
13. Платонова Н. С., Тулупьева Т. В. Эмоциональное лидерство: взаимосвязь уровня образования и эмоционального интеллекта // *Управленческое консультирование*. 2020. № 10. С. 109–123.
14. Робертс Р. Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д. В. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2004. Т. 1. № 4. С. 3–24.
15. Селезнева Е. В., Баркова Ю. К. Социальная направленность личности и ценностные стратегии руководителей системы государственной службы // *Вопросы управления*. 2019. № 4 (40). С. 203–216.
16. Сиягин Ю. В. Опросник оценки управленческого потенциала в комплексной личностно-профессиональной диагностике. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 186 с.
17. Сиягин Ю. В. Трехкомпонентная модель управленческой готовности // *Живая психология*. 2017. Т. 4. № 2. С. 101–108.
18. Сиягин Ю. В. Факторы, условия и биографические предикторы успешной управленческой карьеры в системе государственной гражданской службы // *Государственная служба*. 2019. Т. 21. № 4. С. 6–21.
19. Сиягин Ю. В., Переверзина О. Ю., Косороткина М. С., Мударисов А. А. Личностно-профессиональная диагностика как комплексный механизм оценки компетентностей и компетенций гражданских служащих // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 11. С. 125–129.
20. Сиягин Ю. В., Селезнева Е. В. Взаимосвязь эффективности деятельности руководителей на государственной гражданской службе и их личностно-профессионального потенциала // *Вопросы управления*. 2016. № 4 (22). С. 98–105.
21. Сиягин Ю. В., Селезнева Е. В., Баркова Ю. К. Жизненные стратегии руководителей системы государственного управления // *Мир психологии*. 2020. № 4 (104). С. 187–199.

22. Синягин Ю. В., Синягина Н. Ю. Биографические предикторы индивидуально-психологических особенностей, входящих в «Большую пятерку» личностных качеств // Государственная служба. 2020. Т. 22. №3. С. 31–47.
23. Хлебная Е. А. Роль эмоционального интеллекта в эффективности деятельности (на примере руководителей) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2012. 27 с.
24. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М. : Барс; Томск : Изд-во Томского университета, 1997. 391 с.
25. Чемякина А. В., Перевозкина Ю. М., Карпов А. В., Карпов А. А. Структурные закономерности рефлексивной детерминации управленческой деятельности в образовательном пространстве // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 5. С. 209–228.
26. Шатров Ю. Тесты способностей: насколько связаны с эффективностью, оценивают ли интеллект и как их вообще применять [Электронный ресурс]. URL: https://digital.ecopsy.ru/blog/aptitude_tests_recommendations (дата обращения: 10.01.2021).
27. Friedman L., Fleishman E. A., Fletcher J. M. Cognitive and interpersonal abilities related to the primary activities of R&D managers // Journal of Engineering and Technology Management. 1992. Vol. 9. P. 211–242.
28. Ghiselli E. E. Intelligence and managerial success // Psychological Reports. 1963. № 12 (3). P. 898.
29. Helfat C. E., Peteraf M. A. Managerial cognitive capabilities and the microfoundations of dynamic capabilities // Strategic management journal. 2015. Vol. 36 (6). P. 831–850.
30. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R. Models of emotional intelligence // Handbook of intelligence / ed. R. Stenberg. N.Y. : Cambridge University Press. 2000. P. 396–420.
31. Coetzer G. H. Emotional versus Cognitive Intelligence: Which is the better predictor of Efficacy for Working in Teams? // Journal of Behavioral and Applied Management. 2016. 16 (2). P. 116–133 [Электронный ресурс]. URL: <https://jbam.scholasticahq.com/article/1161-emotional-versus-cognitive-intelligence-which-is-the-better-predictor-of-efficacy-for-working-in-teams> (дата обращения: 27.11.2020).

Об авторах:

Баркова Юлия Константиновна, магистр психологии, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Диагностика и оценка руководителей» факультета оценки и развития управленческих кадров Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); barkova-yk@ranepa.ru

Селезнева Елена Владимировна, доктор психологических наук, профессор, заведующий научно-исследовательским сектором научно-исследовательской лаборатории «Диагностика и оценка руководителей» факультета оценки и развития управленческих кадров Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); selezneva-ev@ranepa.ru

Синягин Юрий Викторович, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета оценки и развития управленческих кадров Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); yvsinyagin@gmail.com

References

1. Barkova Yu. K., Kly'chnikova K. A., Selezneva E. V., Chirkovskaya E. G. Interrelation of heads' educational and managerial success // Science and world. 2019. N 11 (75). Vol. II. P. 65–71.
2. Berberyan H. S. "Mental operations" place in the structure of abilities and thinking // Russian Psychological Journal [Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal]. 2016. Vol. 13. N 1. P. 19–28.
3. Druzhinin V. N. General ability psychology. 3rd ed. SPb. : Piter, 2007. 368 p.
4. Karpov A. A. The Intellect as a Determinant of the Metacognitive Properties of Personality // Bulletin of the Yaroslavl State University. P. G. Demidov. Ser.: Humanitarian sciences [Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Gumanitarnye nauki]. 2016. N 2. P. 82–88.
5. Karpov A. A. General abilities in the structure of management activity // Bulletin of the Yaroslavl State University. P. G. Demidov. Ser.: Humanitarian sciences [Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Gumanitarnye nauki]. 2018. N 3 (45). P. 100–106.

6. Karpov A.A., Kulakova A.I. Research of General Abilities as Determinants of Metacognitive Regulation of Management Activity // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin* [Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik]. 2018. N 2. P. 136–143.
7. Karpov A.V. System Qualities in the Functional Organization of Consciousness and Operating Structure of Thinking // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin* [Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik]. 2019. N 1 (43). P. 6–20.
8. Karpov A.V., Karpov A.A., Markova E.V. Psychology of decision-making in management. Metasystem approach. Yaroslavl : YarSU; M. : Publishing House RAO, 2016. 644 p.
9. Kosenkova I.V. Analytical abilities as a basis of organizational-administrative abilities of the future civil engineers // *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities* [Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki]. 2009. N 8 (76). P. 269–272.
10. Lebedeva A.V., Selezneva E.V., Chirkovskaya E.G. Interrelation between biographical data and profile of managerial readiness // *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology* [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki]. 2019. N 4. P. 49–59.
11. Markov V.N., Sinyagin Yu. V. Personality potential // *World of psychology* [Mir psikhologii]. 2000. N 1 (21). P. 250–261.
12. Oseev A.A., Oseev A.A. Empirical models of structure of personal qualities of heads: affective type of social action by M. Weber (Results of applied researches) // *Moscow University Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya]. 2016. Vol. 22. N 2. P. 242–263.
13. Platonova N.S., Tulupieva T.V. Emotional Leadership: The Relationship of Level of Education and Emotional Intelligence // *Administrative consulting* [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2020. N 10. P. 109–123.
14. Roberts R.D., Matthews J., Seidner M., Lyusin D.V. Emotional intelligence: problems of theory, measurement and application in practice // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics* [Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki]. 2004. Vol. 1. N 4. P. 3–24.
15. Selezneva E.V., Barkova Yu.K. Social orientation of personality and value strategies of leaders of the civil service // *Management Issues* [Voprosy upravleniya]. 2019. N 4 (40). P. 203–216.
16. Sinyagin Yu.V. Questionnaire for assessing management potential in complex personal and professional diagnostics. M. : Delo Publishing House, RANEPa, 2020. 186 p.
17. Sinyagin Yu.V. Three-pillar model of management readiness // *Living psychology* [Zhivaya psikhologiya]. 2017. Vol. 4. N 2. P. 101–108.
18. Sinyagin Yu.V. Factors, conditions and biographical predictors of a successful managerial career in the state civil service system // *Public Administration* [Gosudarstvennaya sluzhba]. 2019. Vol. 21. N 4. P. 6–21.
19. Sinyagin Yu.V., Pereverzina O.Yu., Kosorotkina M.S., Mudarisov A.A. Personality professional examination as a comprehensive assessment of the expert knowledge and competencies of civil servants // *Theory and practice of social development* [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2013. N 11. P. 125–129.
20. Sinyagin Yu.V., Selezneva E.V. The correlation between the effectiveness of the civil service managers and their personal and professional potential // *Management Issues* [Voprosy upravleniya]. 2016. N 4(22). P. 98–105.
21. Sinyagin Yu.V., Selezneva E.V., Barkova Yu.K. Life strategies of managers of the public administration system // *World of psychology* [Mir psikhologii]. N 4 (104). P. 187–199.
22. Sinyagin Yu.V., Sinyagina N.Y. Biographical predictors of individual psychological characteristics included in the 'big five' of personal qualities // *Public Administration* [Gosudarstvennaya sluzhba]. 2020. Vol. 22. N 3. P. 31–47.
23. Khlebnaya E.A. The role of emotional intelligence in performance (on the example of leaders):. dis. abstract. M., 2012. 27 p.
24. Kholodnaya M.A. Psychology of intelligence: paradoxes of research. M. : Bars; Tomsk : Publishing house of Tomsk University, 1997. 391 p.
25. Chemyakina A.V., Perevozkin Yu.M., Karpov A.V., Karpov A.A. Structural regularities of reflexive determination of management activity in education // *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin* [Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. 2018. Vol. 8. N 5. P. 209–228.
26. Shatrov Y. Tests of abilities: to what extent are they related to efficiency, whether intelligence is assessed and how to apply them in general. URL: https://digital.ecopsy.ru/blog/aptitude_tests_recommendations (accessed: 10.01.2021).

27. Friedman L., Fleishman E. A., Fletcher J. M. Cognitive and interpersonal abilities related to the primary activities of R&D managers // *Journal of Engineering and Technology Management*. 1992. Vol. 9. P. 211–242.
28. Ghiselli E. E. Intelligence and managerial success // *Psychological Reports*. 1963. N 12 (3). P. 898.
29. Helfat C. E., Peteraf M. A. Managerial cognitive capabilities and the microfoundations of dynamic capabilities // *Strategic management journal*. 2015. Vol. 36 (6). P. 831–850.
30. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R. Models of emotional intelligence // *Handbook of intelligence* / ed. R. Stenberg. N.Y. : Cambridge University Press. 2000. P. 396–420.
31. Coetzer G. H. Emotional versus Cognitive Intelligence: Which is the better predictor of Efficacy for Working in Teams? // *Journal of Behavioral and Applied Management*. 2016. 16(2). P. 116–133. URL: <https://jbam.scholasticahq.com/article/1161-emotional-versus-cognitive-intelligence-which-is-the-better-predictor-of-efficacy-for-working-in-teams> (accessed: 27.11.2020).

About the authors:

Yulia K. Barkova, Master of Psychology, Researcher at the Research Laboratory of Diagnostics and Assessment of Managers, the Graduate School of Public Administration of RANEPA (Moscow, Russian Federation); barkova-yk@ranepa.ru

Elena V. Selezneva, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Research and Development Sector of the Scientific Laboratory for Diagnostics and Assessment of Managers, the Graduate School of Public Administration of RANEPA (Moscow, Russian Federation); selezneva-ev@ranepa.ru

Yuri V. Sinyagin, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Academic supervisor of the Faculty of Evaluation and Development of Managerial Human Resources, the Graduate School of Public Administration of RANEPA (Moscow, Russian Federation); yvsinyagin@gmail.com

Права человека: от теории — к политике

Кугай А. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, Kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья обращается к правам человека в ракурсах определения их концептуальных оснований, рассмотрения как элемента геополитики и контекстно-ориентированного подхода к их обеспечению. Признание достоинства человеческой личности — главное, на чем базируется концепция прав человека. Идея человеческого достоинства проявляется в равном статусе каждого человека и выражается в том, что при рождении каждый человек становится членом корпоративного органа человечества. С этой точки зрения любая попытка лишить человека его «врожденной» корпоративной идентичности как члена человечества является именно тем, что представляет собой нарушение прав человека. В то же время, следует отделять практику от риторики. На уровне политической практики история прав человека, как и во времена Локка, сохраняет все признаки социального неравенства, остается историей прочерчивания границ прав одних социальных групп, слоев и народов за счет ограничения других. Отождествление сущности прав человека с западной культурой отрицает возможность для других культур иметь те самые права, подтверждая, что те, кто не является частью западной культуры, исключены из радара прав человека. Соответственно, наиболее продуктивным в теории и практике обеспечения прав человека выступает контекстно-ориентированный подход, предусматривающий привлечение к диалогу представителей разных культур, которые не обязательно разделяют одинаковое понимание этики прав человека, выступая контекстно-зависимой универсальностью.

Ключевые слова: права человека, человеческое достоинство, свобода, насилие, «гуманитарная интервенция», свобода слова, двойные стандарты, контекстно-ориентированный подход

Для цитирования: Кугай А. И. Права человека: от теории — к политике // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 32–44.

Human Rights: From Theory to Politics

Alexander I. Kugay

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation, Kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

The article addresses human rights from the perspectives of defining their conceptual foundations, considering them as an element of geopolitics and a context-oriented approach to ensuring them. The recognition of the dignity of the human person — the main thing, on what is based the concept of human rights. The idea of human dignity manifests itself in the equal status of each person and is expressed in the fact that at birth each person becomes a member of the corporate body of humanity. From this point of view, any attempt to deprive a person of his “innate” corporate identity as a member of humanity is precisely what constitutes a violation of human rights. At the same time, practice should be separated from rhetoric. At the level of political practice, the history of human rights, as in the time of Locke, retains all the signs of social inequality, remains the history of drawing the boundaries of the rights of some social groups, strata and peoples at the expense of limiting others. Identifying the essence of human rights with Western culture denies the possibility for other cultures to have the same rights. Affirming that those who are not part of Western culture are excluded from the human rights radar. Accordingly, the most productive approach in the theory and practice

of ensuring human rights is the context-oriented approach, which involves representatives of different cultures in the dialogue, who do not necessarily share the same understanding of human rights ethics, acting as a context-dependent universality.

Keywords: human rights, human dignity, freedom, violence, "humanitarian intervention", freedom of speech, double standards, context-based approach

For citing: Kugay A.I. Human Rights: From Theory to Politics // Administrative consulting. 2021. No. 5. P. 32–44.

Изучение прав человека стало императивом человеческого бытия, значение которого будет непременно возрастать в условиях цивилизационных и геополитических противоречий [5], возрастающего конфликта между декларируемой свободой и тотальным цифровым контролем [6]. Интерес к концепции прав человека распространяется от отдельных лиц и групп в академические круги, парламенты, правительства, НПО и общества, а также от политической философии до политической науки и международных отношений через такие темы, как «режим прав человека», «права детей», «права женщин», «права мигрантов» и т. д.

Что собой представляет институт прав человека, какой набор этих прав реализуется в конкретных исторических условиях? Каковы основные парадоксы формирования и обеспечения прав человека? Чем отличается геополитическая риторика о правах человека от реальной практики их обеспечения в современном мире? Должны ли права человека пониматься в определенном контексте? Если так, разве нет риска, что они утратят свой универсальный характер?

Концептуальные основания

Идея фундаментальных прав человека была сформулирована Марком Туллем Цицероном в I в. до н. э. и Джоном Локком в XVII в. Основные принципы бесспорных прав здесь сводятся к следующему. У Цицерона — право на жизнь, право на безопасность и право на счастье, у Локка — право на жизнь, право на свободу и право на собственность.

Что является основным в этой концепции естественных прав? Прежде всего то, что они связаны с идеей «человеческого статуса», или «человечности», независимыми от природных законов, от законов того или иного общества, не оцениваются по критерию истинности, либо ложности этих законов, признаются всеми членами человеческого общества, видов независимо от их природных или культурных различий, поскольку имеют иное происхождение.

Признание достоинства человеческой личности — главное, на чем базируется концепция прав человека. Идея человеческого достоинства проявляется в высоком и равном статусе каждого человека и выражается в том, что при рождении каждый человек также приобретает корпоративную идентичность «человечества», становясь членом корпоративного органа, не нации, а человечества как корпоративного человека [12, с. 223–240]. Априорная связь между состоянием естественности и правовым статусом человеческого достоинства может быть сформулирована следующим образом: нарушение человеческого достоинства происходит всякий раз, когда с кем-то обращаются таким образом, что, по их мнению, для них было бы лучше не быть рожденными (учитывая, что они действительно родились). Соответственно, европейские протесты в пользу солидарности с беженцами и вынужденными переселенцами основываются на императиве: «Будь человеком». Их иллокутивная сила адресована тем правительствам, которые сделали ставку на свой успех на выборах, выставляя напоказ свое пренебрежение ценностью человеческого достоинства, лежащей в основе международных законов о правах че-

ловека. С этой точки зрения любая попытка лишить человека его «врожденной» корпоративной идентичности как члена человечества является именно тем, что представляет собой нарушение прав человека.

В традиции христианского персонализма, каждый из нас обладает особым достоинством в силу того факта, что «каждый из нас создан по образу и по подобию Божьему» (Быт. 1:26). Возможно, не менее важна и альтернативная генеалогия, которая предполагает, что человеческое достоинство впервые было связано с правами человека не в процессе секуляризации христианских богословских концепций [21; 24], а в контексте борьбы за установление принципа, в котором стремление к мирскому счастью для всех человеческих существ является единственной легитимной целью политики [13]. Это мирское счастье не может быть обеспечено иначе, как путем объединения социальных и экономических прав с политическими и гражданскими правами. В этом смысле, как заметил Клод Лефор: «Реальны только права граждан, а права человека являются фикцией» [8]. Как только человек попадал в ситуацию, независимую от гражданства и национальности, он тотчас становился незащищенным, поскольку за пределами национального государства, установленного им политического порядка, его права институционально не обеспечивались.

В основе любого позитивного права — гражданского, уголовного, конституционного — лежит философская антропология, формулирующая идею человеческого достоинства, толкование и защита которого составляет трансцендентное право, определяя суть остальных прав. Какова философия человека, каков дискурс о его природе — такая система права, которую мы будем иметь. И наоборот, та или иная правовая система (к примеру, рабовладельческое, социалистическое, или либерально-демократическое право) предусматривает определенный образ **человека**.

Концепция прав человека продиктована теми ужасами, которые произошли в ходе Второй мировой войны, желанием никогда не допустить подобного. В декларации 1948 г. говорится, что невнимание к правам человека ведет к войнам, диктатурам, насилию. Нужно уважать права человека, чтобы не вынуждать людей прибегать к последнему средству — праву на восстание. Первостепенное право — право на жизнь. Это право уместно и применимо ко всем, независимо от его культурной принадлежности, политической идеологии, сексуальной ориентации, цвета кожи или географического положения. Отказ от такого права на том основании, что нынешний корпус по правам человека встроен в западную культуру, лишает некоторых людей права на жизнь.

Обобщенно говорить о правах человека не столь продуктивно, есть права гражданские, политические, социальные, экономические, культурные. Каждый исторический режим определяется в том, какие права человека подлежат абстрагированию, а какие — нет. Выделим три составляющие прав человека: 1) «кто обладает гражданскими правами»? 2) «на какие сферы социальной жизни распространяются подразумеваемые универсальными права?»; 3) «каково практическое наполнение таких прав?». Очевидно, у каждого вида прав (гражданских, политических, социальных, культурных) существуют специфические ответы на эти вопросы. Формирование прав — продукт государства, ее правящей и интеллектуальной элиты, результат борьбы народных масс за свои права. «В борьбе обретишь ты право свое!» (Рудольф Иеринг).

Как демонстрирует Тилли Чарльз в Европе демократия возникла в ходе борьбы, но лишь немногие ее участники были намерены сформировать демократические институты. Отсюда условия демократизации неоднородны и зависят от конкретной исторической ситуации, международных факторов, установившихся форм политической организации и системы общественных отношений [11].

Права человека — предмет политических игр. Какой-то из меню набор реализуется, а какой-то маргинализируется. Государства, в зависимости от многих обсто-

ятельств, педалируя политические права, оставляют в тени социальные права. Вас вовлекают в игру за политические права, как это происходит в США, что обладает своей системной мощью. В основе американской политико-правовой системы лежат три недоверия: 1) людей — друг к другу (Контрактные отношения: главное в отношениях между людьми — это доверенность), 2) людей к власти, 3) различных ветвей власти друг к другу. Как заметил Дж. Картер, «Гораздо вернее будет сказать, что гражданские права изобрели Америку» [2, с. 57]. Напротив, Советский Союз выбирал социальные права: право на труд, бесплатное образование и медицинское обеспечение. *В тревогах, связанных с пандемией коронавируса, незаметно прошла знаменательная дата в истории СССР — 90-летие полной ликвидации безработицы. 13 марта 1930 г. последний безработный отметился на последней в рабоче-крестьянском государстве бирже труда. Тем самым было покончено с безработицей в Стране Советов.*

В то же время все гражданские права равнозначны и равноценны, поскольку предполагают друг друга как пальцы на руке. Возьмем право на труд. Допустим, человека необоснованно уволили с работы, или ему платят гроши за тяжелую работу. Как ему обойтись без права на справедливый суд, как обойтись без свободы слова? Как защитить это право на труд? Как реализовать право на равноправие? Как добиться справедливости, как равного воздаяния — «равное за равное». «Неравное за равное — нарушение справедливости» (Аристотель). «Справедливость выражает не какую-то одну добродетель, а охватывает их все. Поэтому справедливость — это особая, «совершенная добродетель». Правосудность (справедливость) — величайшая из добродетелей, «и ей дивятся больше, чем свету вечерней и утренней звезды» [1, с. 23].

Наглядными в этом смысле являются результаты ежегодных исследований Президентского совета по правам человека в контексте нарушения прав. При ответе на первый вопрос «Какие права для вас являются первостепенными?», люди фокусировали внимание на социальные права — право на труд, жилище, медицинское обслуживание, образование. В ответах на второй вопрос «Какие ваши права нарушались в течение последнего года?», бытовые права оставались в тени, но доминировали право на справедливый суд, на благоприятную окружающую среду, право на равноправие, право на справедливые и честные выборы. То есть, важность одних прав — с одной стороны, с другой — те права, которые чаще всего нарушаются.

Не существует зоны, свободной от нарушений прав человека, по умолчанию. Концепция прав человека обретает свой законченный смысл в городах — локализации прав человека, в местах актуализации прав человека или прикладных прав, где происходят нарушения прав человека. «Город прав человека» лучше всего описывается фразой «сообщество в достоинстве». Это — город, чувствительный к правам человека, в котором в повседневной жизни утверждают уважение прав человека, справедливость и мир среди всех жителей города. Важно, чтобы инициатива по развитию своих городов как правозащитных городов исходила от властей, а не только от неправительственных организаций (НПО).

Права человека производны от свободы воли. Соответственно, ее противоположностью выступает социальное насилие как ограничение свободы воли факторами социальной среды [4]. Однако насилие — не всегда видимый феномен, обнаружить его порою непросто, несмотря на то, что мы охвачены его многочисленными репрезентациями. Отсюда люди, находясь в зоне тотального насилия, могут психологически его непосредственно не ощущать. Социальная свобода — привилегия немногих, она закончится, если ею станут обладать все. Отсюда, как заметил М. Фуко, «Моему Я — грош цена», ведь именно власть организует социальное пространство и время, определяет систему ценностей, устанавливает и контроли-

рует общественный порядок. Зачастую, в этом случае индивид переживает «героическое» бытие. «В сакрализованном мире, — отмечал в этой связи А. Камю, — нет проблемы бунта, как нет вообще никаких реальных проблем, поскольку все ответы даны раз и навсегда» [3, с. 133].

Из того, что человек принадлежит к сообществу, отнюдь не вытекает обеспеченность его прав. Предоставление прав становится реальным в том случае, когда, наряду с добровольным причислением себя к сообществу, также гарантируется возможность выхода из него. Поэтому изучение прав человека как образа жизни, внедрение прав человека в жизнь людей через образование, является императивом человеческого и общественного развития. Кто защищает свое право, тот защищает право вообще.

Концептуальное знание требует иерархически упорядоченных принципов, оценивающих контекстуальные факты, что ставит политический дискурс перед выбором приоритетов, которые нередко игнорируются в политике. Политическая история последнего столетия убедительно показала, что смысл бытия социума должен быть ограничен правами человека, равенством свободы его членов.

Права человека как элемент геополитики: риторика и практика

С конца XX в. либерально-демократический дискурс о правах человека начинает доминировать в политической риторике евроатлантических стран. Закидываются понятийные якоря, формируется информационное пространство, в котором защита прав человека, где бы он ни проживал, провозглашается приоритетной задачей мирового сообщества, международных и национальных политико-правовых и гуманитарных институтов. Из этого идея геополитической экспедиции, называемой «гуманитарной интервенцией», признается как легитимная форма реакции развитых стран на неуправляемые хаотические общности «ungovernable chaotic entities» [25, с. 147] или постгосударственные образования «post-state societies» [26, с. 71], неспособные обеспечить безопасность своих сограждан. Это созвучно выводу, сформулированному О. де Риверо, показавшему, что «Вестфальская доктрина сдерживания не способна функционировать в условиях, когда государства не могут эффективно контролировать свою собственную территорию». Соответственно, при такой позиции видения суверенитет рассматривается как ответственность государства за защиту людей от крупномасштабных нарушений прав человека и массовых злодеяний [15]. То есть государство, которое не может защитить своих граждан, больше не является законным суверенным государством [18, с. 152]. Соответственно, условием «гуманитарной интервенции» и его объектом выступает не разложившееся государство (failed state), а регион, в котором отсутствуют государственные институты и, соответственно, нет носителей ни внутреннего, ни внешнего суверенитета.

В результате такого вмешательства более слабые государства становятся еще менее способными контролировать и влиять на свои собственные дела, плодя исключенные и маргинализированные группы населения, включая лиц, ищущих убежища.

В то время как концепция «гуманитарной интервенции» устанавливает высокую планку вмешательства, требуя от государств доказать, что геноцид имеет место до того, как они смогут законно вмешаться, страны, руководствуясь своими геополитическими интересами, определяют таким образом, чтобы каждый случай анархии и насилия давал бы повод для вторжения в суверенное государство [24].

Опыт европейской «гуманитарной интервенции» должен включать в себя и африканский сценарий. К концу девятнадцатого века Африка парадоксальным образом оказалась в центре как европейского завоевания, так и гуманитарной интервенции,

возглавляемой миссионерскими и светскими организациями. «Борьба за Африку» разделила континент на лоскутное одеяло из плохо управляемых государств, возглавляемых Европой, где коренные народы оказались жертвами крупномасштабных, систематических злодеяний в результате эксплуатации труда и имперского вмешательства в региональные конфликты. Например, ужасы бельгийского правления в Конго были хорошо описаны Кевином Грантом в «Цивилизованной дикости» (2004) и Адамом Хохшильдом в «Призраке короля Леопольда: история алчности, террор и героизм в колониальной Африке» (1998).

Поскольку дискурс о правах человека — продукт европейской культуры, его авторы невольно полагают, что условием их соблюдения является наличие политико-правовых, экономических институтов, институтов культуры, сложившихся в эпоху модерна, основанных на ценностях гражданского общества и гражданской нации, разделении и сменяемости властей, верховенстве закона и права, конкуренции в политической, экономической и культурной сферах. Утраченное чувство универсальности гуманитарного идеала привело к тому, что Майкл Томас называет «кризисом идентичности», который требует от ученых повторения «политики, власти и этики» при изучении взаимодействия Запада с остальным миром [14, с. 5–6]. Главным методом разрешения цивилизационных противоречий признается повсеместное распространение демократии, интервенция и насилие, в этом случае, обуславливается соображениями гуманизма и человеколюбием. Концепцией гуманитарной интервенции оправдывались вооруженные вторжения в Югославию (1999), Афганистан (2001), Ирак (2002), Ливию (2011). В своих оправданиях вооруженной экспансии в Ираке, США, президент Буш интегрировал гуманитарные проблемы со ссылками на оружие массового поражения (наличие которого так и не было установлено), терроризм, национальные интересы, безопасность, соблюдение резолюций ООН и продвижение демократии. Выходит, «чем больше у страны авианосцев и крылатых ракет, тем сильнее желание поделить демократией со странами, которым она не нужна в силу отсутствия политической культуры, основания которой были заложены в эпоху модерна».

Следствием этих выводов является то, что гуманитарные нарративы, утверждаемые либерально-демократическим политическим дискурсом, недостаточны для предотвращения насилия и гражданской войны. На практике гуманитарные интервенции превратились в элемент геополитики, приводящей путем прямой интервенции, либо посредством финансовой и вооруженной поддержки радикальной террористической оппозиции к фактическому разрушению государственных институтов. Что наблюдалось в Сирийской Арабской Республике. Лишь оказанная Россией, по просьбе правительства САР, помощь позволила сохранить и усилить государственные институты, обеспечивающие защиту значительной части населения страны.

Сегодня права человека выступают как инструмент дипломатического давления и демонстрации политического превосходства над другими странами. Манифестацией этого является «обмен любезностями» между Госдепом США и Госсоветом КНР. К примеру, с 1977 г. ежегодно Госдеп США публикует отчеты о состоянии прав человека в мире. В заявлении по случаю публикации доклада Госдепартамента за 2019 г. госсекретарь США Майк Помпео особо отметил нарушения в Китае, Иране, Венесуэле и Кубе. Всего доклад оценивает ситуацию в 200 странах и территориях¹. По словам госсекретаря, Коммунистическая партия Китая использует высокотехнологичные системы наблюдения для отслеживания потенциальных дис-

¹ Помпео представил ежегодный доклад Госдепартамента о ситуации с правами человека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/pompeo-release-country-report-human-rights-practices/5324703.html> (дата обращения: 06.02.2021).

сидентов, отправляет в концентрационные лагеря представителей религиозных меньшинств и запугивает журналистов.

Госсовет КНР 22-й год подряд раскритиковал доклад Госдепа по ситуации в области прав человека в мире и опубликовал ответный документ, в котором представлены факты, указывающие на ухудшение ситуации с гражданскими свободами в США¹. Власти КНР обращают внимание на рост преступности в США, обострение межрасовых отношений, бесцеремонное вмешательство властей в личную жизнь граждан в интернете, нарушая границы личной неприкосновенности. В качестве примера расовой дискриминации демонстрируется судебная статистика. Она свидетельствует о том, что в США мужчина с темным цветом кожи в среднем получает срок тюремного заключения на 19,1% больше, чем оказавшийся в аналогичной ситуации представитель европеоидной расы. Отмечается, что зарплата представителей различных нацменьшинств значительно ниже, а уровень нетерпимости к мусульманам стал даже выше, чем после терактов 11 сентября 2001 г.

Цена вооруженного вмешательства во внутренние дела суверенных государств контрпродуктивна. Нет ни одного региона, в котором бы установилось хотя бы относительное спокойствие в результате осуществленной гуманитарной интервенции за последние годы. Следствием вмешательства «миротворцев» становилась дезорганизация общественной жизни, разгул неконтролируемого насилия, либо временное изменение соотношения сил между сторонами конфликта. Масштабные вооруженные операции не предотвратили очевидные массовые нарушения гуманитарного права в Ираке, Афганистане и Ливии. Это связано с тем, что организаторы интервенции оказывали политическую и военную помощь антиправительственным силам, по сути, участвуя в боевых действиях на их стороне. Гуманитарная интервенция обернулась в пропагандистскую вуаль, прикрывающую реальную цель западных геополитических проектов, предполагающих либо свержение и смену существующих политических режимов, либо учреждение непосредственного политического и военного контроля над регионами, обладающими щедрыми природными ресурсами.

Отзываясь на теракт в Нью-Йорке (2001 г.) Жак Деррида отметил, что сочувствие жертвам включает в себя не только тех, кто погиб... Ни о какой невинности постиндустриального мира перед лицом преступления такого масштаба не может быть и речи, поэтому сочувствие жертвам включает в себя не только тех, кто погиб в Нью-Йорке, но и тех, кто стал жертвой «собственных ошибок» западного мира. При этом цена, заплаченная за «ошибки», признается «ужасной» и «непропорционально высокой» [10]. «Бесконечное правосудие» с необходимостью включает в себя прежде всего самих западных людей и призывает извлечь из этой ситуации «гегелевский урок»: то, что экстериоризуется как наиболее чуждое, внешнее, агрессивное атакующее нас извне, есть интимнейшая часть нас самих».

Суть гуманитарной интервенции проявляется в «двойной оптике». Дело в том, что США, подобно двуликому Янусу, с одной стороны — либерально-демократическое государство, основанное на принципах свободы слова и вероисповедания, равенства граждан перед законом. С другой стороны, существуют США не как демократическое государство, а государство национальной безопасности, власть в котором нацелена на борьбу с внешними и внутренними врагами. И над этим государством не существует действенного контроля. Двойная оптика гуманитарной интервенции «постдемократического» (К. Крауч) [7] национального государства

¹ Китай опубликовал доклад о нарушениях прав человека в США [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.trud.ru%2Farticle%2F13-03-2020%2F1387366_kitaj_opublikoval_doklad_o_narushenijax_prav_cheloveka_v_ssha.html (дата обращения: 06.02.2021).

проявляется в двойных стандартах: права человека защищаются в избранных странах (скажем, в Китае), но не в Саудовской Аравии. Принципы политической борьбы на международной арене в «постдемократическом» государстве таковы: 1) если за что-то стоит бороться, тем более стоит бороться нечестно; 2) честный ответ может принести вам только проблемы; 3) факты, какими бы интересными они ни были, не имеют значения; 4) истина изменчива; 5) обещание не является гарантией.

Фарисейство и лицемерие правозащитного Запада находит повсеместное воплощение на мировом рынке труда. В современном либеральном восприятии физический труд как таковой есть такое же неприличное явление, которое, как некогда секс, вытесняется из публичного пространства. Как заметил С. Жижек, «торжествует традиция, восходящая к глубокому прошлому — скажем, вагнеровскому „Золоту Рейна“ или „Метрополису“ Фрица Ланга: там труд изображался подпольным, таинственно вершащимся в глубоких темных шахтах»¹. В настоящее время такое отношение к труду выражается в невидимости миллионов безымянных тружеников на фабриках третьего мира, от китайских «ГУЛАГов» до индонезийских, вьетнамских, гватемальских или бразильских бесконечных конвейеров, производящих массово востребованные товары, от джинсов до смартфонов. За суровой рукой рынка — интересы продовольственных корпораций США, Канады и Западной Европы, удушающих демпингом сельское хозяйство бедных регионов под видом гуманитарной помощи таким образом, чтобы местные фермеры не могли восстановить производство.

Двойные стандарты в области соблюдения прав человека реализуются в языковой политике. Сегодня в центре «демократической и цивилизованной» Европы существует государство Украина, в котором отныне законодательно десяткам миллионов коренных жителей запрещено не только получать образование, но даже говорить на их родном языке во всех общественных местах. Но это нерасистское, нацистское государство вскармливается и поддерживается всеми институтами Евросоюза — Европарламентом, Еврокомиссией, Советом Европейского союза и пр. Это, как если бы в Швейцарии запретили говорить на немецком языке, или в Бельгии на французском.

Очевидно, моральный авторитет стран НАТО на мировой арене преимущественно основывался на успешно создаваемой видимостью своей приверженности свободе слова. Ведущим инструментом этого в последнее время стали социальные сети, крупнейшие из которых Twitter, Facebook, Instagram, YouTube, Change.org созданы и контролируются в США. Однако история с подавлением в социальных сетях Д. Трампа и масштабными цифровыми репрессиями его сторонников дезавуировала миф, обнажив лицемерие этих ресурсов как пространства свободного выражения мнений. К тому же, с большой вероятностью США и его союзники с энтузиазмом бы поддержали то, что произошло в Вашингтоне, если бы это происходило в любой стране за пределами Запада.

Заметим, что изначально, при формулировании концепции естественных прав, на уровне политической практики ее автор Джон Локк, будучи замечательным философом, как известно, демонстрировал необычайное лукавство, зарабатывая на жизнь работорговлей. Основатель теории гражданского общества помогал составлять конституции рабовладельческих штатов США и вложил в работорговлю все свои сбережения. Показательным может стать обоснование толерантности, с макиавеллистских позиций, представленное Локком в «Послании о веротерпи-

¹ Беседа Дмитрия Быкова со Славоем Жижекком [Электронный ресурс] // Собеседник. № 2, 21–27 января 2004 г. URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/3219995.html> (дата обращения: 07.02.2021).

мости» [9]. Следует отделять практику от риторики. На уровне политической практики история прав человека, как и во времена Локка, сохраняет все признаки социального неравенства, остается историей прочерчивания границ прав одних социальных групп, слоев и народов за счет ограничения других. Будем откровенны: права на власть доминируют над властью прав почти всегда, когда на карту поставлены стратегические интересы основных политических игроков; историю прав человека творят победители, но каждый по-своему...

Контекстно-ориентированный подход к правам человека

Должен ли существовать определенный список прав для всех контекстов и всех обстоятельств или права человека следует понимать в определенном контексте? Другими словами, должен ли дискурс о правах человека быть исторически обусловленным?

Очевидно, стандарты прав человека, предусмотренные основными документами и договорами о правах человека, должны соблюдаться, но в то же время существуют права, которые должны развиваться в соответствии с конкретным контекстом и конкретными потребностями людей.

Концепция прав человека представляет собой стандарт, с помощью которого мы анализируем, оцениваем действия наших правительств, меру понимания нравственности нашей совместной жизни как разумных и рациональных существ и критерий международной солидарности. Несмотря на то, что это воспринимается как должное, понимание прав человека, существует некоторая путаница в понимании их истинного значения. Почти каждый человек прибегает к правам человека, чтобы бороться с несправедливостью, требовать равного и достойного обращения и выдвигать обвинения против злоупотреблений, жертвами которых являются некоторые люди. Но очень немногие люди могут четко объяснить, что они подразумевают под правами человека. Майкл Розен сделал аналогичное наблюдение, отметив, что «в настоящее время почти каждый человек заявляет о своей приверженности правам человека, но лишь немногие люди утверждают, что у них был хороший принципиальный отчет о том, кто они и почему мы их имеем» [27, с. 54].

Скептики прав человека утверждают, что существует фундаментальный конфликт между правами человека и национальными обязательствами. При чтении между строк можно высказать два возражения в следующих терминах: «Две скептические проблемы заслуживают особого рассмотрения в этом отношении: обвинение в том, что права человека вступают в конфликт с национальными обязательствами, и возражение, что они отражают западный светский уклон» [19].

Вышеуказанные проблемы приводят к важному вопросу, касающемуся понимания прав человека. Следует ли понимать права человека в определенном контексте, будь то политический, экономический или культурный? Другими словами, должен ли дискурс о правах человека быть исторически обусловленным? Если так, разве нет риска, что они потеряют свой универсальный характер?

Права человека должны восприниматься как моральные и юридические права, потому что они больше относятся к виду общества и мира, в которых разумные существа хотели бы жить, скорее, чем просто о правах [21]. В этом смысле, подход к правам человека лишь как юридическим или моральным правам не отражает их полный смысл и масштаб и ослабляет эффективность их реализации. Если мы признаем, что права человека больше о том мире, в котором мы хотели бы жить, тогда построение такого мира требует подхода, учитывающего разнообразие культурных и политических взглядов. В противном случае, права человека будут восприниматься как навязывание западной культуры остальному миру. Этой по-

зиции придерживаются авторитетные незападные критики нынешнего корпуса прав человека, бросающие вызов его универсальности. Они утверждают, что права человека отражают и поддерживают западную культуру и мировоззрение, которые иногда расходятся с незападными культурами. Макау Мутуа, например, утверждает, что «официальные права человека, корпус, который был выпущен из европейских предикатов, стремится вытеснить все другие традиции, отвергая их. Он утверждает, что является единственным гением хорошего общества» [22]. Противовесом западнцентричной концепции прав человека должен стать мультикультурный подход к правам человека, который допускает участие всех членов сообщества и культурной среды в качестве требования, если нынешний корпус прав человека претендует на подлинную универсальность.

Вера в то, что права человека являются исключительным выражением западной культуры, упускает из виду использование прав человека как точки зрения, с которой мы претендуем на достойную жизнь. Запад может быть первым, кто сформулирует идею прав человека, но это не означает, что права человека являются монополией западной культуры. Появление прав человека на Западе является не результатом культурной склонности, а скорее следствием исторических обстоятельств. Как признается Джек Доннелли, «западные люди не имели особой культурной склонности, которая привела бы их к правам человека. Скорее Запад имел (хорошее или плохое) счастье страдать от унижений современных рынков и государств перед другими регионами. По необходимости, а не по превосходству добродетели они противостояли остальному миру в разработке ответных мер прав человека» [16].

В отличие от общепринятой литературы по правам человека и распространенного мнения, согласно которому права человека представляют собой пакет западных ценностей, необходимо видеть явное различие между универсальной сущностью прав человека и контекстуализированным дискурсом прав человека. Отождествление сущности прав человека с западной культурой отрицает возможность для других культур иметь те самые права, которые мы хотим защищать и отстаивать, в то же время подтверждая, что те, кто не является частью западной культуры, исключены из радара прав человека. Тот факт, что идея прав человека возникла и развивалась в западной культуре, не подразумевает отсутствие знаний о правах человека незападными людьми до кодификации прав человека в официальных документах и договорах.

Очевидно, предметом дискуссий о правах человека должен быть не столько их генезис, сколько — происхождение дискурса о содержании прав человека и их кодификации в официальных документах. Фактически, широкое использование выражения прав человека прослеживается в недавнем прошлом, связанном с осознанием, вызванным злодеяниями Второй мировой войны, разработкой Всеобщей декларации прав человека и Международного Пакта о гражданских и политических правах. Но это вовсе не означает, что перед этими событиями человеческие существа не имели никаких прав человека. У людей действительно были права, которые были позже кодифицированы, используя определенный язык и обнародованы через определенный дискурс. К тому же самоопределение, включая право определять основы прав человека, которые считаются приемлемыми, является неотъемлемой частью прав человека. Соответственно, принятие альтернативных основ прав человека требует уважения к различиям, потому что, если «мы можем признать соглашение только с людьми, которые разделяют весь пакет [прав человека] и движимы одними и теми же героями, консенсус либо никогда не придет, либо должен быть вынужденным» [28, с. 117]. Без принятия и уважения различий любой подход к правам человека никогда не будет всеобъемлющим. Отнюдь не приводя к инфляции прав человека, контекстуальное понимание выявляет требо-

вание открытости учиться друг у друга и дает основу для критики не только «выборочных чтений, тенденциозных толкований и узколобых применений прав человека, но и эта бесстыдная инструментализация прав человека, которая скрывает особые интересы за универалистской маской — обман, который приводит к ложному предположению, что смысл прав человека исчерпан их злоупотреблением» [17].

Наконец, стало распространенным убеждением, что контекстуализация прав человека заставляет их терять универсальный характер. Но это не очевидно. Если мы понимаем универсальность как применимость всех прав человека в равной степени ко всем людям одновременно, независимо от их социально-политических и экономических факторов, то права, которые разработаны в ответ на конкретные обстоятельства, столкнутся с проблемой универсальности. Но если мы понимаем универсальность как равную моральную заботу обо всех людях, тогда возражение становится неактуальным. Путаница в отношении универсальности прав, разработанных в определенном контексте, возникает из-за тенденции связывать универсальность с одновременностью. Контекстуализация и универсализация не исключают друг друга. Как только мы отделяем одновременность от универсальности, мы понимаем универсальный характер, который заложен в правах человека, разработанных в ответ на конкретные обстоятельства, потому что они могут быть поняты любым морально ответственным существом.

Таким образом, контекстно-ориентированный подход к правам человека проливает свет на необходимость привлечения к диалогу различных контекстов, которые не обязательно разделяют одинаковое понимание этики прав человека, выступая контекстно-зависимой универсальностью.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика. М. : ЭКСМО-Пресс, 1997.
2. Иванов Н., Черкасов П., Исеров А. Отцы-основатели. Рождение США. СПб. : Аст-Пресс Книга, 2013.
3. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М. : Политиздат, 1990.
4. Кугай А. И. Насилие: философская позиция видения // Власть. 2013. Т. 21. № 2. С. 145–148.
5. Кугай А. И. Россия в условиях диктатуры западных геополитических проектов // Управленческое консультирование. 2015. № 4 (76). С. 8–13.
6. Кугай А. И., Михайлова В. В. «Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации // Управленческое консультирование. 2019. № 7 (127). С. 90–99.
7. Крауч К. Постдемократия. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
8. Лефор К. Политические очерки (XIX–XX вв.). М. : РОССПЭН, 2000.
9. Локк Дж. Сочинения в трех томах : Т. 3. М. : Мысль, 1988.
10. Рыклин М. Apocalypse now. Философия после 11 сентября // Логос. 2002. № 3 (4) С. 111–119.
11. Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг. / пер. с англ. под науч. ред. В. В. Анашвили. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2010.
12. Andorno R. Human Dignity and Human Rights as a Common Ground for a Global Bioethics // Journal of Medicine and Philosophy. 2009. N 34 (3). P. 223–240.
13. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New York : Harcourt, Brace & Compan, 1973.
14. Barnett M., Weiss Th. (eds.). Humanitarianism in question: politics, power, ethics. Ithaca : Cornell University Press, 2008.
15. Deng F. M. Reconciling Sovereignty with Responsibility: A Basis for International Humanitarian Action // Africa in World Politics: Post-Cold War Challenges. Boulder, Colo. : Westview, 1995.
16. Donnelly J. Universal human rights in theory and in practice. 2nd ed. Ithaca : Cornell University Press, 2003.
17. Habermas J. The Post-National Constellation: Political Essays. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2001

18. *Ignatieff M.* The Lesser Evil. Political Ethics in an Age of Terror. Princeton (NJ) ; Oxford : Princeton University Press, 2004.
19. *Ingram D.* World Crisis and Backwardness: a Critical Theory of Poverty, Agency, and Coercion. Cambridge: Cambridge University Press. 2018.
20. *Joas H.* The Sacredness of the Person: A New Genealogy of Human Rights. Washington, D. C. : Georgetown University Press, 2013.
21. *Moka-Mubelo V.* Reconciling Law and Morality in human rights discourse: Beyond the Habermasian description of human rights. Cham, Switzerland : Springer Publishing, 2017.
22. *Mutua M.* Human rights: Political and cultural criticism. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2002.
23. *Moyn SI.* Christian Human Rights. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2015.
24. *Pape R. A.* When Duty Calls: A Pragmatic Standard of Humanitarian Intervention // International Security. 2012. N 37 (1). P. 41–80.
25. *Rivero O. de.* The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century. L.; N.Y. : Zed Books, 2001.
26. *Reno W.* Sierra Leone: Warfare in a Post-State Society // Rotberg R. (ed.) State Failure and State Weakness in a Time of Terror. Washington (DC) : Brookings Institution Press, 2003.
27. *Rosen M.* Dignity: its history and significance. Cambridge : Harvard University Press, 2012.
28. *Taylor C.* Conditions for a forced consensus on human rights // The Politics of Human Rights / edited by O. Savich. London : Verso, 1999.

Об авторе:

Кугай Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; kugay3@yandex.ru

References

1. Aristotle. *Nikomakhova ethics*. M. : EKSMO-Press, 1997. (In rus).
2. Ivanov N., Cherkasov P., Iserov A. *Founding fathers. The birth of the USA*. SPb. : AST-Press Kniga, 2013. (In rus).
3. Camus A. The rebellious man. *Philosophy. Politics. Art*. M. : Politizdat, 1990. (In rus).
4. Kugay A. I. Violence: the philosophical position of vision // *Power [Vlast']*. 2013. Vol. 21. N 2. P. 145–148. (In rus).
5. Kugay A. I. Russia in the conditions of the dictatorship of Western geopolitical projects // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2015. N 4 (76). P. 8–13. (In rus).
6. Kugay A. I., Mikhailova V. V. "Digital generation": threats and hopes in the era of information and digital civilization // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2019. N 7 (127). P. 90–99. (In rus).
7. Crouch C. *Postdemocracy*. M. : Publishing House of the State University — Higher School of Economics, 2010. (In rus).
8. Lefort K. *Political essays (XIX–XX centuries)*. M. : ROSSPAN, 2000. (In rus).
9. Locke J. *Works in three volumes: Vol. 3*. M. : Mysl, 1988. P. 91–134. (In rus).
10. Ryklin M. *Apocalypse now. Philosophy after September 11* // *Logos*. 2002. N 3. (4). P. 111–119. (In rus).
11. Tilly Ch. *Struggle and Democracy in Europe, 1650–2000* / ed. V. V. Anashvili. Moscow: Publishing house of the higher school of Economics, 2010. (In rus).
12. Andorno R. Human Dignity and Human Rights as a Common Ground for a Global Bioethics // *Journal of Medicine and Philosophy*. 2009. N 34 (3). P. 223–240.
13. Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New York : Harcourt, Brace & Compan, 1973.
14. Barnett M., Weiss Th. (eds.). *Humanitarianism in question: politics, power, ethics*. Ithaca : Cornell University Press, 2008.
15. Deng F. M. *Reconciling Sovereignty with Responsibility: A Basis for International Humanitarian Action* // *Africa in World Politics: Post-Cold War Challenges*. Boulder, Colo. : Westview, 1995.
16. Donnelly J. *Universal human rights in theory and in practice*. 2nd ed. Ithaca : Cornell University Press, 2003.
17. Habermas J. *The Post-National Constellation: Political Essays*. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2001.

18. Ignatieff M. The Lesser Evil. Political Ethics in an Age of Terror. Princeton (NJ) ; Oxford : Princeton University Press, 2004.
19. Ingram D. World Crisis and Backwardness: a Critical Theory of Poverty, Agency, and Coercion. Cambridge: Cambridge University Press. 2018.
20. Joas H. The Sacredness of the Person: A New Genealogy of Human Rights. Washington, D. C. : Georgetown University Press, 2013.
21. Moka-Mubelo V. Reconciling Law and Morality in human rights discourse: Beyond the Habermasian description of human rights. Cham, Switzerland : Springer Publishing, 2017.
22. Mutua M. Human rights: Political and cultural criticism. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2002.
23. Moyn SI. Christian Human Rights. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2015.
24. Pape R. A. When Duty Calls: A Pragmatic Standard of Humanitarian Intervention // International Security. 2012. N 37 (1). P. 41–80.
25. Rivero O. de. The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century. L.; N.Y. : Zed Books, 2001.
26. Reno W. Sierra Leone: Warfare in a Post-State Society // Rotberg R. (ed.) State Failure and State Weakness in a Time of Terror. Washington (DC) : Brookings Institution Press, 2003.
27. Rosen M. Dignity: its history and significance. Cambridge : Harvard University Press, 2012.
28. Taylor C. Conditions for a forced consensus on human rights // The Politics of Human Rights / edited by O. Savich. London : Verso, 1999.

About the author:

Alexander I. Kugay, Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; kugay3@yandex.ru

Прошлое, настоящее и будущее неоинституционального подхода в политической науке

Матвеев А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; matveevalexandr2009@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье описываются этапы становления и эволюции неоинституционального подхода. Дается краткая характеристика основных направлений, возникших в рамках неоинституционального теоретического направления. На основании сравнительной характеристики неоинституциональных подходов выводятся тенденции, существующие в современном неоинституционализме. Автор приходит к выводу, что становление неоинституционализма не завершено и описывает перспективные направления его дальнейшего развития.

Ключевые слова: неоинституционализм, социологический институционализм, институционализм рационального выбора, исторический институционализм, зависимость от предыдущего развития, конструктивистский институционализм, дискурсивный институционализм

Для цитирования: Матвеев А. А. Прошлое, настоящее и будущее неоинституционального подхода в политической науке // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 45–62.

Past, Present and Future of the Neoinstitutional Approach in Political Science

Alexander A. Matveev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; matveevalexandr2009@yandex.ru

ABSTRACT

The article describes the stages of formation and evolution of the neo-institutional approach. A brief description is given of the main directions that arose within the framework of the non-institutional theoretical direction. Based on the comparative characteristics of neo-institutional approaches, trends in modern neo-institutionalism are deduced. The author concludes that the formation of neo-institutionalism has not been completed, and describes promising directions for its further development.

Keywords: neo-institutionalism, sociological institutionalism, institutionalism of rational choice, historical institutionalism, dependence on previous development, constructivist institutionalism, discursive institutionalism

For citing: Matveev A. A. Past, Present and Future of the Neoinstitutional Approach in Political Science // Administrative consulting. 2021. N 5. P. 45–62.

В обширном массиве литературы, посвященной неоинституционализму [14, с. 7; 15, с. 146; 46, р. 3], отмечается, что первые попытки исследования институтов были предприняты еще во времена Платона и Аристотеля. Однако в древних трудах не применялось понятие института, которое вошло в научный оборот в XIX в., но описывались явления, которые впоследствии стали называться институтами.

Первоначально связанный с юридической наукой [8, с. 203], а впоследствии получивший развитие как направление экономической мысли институционализм распространился и в других отраслях знания. Поле интересов институционалистов шире, чем экономика, оно включает в себя и другие факторы, влияющие на развитие общества, отсюда вытекают попытки выстраивания взаимосвязей с правом, социологией и политологией, при проведении исследований, выражающиеся в параллельно идущих процессах распространения экономических методов исследования и заимствования методов данных отраслей.

Вышедшие за рамки экономики институциональные исследования, проводившиеся до середины XX в., получили название «старый институционализм». К его представителям принято относить В. Вильсона, Г. Картера, Д. Брюса, Т. Коула, С. Уэсли Митчелла, Ч. Кули, К. Маркса, Т. Веблена, Д. Коммонса, К. Поланьи, Дж. К. Гэлбрейт и др. [5, с. 13; 13, с. 14; 14, с. 8; 15, с. 147; 16, с. 218]¹.

Как видим, к старому институционализму относят большое количество авторов, опирающихся на различные основания в исследованиях. Отечественный исследователь К. П. Кокарев отмечает, что для экономистов и политологов «...понятие «старый» институционализм означает совершенно разные вещи» [6, с. 196]. Если приведенный К. П. Кокаревым список представителей старого институционализма для экономистов в целом совпадает с приведенным выше, то для политической науки список имен будет следующий: Ф. Селзник, П. Дж. Димаджо, У. В. Пауэл, А. де Токвиль, М. Вебер, М. Дюверже и др. [6, с. 196–197]. Полагаем, что старые институционалисты, относящиеся к экономическому направлению, внесли существенный вклад и в политическое направление науки, а политическое направление оказало влияние на экономическое, поэтому четко разделить старый институционализм по направлениям не представляется возможным ввиду взаимного переплетения взглядов, направлений и идей.

Несмотря на обширный спектр исследований, проведенных старыми институционалистами, все они опирались на предположения, что право занимает ведущую роль в управлении; структуры определяют поведение; необходимости сравнивать системы в целом, а не отдельные ее элементы; исторического понимания государств и их политики и важности присутствия нормативного элемента в анализе [46, р. 6–11].

Старый институционализм доминировал до второй половины XX в., когда фокус внимания исследователей переместился от институтов к индивидам, а точнее к индивидуалистическим установкам. Это было связано с так называемой бихевиоральной революцией и развитием теории рационального выбора. Данные события коренным образом преобразовали политическую науку. Несмотря на то, что направления сильно отличаются друг от друга, у них есть ряд сходных черт, таких как: озабоченность теорией и методологией, антинормативный уклон, методологический индивидуализм и концентрации на влиянии экономики и общества на политику и политические институты [46, р. 11].

В целом произошедшая революция приблизило политическую науку к методологии естественных наук. Как верно отметил китайский исследователь Шу-Юн Ма, «методологически был сделан упор на количественный и позитивистский подходы. Общая цель, как и в физике, заключалась в поиске грандиозных теорий, из которых политические „закономерности“ могли бы быть выведенным» [36, р. 61]. Бихевиоризм и теория рационального выбора на долгие годы стали ведущими научными подходами в современной политической науке [36, р. 62].

В 80-е годы XX в. в научную повестку постепенно возвращаются исследования институтов, что обуславливает формирование нового направления, названного в противовес старому институционализму — неоинституционализмом. В отличие

¹ Олейник А. Н. Институциональная экономика: учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2000. С. 28.

от старого институционализма, сосредоточившего внимание на законодательстве и органах государственной власти, неоинституционализм значительно расширяет спектр исследуемых институтов [43, с. 734].

С течением времени неоинституциональная теория разделилась на несколько течений. Единства взглядов относительно вариаций неоинституционализма не наблюдается. В различных классификациях количество выделяемых течений варьирует от двух до семи [30, р. 936; 2, с. 227; 24, р. 674]. Н. Флигстин полагает, что «...перечень новых институциональных течений в принципе мог бы быть сильно расширен» [17, с. 29] ввиду существующих расхождений, относительно теории как внутри течений, так и между представителями наук [17, с. 29]. В целом, несмотря на различные взгляды, сформировавшиеся в различных вариантах неоинституционализма, они объединены общим вниманием к роли институтов в развитии общества. Во всех существующих классификациях неоинституционализма присутствуют три течения, сделавшие наибольший вклад в политическую науку — это социологический, исторический институционализм и институционализм рационального выбора. Остановимся подробнее на каждом из направлений.

В социологии раньше других общественных наук начали заниматься вопросами исследования институтов. Данная традиция была заложена в работах М. Вебера, посвященных бюрократии, и Э. Дюргейма, представляющего социологию как «науку об институтах» [18, с. 315]. Социологический институционализм тесно связан с теорией организации, его основы были заложены в работах Дж. Г. Марча, Дж. П. Олсена, Дж. Мейера, Б. Роузена, П. Дж. Димаджио, У. В. Пауэлла и Н. Флигстина [3; 11; 17; 41; 42; 43].

Значительный вклад в развитие не только социологического институционализма, но и нового институционализма в целом был внесен Дж. Марчем и Дж. Олсеном и их статьей 1984 г. «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни». В данной статье Дж. Марч и Дж. Олсен, описывая предпосылки зарождения неоинституционализма, акцентируют внимание на том, что, несмотря на возврат к идеям старого институционализма, новый институционализм не идентичен ему [43, р. 738]. Выходя за рамки организационной теории, авторы критикуют политическую науку за редукционизм, утилитаризм, инструментализм и функционализм и в целом за недостаточное внимание к институтам [43, р. 734–739]. В отношении институтов Дж. Марч и Дж. Олсен отмечают, «что к политическим институтам можно относиться как к действующим лицам, во многом так же, как мы относимся к отдельным лицам как к актерам, но нам нужны более подробные демонстрации полезности этого» [43, р. 742]. Данная статья, по сути, стала манифестом неоинституционализма, на долгие годы вперед определившая исследовательскую повестку.

Впоследствии идеи, изложенные в статье, нашли развитие в ряде других работ авторов. Прежде всего необходимо остановиться на «Вновь открывая институты: организационные основы политики» [41], в которой авторы продолжают исследовать роль институтов, затрагивая остающиеся до сих пор актуальными проблемы институциональных изменений, оценочные критерии для институтов, а также распределение предпочтений, власти и равенства.

Возможности использования неоинституционализма для исследования организаций также описываются в работах Дж. Мейера, Б. Роузена [11]. Авторы смещают фокус исследования с внутренней среды организации к внешней, полагая, что задаваемые внешней средой стандарты позволяют более глубоко понять сущность организации. Поскольку формальные организации возникают в сильно институционализированных средах, им приходится встраивать рационализированные институциональные правила, которые работают как мифы. За счет встраивания этих правил организации приобретают легитимность и ресурсы, которые позволяют им выживать.

При этом структура организации становится изоморфной к окружению, что может противоречить эффективности, и наоборот — действия, направленные на достижение эффективности, приводят к подрыву устойчивости и легитимности организации.

Более подробно вопросами институционального изоморфизма занимаются П. Димаджио и У. Пауэлл [3], выделившие три вида изоморфизма: принудительный, нормативный и подражательный, он же миметический. Кроме того, важным для развития социологического институционализма является введение авторами понятия организационных полей¹, через существование которых они объясняют происхождение организационных моделей и в чьих интересах они действуют. Таким образом, П. Димаджио и У. Пауэлл дополняют работу Дж. Мейра и Б. Роузена, которые подчеркивали важность церемоний для организаций, но при этом ни те ни другие авторы не объясняют, как возникают институты и в чьих интересах существуют поля.

В дальнейшем, пытаясь ответить на эти и многие другие вопросы, развиваются и интерпретируются взгляды авторов в работах Н. Флигстина. Концентрируя внимание на полях как аренах, на которых взаимодействуют различные акторы, при этом институты, присущие полям, не только ограничивают акторов, но и побуждают их действовать, выстраивая свои стратегии [17, с. 43].

Несмотря на наличие множества внутренних противоречий, П. Холл и Р. Тейлор выделяют три отличительных особенности социологического институционализма:

- 1) более широкое, чем у политологов, определение институтов. В понятие института наряду с формальными явлениями включаются когнитивные сценарии и моральные шаблоны, направляющие действия людей. Тем самым социологические институционалисты стирают концептуальные различия между институтами и культурой. Таким образом, институты начинают рассматриваться как культурные феномены;
- 2) особое понимание взаимосвязи между институтами и действиями индивидов. Именно институты определяют то, что индивиды считают рациональным поведением;
- 3) особый взгляд на процесс возникновения институциональных практик. Практики внедряются организациями из-за того, что способны повысить социальную легитимность организации, а не из-за того, что могут повысить эффективность [30, р. 947–950].

Отсюда и ряд проблем, которые присущи социологическому институционализму: отсутствие четкого разграничения между организациями, а также разграничения между институтами как субъектами и процессом институционализации [46, с. 97]. Как видим, в своих исследованиях социологические институционалисты пытаются объяснить, почему акторы выбирают и поддерживают неэффективные институты.

Институционализм рационального выбора, наоборот, пытается обосновать выбор акторов, исходя из достижения наибольшей эффективности. Возникший на базе исследований Конгресса США [30, р. 942] институционализм рационального выбора на первых этапах развития акцентировался на американской политике, что сужало возможности подхода в выявлении общих закономерностей [1, с. 197]. В целом институционализм рационального выбора позаимствовал «аналитические инструменты из математики, исследования операций и экономики» [52, р. 35]. Что дает основания согласиться с точкой зрения С. Хедлунда, полагающего, что «под-

¹ П. Димаджио и У. Пауэлл дают следующее определение: «Под организационным полем (*organizational field*) мы понимаем те организации, которые в совокупности составляют идентифицируемую сферу институциональной жизни — это ключевые поставщики, потребители ресурсов и продуктов, регуляторы и другие организации, производящие сходные продукты или услуги» [3, с. 37].

ход к исследованию институтов с точки зрения теории рационального выбора в политологии представляет собой нечто вроде моста, соединяющего политологию с экономической теорией вообще, а также с новой институциональной экономикой, в частности» [18, с. 311]

В рамках институционализма рационального выбора, как и в других направлениях неоинституционализма, можно выделить несколько течений, прежде всего отличающихся интерпретацией институтов. Общепринятыми считаются две интерпретации: «институты как ограничение» и «институты как равновесие» [52, с. 26]. В первом случае для акторов экзогенно устанавливаются правила, по которым они вынуждены осуществлять свою деятельность; такая трактовка отсылает нас к пониманию институтов Д. Нормом как «правил игры» [12]. По сути, в первой интерпретации для институционализма рационального выбора характерна фокусировка на индивидах и их предпочтениях. Институты выступают ограничительными рамками, которые позволяют уменьшить неопределенность при принятии решений, так как дают возможность предсказать поведение акторов относительно друг друга.

Во втором случае игроки сами устанавливают правила, которые в данном случае «просто способы, которыми игроки хотят играть» [52, р. 25], тем самым добиваясь равновесия между позициями игроков. Иными словами, «институты — это просто равновесные способы ведения дел» [52, р. 26].

Важными для понимания рационального выбора являются различия между структурированными и неструктурированными институтами. Так, К. Шепсле полагает, что «институты, которые со временем становятся устойчивыми и поддаются сравнениям в разных условиях, структурированы» [52, р. 27], а неструктурированные он характеризует как «более аморфные и неявные» [52, р. 27]. Примером первых может выступать Конгресс США, а вторых — «нормы, координационная деятельность, совместные действия и коллективные действия» [52, р. 27]. Содержательно такое разделение соответствует формальным и неформальным институтам. Институционализм рационального выбора достиг больших результатов при исследовании формальных институтов благодаря тому, что формальные институты устойчивы и относительно постоянны. А при исследовании неформальных возникают проблемы, связанные с их большей изменчивостью и необходимостью при анализе учитывать множество непредвиденных обстоятельств.

Несмотря на большое распространение и применение в политической науке, у институционализма рационального выбора есть ряд ограничений. К. Вейланд на примере исследования латиноамериканской политики показывает эти ограничения. Прежде всего он выделяет три проблемы применения, вытекающие из присущего институционализму рационального выбора упрощенному формально-институциональному подходу — это сложность интересов политической карьеры в Латинской Америке; чрезмерный акцент на Конгрессе и избирательной политике; чрезмерное внимание к формальным правилам [56, р. 62].

Все три проблемы возникают из-за недостаточного внимания к неформальным практикам и институтам, которые преобладают в Латинской Америке. Фактически здесь К. Вейланд солидаризируется с К. Шепсле в том, что институционализм рационального выбора не способен исследовать сложные системы, в которых преобладают неструктурированные (неформальные) институты.

Далее К. Вейланд выделяет пять проблем, связанных с основополагающими принципами институционализма рационального выбора. К этим проблемам относятся: сложности объяснения причинно-следственных связей институтов; неполное объяснение причин политических изменений; проблемы анализа создания институтов; невозможность убедительно объяснить кризисную политику и чрезмерный упор на «микросо основания» и отказ от рассмотрения институтов как действующих лиц [56, р. 62].

Таким образом, К. Вейланд показывает, что не всегда можно применять элегантные и упрощенные конструкции институционализма рационального выбора для объективного анализа сложных и изменчивых систем. Рассуждая о преодолении вышеназванных проблем, К. Вейланд считает, что «усилия по преодолению этих проблем выйдут за узкие рамки этой „парадигмы“ и приведут к теоретически эклектичному подходу, подчеркивающему взаимодополняемость различных „парадигм“» [56, р. 62]. Иными словами, необходимо заимствовать наработки из других направлений неоинституционализма.

Полагаем, что хорошим дополнением к институционализму рационального выбора может быть исторический институционализм. Тем более что между этими двумя направлениями больше общего, чем кажется. В ряде сравнительных исследований [33, р. 16; 55, р. 380], направленных на выявление сходств и различий двух подходов, приводятся аргументы в пользу «творческих комбинаций» [55, р. 380]. Однако о полном смешении подходов говорить нельзя, так как все-таки различия между ними остаются. Прежде всего в аспекте эмпирических проблем [55].

В отличие от институционализма рационального выбора, нацеленного на понимание результатов существования институтов [37, р. 28], исторический институционализм сосредоточен на их происхождении и развитии. Важной особенностью в понимании возникновения и дальнейшего изменения институтов являются две концепции: «критических моментов» (*critical junctures*) [26; 27; 38], или, как по-другому упоминают в литературе, внешние «кризисы» или «поворотный момент», в большинстве случаев являющиеся внешними факторами (т. е. носящими экзогенный характер), приводящими к институциональным изменениям. В дальнейшем произошедшие изменения сохраняются благодаря инициированию процесса *patch dependence* (в отечественной литературе наибольшее распространение получили два перевода — «зависимость от предшествующего развития» и «эффект колеи»)¹.

Обе эти концепции важны для понимания двойственной модели институционального развития, которая наряду с другими причинно-следственными моделями (смещение, расслоение, преобразование, дрейф и истощение) используется для объяснения институциональных изменений в историческом институционализме. Д. Капоччия и Р. Д. Келемен отмечают, что данная модель основана «...на чередовании моментов изменчивости и быстрых изменений и более длительных фаз относительной стабильности и институционального воспроизводства» [26, р. 344]. При этом важно отметить, что именно в краткие фазы, которые называются «критическими моментами», и происходят существенные изменения институтов. Концепция «критических моментов» приобрела широкое распространение в различных работах, при этом каждый исследователь, осмысливая данное явление, дает свое определение. Так, уже упомянутые Д. Капоччия и Р. Д. Келемен определяют критические моменты «как относительно короткие периоды времени, в течение которых существует существенно повышенная вероятность того, что выбор агентов повлияет на результат, представляющий интерес» [26, р. 348]. При этом Д. Капоччия и Р. Д. Келемен не приравнивают критические моменты к моментам изменений, полагая, что «изменения не являются необходимым элементом критического момента» [26, р. 352]. Данное определение было сформулировано как основа решения имеющихся в концепции недостатков в «четырёх важнейших областях: асимметрия мощности, временные горизонты, единицы анализа и возможные ошибки» [26, р. 347].

До Д. Капоччия и Р. Д. Келемена в своих исследованиях к критическим моментам обращались многие авторы; из наиболее известных можно отметить работы Р. Б. Колера и Д. Колера и Д. Махони [27; 38; 40].

¹ Более подробно о применении *patch dependence* в отечественных исследованиях см.: [10].

Р. Б. Колер и Д. Колер в своем исследовании политического развития Центральной Америки определяют критические моменты как «период значительных изменений, который обычно происходит по-разному в разных странах (или в других единицах анализа) и который, как предполагается, приводит к различным последствиям» [27, р. 29]. Придерживаясь аналогичного подхода, Д. Махони определяет критические моменты как «точки выбора, когда конкретный вариант выбран из двух или более альтернатив» [40, р. 113], при этом отмечая, что «как только выбран конкретный вариант становится все труднее вернуться к начальной точке, когда еще было доступно несколько альтернатив» [40, р. 113]. Тем самым подчеркивается связь с процессами *patch dependence*.

Как видим, исследователи сходятся на том, что именно в критические моменты действующие институты ослабевают и у акторов появляется возможность выбрать из нескольких альтернатив, при этом выбор осуществляется в условиях неопределенности. Таким образом, можно согласиться с позицией авторов, полагающих, что «критические моменты обычно понимаются как макрособытия, такие как война, смена режима и т. д., которые изменяют ход истории в обществах, в которых они происходят, и их важность часто может быть установлена только спустя много времени после того, как они произошли» [35, р. 6]. Но при этом необходимо помнить, что «непредвиденные обстоятельства подразумевают, что широкомасштабные изменения возможны и даже вероятны, но также не исключаются и повторное уравнивание. Если учреждение вступает в критический момент, в котором возможны несколько вариантов, в результате может быть восстановлено статус-кво докритического момента» [26, р. 352].

Кроме того, все исследователи сходятся на том, что именно в критические моменты запускаются процессы *patch dependence*, являющиеся вторым элементом двойственной модели развития институтов. В исследованиях принято применять широкую и узкую трактовки *patch dependence* [38; 47; 55 и др.].

При широкой трактовке исследователи склоняются к описанию реактивных последовательностей (*reactive sequences*). Данные последовательности «представляют собой цепочки временно упорядоченных и причинно связанных событий. В реактивной последовательности каждое событие в последовательности является одновременно реакцией на предшествующие события и причиной последующих событий» [38, р. 526]. Каждый последующий шаг в цепочке зависит от предыдущих шагов. Даже небольшие изменения в ранних событиях по истечении времени накапливаются и существенно влияют на итоговый результат.

В узкой трактовке исследователи акцентируют внимание на самоусиливающих последовательностях (*self-reinforcing sequences*), базирующихся на возрастающей отдаче (*increasing returns*). После первых шагов, совершенных в одном из направлений, инициируется движение в том же направлении, которое по истечении времени становится трудно, а иногда и невозможно остановить благодаря возрастающей отдаче, так как изменения могут быть невыгодны действующим акторам. Первоначально получили распространение в работах экономистов, исследующих технологические траектории, и прежде всего в работе П. Дэвида, посвященной исследованию QWRTY-эффектов [4]. Именно данная трактовка *path dependence* получила развитие в политологических исследованиях, так как «политологи из этого извлекли интуитивно привлекательную идею о том, что технология, как и политика, включает в себя некоторые элементы случайности (агентство, выбор), но как только путь выбран, он может „запереться“ (*locked in*), поскольку все соответствующие участники корректируют свои стратегии, чтобы приспособиться к преобладающей модели» [55, р. 385]. Существенный вклад в развитие понимания самоусиливающих последовательностей внесли социологи, выделяющие механизмы воспроизводства и изменений институтов с позиций функциональных, власт-

ных и легитимных теоретических традиций, а также утилитарной теории [38, p. 517]. В целом можно отметить, что эти два типа последовательностей отличаются прежде всего логикой, объясняющей изменения.

Помимо двойственной модели институционального развития, которая является основной для представителей исторического институционализма, в последние годы получили развитие и другие объяснения институциональных изменений. Такие, как смещение (displacemen), наслоение (layering), дрейф (drift), конверсия (conversion) и истощение (exhaustion) [29; 39; 54]. Данные объяснение сосредоточены на постепенных изменениях в отличие от предлагающей чередование длительных периодов застоя с кратковременными экзогенными шоками двойственной модели, описанной выше. Таким образом, путем введения эндогенных источников устраняется проблема, возникающая при попытках дать объяснение постепенных изменений вне рамок критических точек.

Суть смещения (displacemen) заключается в том, что происходит замена уже существующих правил новыми. Естественно, что смещения наблюдаются при экзогенных шоках, таких как революция, но при этом смещения могут быть и постепенными. Инициаторами введения новых институтов являются либо проигравшие в прошлом акторы, либо те, которых не устраивает их положение в сложившейся ситуации [39, p. 16].

В данном случае смещение становится возможным благодаря сочетанию как экзогенных факторов, таких как импорт новых институтов, так и эндогенных факторов, выражающихся в поддержке акторов, получающих наибольшую выгоду от внедрения новых институтов. Кроме того, как отмечают В. Стрик и К. Телен, «изменения в результате смещения могут происходить эндогенно посредством повторного обнаружения или активации ранее подавленных или приостановленных возможностей» [54, p. 21].

При наслоении (layering) также вводятся новые правила, но они в отличие от смещения (displacemen), не устраняют старые, а присоединяются к существующим. Такие наслоения происходят наиболее активно в тех случаях, когда акторы, заинтересованные в изменениях, не могут произвести изменения в первоначальных правилах или создать альтернативный институт и им приходится дополнять существующую систему новыми институтами [39, p. 17]. Содержательно при наслоении происходит дополнение или пересмотр существующих институтов.

Как для дрейфа (drift), так и для конверсии (conversion) источником является сложность изменения формальных правил. Как правило, такая ситуация характерна для тех случаев, когда по тем или иным причинам действующие акторы хотят сохранить формальные институты без изменений. Имея одни источники, дрейф и конверсия различаются по условиям возникновения: дрейф возникает при изменении контекста, конверсия — в результате приспособления имеющихся институтов к тем целям, которые первоначально не предусматривались. Как для дрейфа, так и для конверсии характерно изменение институционального воздействия при сохранении институциональной формы. Но эти изменения достигаются применением различных стратегий: для дрейфа характерна стратегия удерживания, направленная на предотвращение обновления существующих правил, а для конверсии — стратегия, направленная на активное изменение деятельности институтов [29, p. 195].

При истощении (exhaustion) происходит постепенное разрушение институтов. В отличие от четырех других процессов истощение, по сути, приводит не к изменению, а к «институциональному распаду» (institutional breakdown), хотя и постепенному [54, p. 29].

При применении всех пяти способов для объяснения институциональных изменений в развивающихся странах могут возникнуть проблемы, так как формальные

правила там не всегда соблюдаются и порой могут и не влиять на политические результаты. Кроме того, исследователи [54, р. 13], разрабатывающие теорию постоянных институциональных изменений, опираются на узкую трактовку институтов, выводя за рамки определения неформальные институты, соответственно в теоретическом построении опираясь на исследования формальных институтов. Такой фокус исследования ставит вопросы о соотношении формального и неформального в механизме предлагаемых изменений, ведь за рамками остается неформальная сфера, которая также существенно может влиять на институциональные процессы.

Таким образом, исторический институционализм является достаточно вариативным направлением нового институционализма, что позволяет говорить о двойственной природе, которая проявляется в наличии двух конкурирующих версий: липкой (*sticky*), основанной на *patch dependence*, и гибкой (*flexible*), сфокусированной на постепенных изменениях. «Первый подход является чрезмерно структурным и мало что может сказать об агентских или эндогенных институциональных изменениях. Второй подход исправляет это, сосредотачиваясь больше на агентстве и эндогенных изменениях, но слишком мало говорит об институциональных ограничениях, застое или преемственности» [23, р. 724]. Попытки преодолеть данную двойственность были предприняты исследователями в рамках конструктивистского и дискурсивного направлений институционализма. Два этих направления появились в последнее время и не были включены в общеизвестные классификации неинституционализма, но при этом являются одними из самых перспективных, так как пытаются преодолеть ограничения трех вышеописанных направлений неинституционализма.

Конструктивистский институционализм берет начало в историческом институционализме, послужившем «первоначальным источником вдохновения для конструктивистских институционалистов» [32, р. 60], но при этом имеет свои отличительные особенности. В отличие от исторического институционализма, рассматривающего процесс изменений институтов с позиций *patch dependence* либо внешних шоков, иными словами, видящего причины изменений в экзогенных факторах, конструктивистские институционалисты фокусируются на эндогенной стороне изменений. При этом конструктивистский институционализм, не отрицая наличия *patch dependence*, дополняет его зависимостью от идей (*ideational path dependence*) [32, р. 65]. То есть идеи, на которых основаны институты, влияют на дальнейшее их изменение и накладывают свои ограничения [32, р. 65]. Сами же изменения рассматриваются «с точки зрения взаимодействия между стратегическим поведением и стратегическим контекстом, в котором оно задумано, и последующим раскрытием его последствий, как запланированных, так и непреднамеренных» [32, р. 64]. Таким образом, акторы, исходя из своих интересов, посредством идей изменяют институты.

В целом конструктивистскому институционализму присуще рассмотрение институтов как аналитической категории, отсюда вытекает важность того, как интерпретируются институты и события [45, р. 9]. Иными словами, при осуществлении политической конкуренции на передний план выступает конкуренция за верную интерпретацию событий, исходя из которой и предпринимаются дальнейшие действия, направленные на изменение институтов. Д. Ньюман справедливо отмечает: «институты меняются, но они не меняются сами по себе, они меняются в результате того, что акторы понимают их, и, в частности, в результате особого понимания, которое становится доминирующим» [45, р. 9].

При этом представители конструктивистского институционализма критикуют сложившиеся институционализмы, и в особенности исторический институционализм, за чрезмерный детерминизм и неспособность объяснить институциональные изменения. С. Белл в своей статье задается вопросом: «Нужен ли нам, действительно, „конструктивистский институционализм“ для объяснения институциональных изменений?» [22].

Подробно проанализировав критику исторического институционализма с позиций конструктивизма, он выяснил, что эта критика однобоко представляет исторический институционализм как монолитное целое, что является неверным. Исторический институционализм состоит из двух разных типов подходов [22, р. 890]. Объектом критики является липкая (sticky) версия, основанная на path-dependenc. При критике исторического институционализма конструктивисты упускают из вида более гибкую (flexible) версию исторического институционализма, которая легко встраивается в систему взглядов конструктивистов. Кроме того, С. Белл полагает «...неразумным проводить четкую грань между экзогенными и эндогенными факторами в институциональном анализе» [22, р. 896], т. е. необходимо нивелировать дуализм в понимании изменений (дуализм между источниками эндогенных и экзогенных источников изменений), характерный как для исторического институционализма липкой (sticky) версии, так и конструктивистского.

К конструктивистам принято относить К. Анселля [20; 21] и его сетевой институционализм. Несмотря на явные отличия от основных институциональных подходов, которым присущи формальность и имперсонализм, сетевой институционализм справедливо относят к конструктивистскому направлению ввиду того, что сети, прежде всего, это социальные структуры, построенные на взаимных обязательствах и лояльности при выстраивании отношений [20, р. 77]. Сетевой подход нашел широкое применение при исследовании политики, организаций и рынков. Как и другие институциональные направления, он не избежал критики; основным замечанием является, что «он хорош для описания экономической, политической или социальной сложности, но менее полезен для получения проверяемых причинно-следственных аргументов» [20, р. 85].

К. Анселль отмечает, что «фактически сетевой подход остается более разнообразным набором дублирующих дискуссий, чем единым унифицированным подходом к пониманию институтов» [20, р. 85].

Таким образом, конструктивистский институционализм подчеркивает важность роли идей институтов в конструировании реальности, при этом ведущее значение отводится идеям. Следует отметить, что конструктивисты не первые обращаются к идеям как переменным, позволяющим понять институциональные изменения. Как исторический институционализм, так и институционализм рационального выбора делали попытки ввести идеи в исследовательскую повестку, при этом рассматривая их как остаточную категорию [25, р. 230].

Введение идей в исследовательскую повестку порождает ряд проблем, которые необходимо решить исследователю:

- 1) методологические проблемы, которые выражаются в сложности измерения идей, т. е. «...идеи не являются конкретными или измеримыми, а скорее развиваются и гибки» [31, р. 76];
- 2) проблема функциональной двойственности идей: с одной стороны, они могут инициировать инновации, а с другой — быть фактором, закрепляющим устоявшийся порядок [9, с. 27];
- 3) проблема определения происхождения идей.

Попытки решить вышеперечисленные проблемы, в особенности проблему функциональной двойственности идей, предпринимаются в дискурсивном институционализме. Дискурсивный институционализм первоначально рассматривался как версия конструктивистского институционализма, но впоследствии получил развитие как самостоятельное направление [6, с. 198]. Важнейший вклад в развитие дискурсивного институционализма сделала В. Шмидт, которая по праву считается основоположницей данного неинституционального направления. Основной акцент в дискурсивном институционализме делается на динамичности изменении институтов в противовес статичным представлениям представителей трех общепринятых

неоинституционализмов. При этом важным является то, что данные изменения рассматриваются эндогенно, т. е. внутренние изменения рассматриваются без влияния внешних факторов [34, р. 4]. Кроме того, в дискурсивном институционализме можно выделить ряд особенностей, которые позволяют обособить его в отдельное направление неоинституционализма. В. Шмидт отмечает, что «...дискурсивный институционализм разделяет с другими неоинституционализмами основной акцент на важности институтов, но он отличается по своему определению институтов, по своим объектам и логике объяснения, а также по способам, которыми он имеет дело с изменениями» [49, р. 4]. Так, в дискурсивном институционализме «одно временно рассматриваются институты как данные (как контекст, в котором агенты думают, говорят и действуют) и как контингент (как результат мыслей, слов и действий агентов)» [48, р. 314].

Дискурсивный институционализм полностью не отрекается от предыдущих версий неоинституционализма, наоборот, несмотря на различия в аналитических структурах и работе на разных уровнях абстракции, делает попытки объединения различных подходов [48; 49; 50; 51]. В. Шмидт полагает, что возможно объединить истерический и дискурсивный институционализмы, но при этом не нарушать существующие границы между подходами, если это может привести к противоречиям [50, р. 2].

Важно отметить, что все три традиционных неоинституционализма делают попытки использовать идеи для объяснения изменений и тем самым избежать статики в своих объяснениях. Исторический институционализм является наиболее подходящим для объединения с дискурсивным институционализмом, поскольку, находясь между социологическим и рациональным выбором, которые между собой практически несовместимы, может взаимодействовать с любым из двух при включении агентств [49, р. 21].

Концентрируясь на постепенных идеальных процессах, дискурсивные институционалисты идентифицируют идеи на трех уровнях общности: политические идеи, быстро изменяющиеся; программные идеи, лежащие в основе политических, изменения происходят медленно и постепенно; философские идеи, лежащие в основе программных, редко оспариваются и, соответственно, изменяются также редко. Содержательно на любом из уровней идеи могут быть представлены двумя типами идей: когнитивными и нормативными. Когнитивные идеи предназначены для объяснения сложившейся ситуации и служат обоснованием политических действий (политик и программ). В то время как нормативные идеи определяют соответствие политик и программ принципам и ценностям общества. Идеи всех типов и на всех уровнях передаются посредством интерактивного процесса (дискурса), при этом дискурсивное взаимодействие осуществляется в двух формах: координационный и коммуникативный дискурс [48; 50; 51].

Несмотря на то, что дискурсивный институционализм — относительно новое направление неоинституционализма, призванное решить накопившиеся проблемы предыдущих версий, он не избавлен от недостатков. Так, например, О. Ларсен, критикуя дискурсивный институционализм наряду с конструктивистским институционализмом, выделяет следующие недостатки этих подходов: 1) отсутствие динамической связи между мыслящими агентами (*reflective agents*) и идеальными структурами; 2) отсутствие убедительного теоретического объяснения динамической связи между субъективными и интерсубъективными идеями; 3) отсутствие описания механизма, объясняющего, как идеи становятся частью причинной истории институциональных изменений; 4) отсутствие исследований того, как создаются мотивы и интересы [34, р. 34].

Как видим, благодаря своим нововведениям и новым интерпретациям дискурсивный институционализм по праву можно назвать четвертым видом неоинституциона-

лизма, дополняющим три уже ставших традиционными институционализма. В целом можно согласиться с мнением венгерского исследователя З. Грунху, что «дискурсивный институционализм можно рассматривать как методологическое новшество для более динамичного решения и исследования институциональных изменений (стабильности) с помощью восприятия и их интерпретаций» [28, р. 20].

Отечественный исследователь И. А. Шмерлина отмечает, что «и конструктивистский, и дискурсивный разновидности институционализма являются, по сути, авторскими направлениями, практически не получающими развития в институциональных исследованиях» [19, с. 112]. Действительно, в период своего зарождения, возможно, это и были авторские направления, но за последние годы появилось большое количество исследований, развивающих идеи данных подходов [7; 23; 28; 31; 53 и др.].

Дискурсивный институционализм продолжает развиваться, существует позиция, объединяющая дискурсивный институционализм с конструктивистским и идеалистическим институционализмом в отдельную группу «постисторических институциональных» (post-historical institutionalist) подходов [44]. Общим для всех этих подходов является «направленность на аффективную роль идей» [44, р. 112].

Дэвид С. Мун считает, что дальнейшее развитие этой группы институциональных направлений возможно осуществлять на базе постструктуралистских концепций и аналитических инструментов. Дополнение конструктивистско-дискурсивного инструментария постструктуралистскими идеями позволит более подробно исследовать динамику внутри институциональной борьбы [44, р. 113]. Такое дополнение позволяет говорить о продолжении формирования в институциональных исследованиях такого нового институционального направления, как постструктуралистский институционализм. С позиций постструктуралистского институционализма все институты существуют как дискурсивные сущности, рассматриваемые в формальном и неформальном аспекте. Следовательно, говорить о завершении развития институционализма и формировании исчерпывающего списка неинституциональных подходов еще рано.

Среди тенденций, преобладающих при проведении современных институциональных исследований, можно выделить следующие:

- 1) продолжающаяся интеграция между различными институциональными подходами, выражающаяся во взаимном заимствовании методик и исследовательского инструментария;
- 2) концентрации на идеях, как новом элементе, который помогает объяснить изменения; если перефразировать Д. Нора, говорившего, что «история имеет значение» [12], можно сказать, что «идеи имеют значение»;
- 3) многообразие описания институциональных отношений от объединения акторов в коалиции до их борьбы;
- 4) устранение детерминизма при описании изменений институтов.

Таким образом, основной тенденцией является стирание границ между различными направлениями неинституционализма и взаимное проникновение методов между подходами. Неинституционализм позволяет комбинировать различные варианты для исследования, поэтому выбор того или иного варианта институционализма остается за автором исследования.

В целом же при проведении исследований политических систем необходимо:

- 1) рассматривать институты во взаимосвязи с другими институтами и явлениями политической жизни, такими как практики, нормы, интересы и идеи;
- 2) анализировать политическую реальность на различных уровнях.

Перспективными направлениями исследований в рамках неинституционального подхода могут быть:

- 1) комбинация patch dependence со смещением, расслоением, преобразованием, дрейфом и истощением для сочетания экзогенных и эндогенных факторов в объяснении изменений институтов. В свою очередь это позволит дать целостную

картину изменений, происходящих с институтами на различных этапах становления политических систем;

- 2) применение наработок дискурсивного институционализма относительно форм дискурсивного взаимодействия. Анализ смещения коммуникационного и координационного дискурсов под влиянием цифровизации. Цифровизация позволила акторам обращаться на прямую к общественности, что привело к изменению баланса, коммуникативного и координирующего дискурсов, что в свою очередь могло повлиять на расстановку сил между акторами.

Литература

1. Вейнгагст Б. Политические институты с позиций концепции рационального выбора // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина. М. : Вече, 1999. С. 181–204.
2. Вольман Х., Кулман С. Административная политика и административные реформы // Управленческое консультирование. 2017. №12. С. 226–237.
3. Димаджо П., Пауэлл У. В. Новый взгляд на «Железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-vzglyad-na-zheleznuyu-kletku-institutsionalnyy-izomorfizm-i-kollektivnaya-ratsionalnost-v-organizatsionnyh-polyah> (дата обращения: 19.08.2020).
4. Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.
5. Ирхин Ю. В. Переосмысливая институциональные подходы в политических науках: новые перспективы // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 1. С. 9–20.
6. Кокарев К. П. Институционализмы: САД расходящихся исследовательских тропок // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2014. № 4. С. 192–202.
7. Коновалов Д. А. Особенности формирования и функционирования диктатур с позиций конструктивистского институционализма // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-i-funktsionirovaniya-diktatur-s-pozitsiy-konstruktivistskogo-institutsionalizma> (дата обращения: 17.02.2020).
8. Кузнецов А. М. «Новый институционализм»: взгляд через призму дискурсивного анализа // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2014. № 4. С. 203–227.
9. Малинова О. Ю. Идеи, институты, процессы, акторы: проблема сопряжения // В кн.: Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / науч. ред. О. Ю. Малинова. М. : РОССПЭН, 2011. С. 21–32.
10. Матвеев А. А. Применение теории «path dependence» в исследовании институциональных преобразований в России // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 107–113.
11. Мейер Д., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizirovannye-organizatsii-formalnaya-struktura-kak-mif-i-tseremonial> (дата обращения: 19.08.2020).
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997.
13. Патрушев С. В. Институциональная политология: четверть века спустя // Политическая наука. 2009. № 3. С. 5–19.
14. Патрушев С. В., Айвазова С. Г., Клемент К. М. и др. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. М. : ИСП РАН, 2006.
15. Патрушев С. В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizm-v-politicheskoy-nauke-etapy-techeniya-idei-problemy> (дата обращения: 08.11.2019).
16. Питерс Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / ред. Р. Гудин. М. : Вече, 1999. С. 218–232.

17. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polya-vlast-i-sotsialnye-navyki-kriticheskiy-analiz-novykh-institutsionalnyh-techeniy> (дата обращения: 07.09.2020).
18. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная Наука. Способы объяснения системного провала. М. : Изд. Дом высшей школы экономики, 2015.
19. Шмерлина И. А. «Институциональная логика»: критический анализ направления // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 4. С. 110–138.
20. Ansell C. Network Institutionalism // R. A. W. Rhodes, et. al., eds. The Oxford Handbook of Political Institutions. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 75–89.
21. Ansell C. The Networked Polity: Regional Development in Western Europe // Governance: An International Journal of Policy and Administration. 2000. Vol. 13. N 3. P. 303–333.
22. Bell S. Do We Really Need a New 'Constructivist Institutionalism' to Explain Institutional Change? // British Journal of Political Science. 2011. Vol. 41. N 4. P. 883–906.
23. Bell S. Historical Institutionalism and New Dimensions of Agency: Bankers, Institutions and the 2008 Financial Crisis // Political Studies. 2017. Vol. 65. N 3. P. 724–739.
24. Blom-Hansen J. A «New Institutional» Perspective on Policy Networks // Public Administration. 1997. Vol. 75. N 4. P. 669–693.
25. Blyth M. M. «Any More Bright Ideas? » The Ideational Turn of Comparative Political Economy // Comparative Politics. 1997. Vol. 29. N 2. P. 229–250.
26. Capoccia G., Kelemen R. D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // World Politics. 2007. N 3 (59). P. 341–369.
27. Collier D., Collier R. Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America. University of Notre Dame Press, 2002
28. Grunhut Z. Europeanization: a Critical Realist, Discursive Institutional Approach // On-line Journal Modelling the New Europe. 2019. N 29 [Electronic resource]. URL: http://neweurope.centre.ubbcluj.ro/wp-content/uploads/2019/04/1-article_GRUNHUT.pdf (accessed: 07.09.2020).
29. Hacker J. S., Pierson P., Thelen K. Drift and conversion: hidden faces of institutional change ed. J. Mahoney, K. Thelen, Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 180–208.
30. Hall P. A., Taylor R. C. R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. 1996. N 5 (44). P. 936–957.
31. Hassan O. Constructivist-Institutionalism and the Invasion of Iraq: Crisis, Learning and the National Interest // Horizons in Humanities and Social Sciences: An International Refereed Journal. 2015. N 1 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/283553525_Constructivist-Institutionalism_and_the_Invasion_of_Iraq_Crisis_Learning_and_the_National_Interest (accessed: 07.09.2020).
32. Hay C. Constructivist Institutionalism // R. A. W. Rhodes et. al., eds. The Oxford Handbook of Political Institutions. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 56–74.
33. Katznelson I., Weingast B. R. Intersections Between Historical and Rational Choice Institutionalism [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/318780714_Intersections_Between_Historical_and_Rational_Choice_Institutionalism (accessed: 07.09.2020).
34. Larsson O. Exploring the Full Potential of Ideas in Neo-institutionalism // Conference: forthcoming in Critical Review 2015. Vol. 27. N 2 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/275209341_Exploring_the_Full_Potential_of_Ideas_in_Neo-institutionalism (accessed: 07.09.2020).
35. Lecours A., Dupré J.-F. The emergence and transformation of self-determination claims in Hong Kong and Catalonia: A historical institutionalist perspective // Ethnicities. 2020. P. 3–23.
36. Ma S.-Y. Political Science at the Edge of Chaos? The Paradigmatic Implications of Historical Institutionalism // International Political Science Review. 2007. Vol. 28. N 1. P. 57–78.
37. Mabee B. Historical Institutionalism and Foreign Policy Analysis: The Origins of the National Security Council Revisited: Historical Institutionalism and Foreign Policy Analysis // Foreign Policy Analysis. 2011. N1 (7). P. 27–44.
38. Mahoney J. Path dependence in historical sociology // Theory and Society. 2000. Vol. 29. N 4. P. 507–548.
39. Mahoney J., Thelen K. A Theory of Gradual Institutional Change // J. Mahoney, K. Thelen (Eds.), Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 1–37.
40. Mahoney J. Path-Dependent Explanations of Regime Change: Central America in Comparative Perspective // Studies in Comparative International Development. 2001. Vol. 36. N 1. P. 111–141.

41. March J. G., Olsen J. P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics, New York : Free Press, 1989.
42. March J. G., Olsen J. P. Elaborating the "New Institutionalism" [Electronic resource]. URL: <http://unesco.amu.edu.pl/pdf/olsen2.pdf> (accessed: 07.09.2020).
43. March J. G., Olsen J. P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. 1983. Vol. 78. N 3. P. 734–749.
44. Moon D. S. 'Tissue on the Bones': Towards the Development of a Post-structuralist Institutionalism // Politics. 2013. N 2 (33). P. 112–123.
45. Newman J. Morphogenetic theory and the constructivist institutionalist challenge // Journal for the Theory of Social Behaviour, 2018. Vol. 49. N 1 [Electronic resource]. URL: <http://eprints.whiterose.ac.uk/137762/1/Newman%2C%20J.%20%282018%29%20Morphogenetic%20Theory%20and%20the%20Constructivist%20Institutionalist%20Challenge.pdf> (accessed: 07.09.2020).
46. Peters B. G. Institutional theory in political science: the new institutionalism. London; New York : Pinter, 1999.
47. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // American Political Science Review. 2000 Vol. 94. N 2. P. 251–267.
48. Schmidt V. A. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. N 1. P. 303–326.
49. Schmidt V. A. Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth 'new institutionalism' // European Political Science Review. 2010. Vol. 2. N 1. P. 1–25.
50. Schmidt V. Analyzing Ideas and Tracing Discursive Interactions in Institutional Change: From Historical Institutionalism to Discursive Institutionalism // APSA 2010 Annual Meeting Paper [Electronic resource]. URL: <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.pdf> (accessed: 07.09.2020).
51. Schmidt V. A. From historical institutionalism to discursive institutionalism: Explaining change in comparative political economy: Paper prepared for presentation at the American political science association meetings, Boston Aug 2008. Revision of a paper prepared for presentation to the biannual meeting of the Council for European studies, Chicago, Ill., March 6–8, 2008 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/228911519_From_Historical_Institutionalism_to_Discursive_Institutionalism_Explaining_Change_in_Comparative_Political_Economy (accessed: 07.09.2020).
52. Shepsle K. A. Rational Choice Institutionalism // R. A. W. Rhodes et. al., eds. The Oxford Handbook of Political Institutions. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 23–38.
53. Sivesind K., Wahlström N. Curriculum and Leadership in Transnational Reform Policy: A Discursive-Institutionalist Approach [Electronic resource]. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-58650-2_14.pdf (accessed: 07.09.2020).
54. Streeck W., Thelen K. Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies / ed. W. Streeck, K. Thelen. Oxford; New-York : Oxford University Press, 2005.
55. Thelen K. Historical institutionalism in comparative politics // Annual review of political science. Palo Alto, Calif., 1999. Vol. 2. P. 369–404.
56. Weyland K. Limitations of rational-choice institutionalism for the study of Latin American politics // Studies in Comparative International Development. 2002. Vol. 37. N 1. P. 57–85.

Об авторе:

Матвеев Александр Андреевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; matveevalexandr2009@yandex.ru

References

1. Weingast B. Political institutions from the standpoint of the concept of rational choice // Political science: new directions / ed. R. Goodin. M. : Veche, 1999. P. 181–204. (In rus)
2. Wolman H., Kulman S. Administrative policy and administrative reforms // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 12. P. 226–237. (In rus)
3. DiMaggio P., Powell W. V. A new look at the «Iron Cage»: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // Economic sociology [Ekonomicheskaya sotsiologiya]. 2010. N 1 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-vzglyad-na-zhe->

- leznuyu-kletku-institutsionalnyy-izomorfizm-i-kollektivnaya-ratsionalnost-v-organizatsionnyh-polyah (accessed: 19.08.2020). (In rus)
4. David P. Clio and the economic theory of QWERTY // Origins: from the experience of studying the economy as a structure and as a process. M. : Ed. house SU-HSE, 2007. (In rus)
 5. Irkhin Yu. V. Rethinking institutional approaches in political sciences: new perspectives // Vestnik RGGU. Series: Political Science. History. International relationships [Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2015. N 1. P. 9–20. (In rus)
 6. Kokarev K. P. Institutionalisms: SAD of diverging research paths // METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines [METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin]. 2014. N 4. P. 192–202. (In rus)
 7. Konovalov D. A. Features of the formation and functioning of dictatorships from the standpoint of constructivist institutionalism // Bulletin of Omsk University. Series «Historical Sciences» [Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»]. 2017. N 3 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-i-funktsionirovaniya-diktatur-s-pozitsiy-konstruktivistskogo-institutsionalizma> (accessed: 17.02.2020) (In rus)
 8. Kuznetsov A. M. «New institutionalism»: a view through the prism of discourse analysis // METHOD: Moscow yearbook of works from social science disciplines [METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin]. 2014. N 4. P. 203–227. (In rus)
 9. Malinova O. Yu. Ideas, institutions, processes, actors: the problem of conjugation // In the book: Ideological and symbolic space of post-Soviet Russia: dynamics, institutional environment, actors / scientific. ed.: O. Yu. Malinova. M. : ROSSPEN, 2011. P. 21–32. (In rus)
 10. Matveev A. A. Application of the Theory of “Path Dependence” In the Study of Institutional Transformations in Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. № 4. P. 107–113.
 11. Meyer D., Rowan B. Institutionalized organizations: formal structure as myth and ceremonial // Economic sociology [Ekonomicheskaya sotsiologiya]. 2011. N 1 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizirovannye-organizatsii-formalnaya-struktura-kak-mif-i-tseremonial> (accessed: 19.08.2020). (In rus)
 12. North D. Institutions, institutional change and the functioning of the economy. M. : Beginnings, 1997. (In rus)
 13. Patrushev S. V. Institutional political science: a quarter of a century later // Political science [Politicheskaya nauka]. 2009. N 3. P. 5–19. (In rus)
 14. Patrushev S. V., Aivazova S. G., Klement K. M. et al. Panov Institutional Political Science: Contemporary Institutionalism and Political Transformation of Russia / ed. S. V. Patrushev. M. : ISP RAS, 2006. (In rus)
 15. Patrushev S. V. Institutionalism in political science: stages, trends, ideas, problems // Political science [Politicheskaya nauka]. 2001. N 2 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizm-v-politicheskoy-nauke-etapy-techeniya-idei-problemy> (accessed: 08.11.2019). (In rus)
 16. Peters G. Political institutions: yesterday and today // Political science: new directions / ed. R. Goodin. M. : Veche, 1999. P. 218–232. (In rus)
 17. Fligstein N. Fields, power and social skills: a critical analysis of new institutional trends // Economic sociology [Ekonomicheskaya sotsiologiya]. 2001. N 4 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polya-vlast-i-sotsialnye-navyki-kriticheskiy-analiz-novykh-institutsionalnyh-techeniy> (accessed: 09/07/2020). (In rus)
 18. Hedlund S. Invisible Hands, Russian Experience and Social Science. Ways to Explain Systemic Failure. M. : Higher School of Economics, 2015. (In rus)
 19. Shmerlina I. A. «Institutional logic»: a critical analysis of the direction // Sociological journal [Sotsiologicheskii zhurnal]. 2016. Vol. 22. N 4. P. 110–138. (In rus)
 20. Ansell C. Network Institutionalism // R. A. W. Rhodes, et. al., eds. The Oxford Handbook of Political Institutions. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 75–89.
 21. Ansell C. The Networked Polity: Regional Development in Western Europe // Governance: An International Journal of Policy and Administration. 2000. Vol. 13. N 3. P. 303–333.
 22. Bell S. Do We Really Need a New ‘Constructivist Institutionalism’ to Explain Institutional Change? // British Journal of Political Science. 2011. Vol. 41. N 4. P. 883–906.
 23. Bell S. Historical Institutionalism and New Dimensions of Agency: Bankers, Institutions and the 2008 Financial Crisis // Political Studies. 2017. Vol. 65. N 3. P. 724–739.
 24. Blom-Hansen J. A «New Institutional» Perspective on Policy Networks // Public Administration. 1997. Vol. 75. N 4. P. 669–693.

25. Blyth M. M. «Any More Bright Ideas? » The Ideational Turn of Comparative Political Economy // *Comparative Politics*. 1997. Vol. 29. N 2. P. 229–250.
26. Capoccia G., Kelemen R. D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // *World Politics*. 2007. N 3 (59). P. 341–369.
27. Collier D., Collier R. *Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America*. University of Notre Dame Press, 2002.
28. Grunhut Z. Europeanization: a Critical Realist, Discursive Institutional Approach // *On-line Journal Modelling the New Europe*. 2019. N 29 [Electronic resource]. URL: http://neweurope.centre.ubbcluj.ro/wp-content/uploads/2019/04/1-article_GRUNHUT.pdf (accessed: 07.09.2020).
29. Hacker J. S., Pierson P., Thelen K. *Drift and conversion: hidden faces of institutional change* ed. J. Mahoney, K. Thelen, Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 180–208.
30. Hall P. A., Taylor R. C. R. *Political Science and the Three New Institutionalisms* // *Political Studies*. 1996. N 5 (44). P. 936–957.
31. Hassan O. Constructivist-Institutionalism and the Invasion of Iraq: Crisis, Learning and the National Interest // *Horizons in Humanities and Social Sciences: An International Refereed Journal*. 2015. N 1 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/283553525_Constructivist-Institutionalism_and_the_Invasion_of_Iraq_Crisis_Learning_and_the_National_Interest (accessed: 07.09.2020).
32. Hay C. Constructivist Institutionalism // R. A. W. Rhodes et. al., eds. *The Oxford Handbook of Political Institutions*. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 56–74.
33. Katznelson I., Weingast B. R. Intersections Between Historical and Rational Choice Institutionalism [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/318780714_Intersections_Between_Historical_and_Rational_Choice_Institutionalism (accessed: 07.09.2020).
34. Larsson O. Exploring the Full Potential of Ideas in Neo-institutionalism // Conference: forthcoming in *Critical Review* 2015. Vol. 27. N 2 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/275209341_Exploring_the_Full_Potential_of_Ideas_in_Neo-institutionalism (accessed: 07.09.2020).
35. Lecours A., Dupré J.-F. The emergence and transformation of self-determination claims in Hong Kong and Catalonia: A historical institutionalist perspective // *Ethnicities*. 2020. Vol. 20. N 1. P. 3–23.
36. Ma S.-Y. Political Science at the Edge of Chaos? The Paradigmatic Implications of Historical Institutionalism // *International Political Science Review*. 2007. Vol. 28. N 1. P. 57–78.
37. Mabee B. Historical Institutionalism and Foreign Policy Analysis: The Origins of the National Security Council Revisited: Historical Institutionalism and Foreign Policy Analysis // *Foreign Policy Analysis*. 2011. N1 (7). P. 27–44.
38. Mahoney J. Path dependence in historical sociology // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. N 4. P. 507–548.
39. Mahoney J., Thelen K. A Theory of Gradual Institutional Change // J. Mahoney, K. Thelen (Eds.), *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 1–37.
40. Mahoney J. Path-Dependent Explanations of Regime Change: Central America in Comparative Perspective // *Studies in Comparative International Development*. 2001. Vol. 36. N 1. P. 111–141.
41. March J. G., Olsen J. P. *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*, New York : Free Press, 1989.
42. March J. G., Olsen J. P. Elaborating the “New Institutionalism” [Electronic resource]. URL: <http://unesco.amu.edu.pl/pdf/olsen2.pdf> (accessed: 07.09.2020).
43. March J. G., Olsen J. P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // *American Political Science Review*. 1983. Vol. 78. N 3. P. 734–749.
44. Moon D. S. ‘Tissue on the Bones’: Towards the Development of a Post-structuralist Institutionalism // *Politics*. 2013. N 2 (33). P. 112–123.
45. Newman J. Morphogenetic theory and the constructivist institutionalist challenge // *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 2018. Vol. 49. N 1 [Electronic resource]. URL: <http://eprints.whiterose.ac.uk/137762/1/Newman%2C%20J.%20%282018%29%20Morphogenetic%20Theory%20and%20the%20Constructivist%20Institutionalist%20Challenge.pdf> (accessed: 07.09.2020).
46. Peters B. G. *Institutional theory in political science: the new institutionalism*. London; New York : Pinter, 1999.
47. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // *American Political Science Review*. 2000 Vol. 94. N 2. P. 251–267.
48. Schmidt V. A. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // *Annual Review of Political Science*. 2008. Vol. 11. N 1. P. 303–326.

49. Schmidt V.A. Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth 'new institutionalism' // *European Political Science Review*. 2010. Vol. 2. N 1. P. 1–25.
50. Schmidt V. Analyzing Ideas and Tracing Discursive Interactions in Institutional Change: From Historical Institutionalism to Discursive Institutionalism // *APSA 2010 Annual Meeting Paper* [Electronic resource]. URL: <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.pdf> (accessed: 07.09.2020).
51. Schmidt V.A. From historical institutionalism to discursive institutionalism: Explaining change in comparative political economy: Paper prepared for presentation at the American political science association meetings, Boston Aug 2008. Revision of a paper prepared for presentation to the biannual meeting of the Council for European studies, Chicago, Ill., March 6–8, 2008 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/228911519_From_Historical_Institutionalism_to_Discursive_Institutionalism_Explaining_Change_in_Comparative_Political_Economy (accessed: 07.09.2020).
52. Shepsle K.A. Rational Choice Institutionalism // R.A.W. Rhodes et. al., eds. *The Oxford Handbook of Political Institutions*. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 23–38.
53. Sivesind K., Wahlström N. Curriculum and Leadership in Transnational Reform Policy: A Discursive-Institutionalist Approach [Electronic resource]. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-58650-2_14.pdf (accessed: 07.09.2020).
54. Streeck W., Thelen K. *Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies* / ed. W. Streeck, K. Thelen. Oxford; New-York : Oxford University Press, 2005.
55. Thelen K. Historical institutionalism in comparative politics // *Annual review of political science*. Palo Alto, Calif., 1999. Vol. 2. P. 369–404.
56. Weyland K. Limitations of rational-choice institutionalism for the study of Latin American politics // *Studies in Comparative International Development*. 2002. Vol. 37. N 1. P. 57–85.

About the author:

Alexander A. Matveev, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; matveevalexandr2009@yandex.ru

Теоретические аспекты концепции управления цепями ценности*

Тяпухин А. П.

Уральское отделение Российской академии наук (Оренбургский филиал), Оренбург, Российская Федерация; aptyapuhin@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью исследования является уточнение и дополнение теоретических аспектов формирования концепции управления цепями ценности, обеспечивающей наряду с концепциями управления цепями требований и управления цепями поставок создание интегральной концепции управления цепями.

Методами исследования являются методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также классификации, а инструментами — бинарные матрицы, предусматривающие совместное использование двух классификационных признаков.

В результате исследования разработаны последовательности управления потоками при создании ценности конечного потребителя продукции и/или услуг и стадий трансформации потоков различного типа; предложена классификация управленческих ситуаций, связанных с созданием ценности; выявлены основные варианты получения и оценки ценности конечного потребителя продукции и/или услуг; предложены процессы оптимизации ценности конечного потребителя; согласования параметров ценности и потоков продукции и/или услуг; распространения и трансформации ценностей конечных потребителей продукции и/или услуг.

Данные результаты при их дальнейшем уточнении позволят выявить направления взаимодействия поставщиков и потребителей в рамках совместного управления ценностями, требованиями и поставками; создать предпосылки для совершенствования терминологии управления цепями поставок и логистики; организовать более эффективное управление потоками в рамках различных концепций управления цепями, устраняя или снижая межфункциональные и иные барьеры, препятствующие созданию и доставке ценностей конечным потребителям продукции и/или услуг.

Дальнейшими направлениями совершенствования полученных результатов являются создание унифицированных определений терминов «управление цепями ценностей» и «управление цепями поставок» для формирования базового определения термина «управление цепями»; уточнение сущности, содержания, причин возникновения и методов снижения барьеров на траектории движения потоков объектов управления и сокращение времени на их переработку, движение и трансформацию.

Ключевые слова: требование, поставка, поток, барьер, конечный потребитель

Для цитирования: Тяпухин А. П. Теоретические аспекты концепции управления цепями ценности // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 63–77.

Theoretical Aspects of the Concept of Value Chain Management

Alexey P. Tyapukhin

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Orenburg Branch), Orenburg, Russian Federation; aptyapuhin@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of the study is to clarify and complement the theoretical aspects of the formation of the concept of value chain management, which provides, along with the concepts of demand chain management and supply chain management, the creation of an integral concept of chain management.

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием Минобрнауки России для ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2021 г.

Methods of research are methods of analysis and synthesis, induction and deduction, as well as classification, and tools are binary matrices providing for the joint use of two classification features.

As a result of the study, flow management sequences were developed in creating the value of the end user of products and/or services and the stages of transformation of flows of various types; proposed a classification of management situations related to the creation of value; identified the main options for obtaining and assessing the value of the end user of products and/or services; disclosed are processes for optimizing the value of the end user; harmonizing the parameters of value and flows of products and/or services; disseminating and transforming the values of end-users of products and/or services.

These results, when further refined, will reveal the areas of interaction between suppliers and consumers in the framework of joint management of values, requirements and supplies; Create prerequisites for improving supply chain management and logistics terminology; Organize better flow management within different chain management concepts, eliminating or reducing cross-functional and other barriers to the creation and delivery of value to end-users of products and/or services.

Further areas of improvement include the establishment of harmonized definitions of value chain management, value chain management and supply chain management to provide a basic definition of chain management; clarification of essence, content, causes of occurrence and methods of reduction of barriers on trajectory of movement of flows of control objects and reduction of time for their processing, movement and transformation.

Keywords: demand, supply, flow, barrier, end user

For citing: Tyapukhin A. P. Theoretical Aspects of the Concept of Value Chain Management // Administrative consulting. 2021. N 5. P. 63–77.

Введение

Необходимость поддержки конкурентоспособности предприятий предполагает непрерывное развитие форм, методов и концепций управления не только данными предприятиями, но и их объединениями [5, 18].

В последние десятилетия разработаны и получили широкое признание концепции управления цепями:

- ценностей (*англ.* — «Value chain management») [17];
- требований (*англ.* — «Demand chain management») [9];
- поставок (*англ.* — «Supply chain management») [16].

Несмотря на длительный срок совершенствования и опыт внедрения данных концепций, до сих пор продолжают дискуссии по поводу их сущности, содержания и взаимосвязей [15, 25].

Решение данной проблемы создаст предпосылки для формирования интегрированной концепции управления цепями, позволяющей эффективно воздействовать на различные объекты локальных концепций, а также обеспечивать трансформацию этих объектов на основе логистического подхода [2].

Данная проблема включает ряд вопросов теории и методологии управления цепями, таких как:

- выявление типовых управленческих ситуаций, связанных с созданием ценности конечного потребителя продукции и/или услуг (далее — ценности);
- определение основных этапов получения ценности и основных направлений ее оптимизации;
- обоснование предпосылок для реализации логистики как концепции управления потоками в цепях различного типа и др.

Решение данных вопросов определяют актуальность, цель и задачи настоящего исследования.

Теоретические основы

Термин «ценность» исследуется специалистами:

- как потребительская ценность [21], близкая к точке зрения поставщика продукции и/или услуг;
- как воспринимаемая ценность, отражающая точку зрения их потребителя [28].

В данной статье речь пойдет о втором типе ценности, как более сложном объекте управления [14].

Сложность и неоднозначность содержания термина «ценность» подчеркивает А. Арвидсон: «Во множественном числе ценности понимаются как общие принципы, которые направляют ... наши действия. В единственном числе ценность понимается как относительная ценность, которую общество придает объекту...» [3].

По мнению К. Ландастера, «понятие ценности продукта или услуги связано с тем, что продукты и услуги рассматриваются как совокупность атрибутов» [11].

Авторы работы [27] полагают, что «воспринимаемая ценность — это субъективный опыт, а не общеизвестные знания».

Если связать совокупность атрибутов продукции и/или услуг и субъективный опыт их потребителя, то можно сделать вывод, что основой для понимания сущности термина «ценность» являются ощущения и впечатления, испытываемые данным потребителем.

Кроме того, ценности следует рассматривать не только в статике, но и в динамике. При этом цепи предприятий, как правило, создают не одну, а множество ценностей, описываемых как количественно, так и качественно. Одновременно их потребитель, получив одну ценность, в дальнейшем может быть ориентирован на вторую, третью и т.д. ценность. В этом случае необходимо вести речь о цепях ценностей (совокупности линейно упорядоченных предприятий), создающих и доставляющих потоки ценностей.

Исходя из этого, для достижения цели данного исследования были выбраны следующие определения:

- «ценность — это совокупность уникальных характеристик объектов и процессов, имеющих положительное или отрицательное значения для потребителя в зависимости от его материального, психического или духовного состояния»;
- «поток ценностей — совокупность объединенных по определенным признакам уникальных характеристик объектов и процессов, последовательно ощущаемых потребителем в пространстве и во времени в зависимости от его материального, психического или духовного состояния» [1].

Поток ценностей является видом потока как объекта исследования логистики [8].

Поскольку «поток имеет три ключевых атрибута: направление, содержание и носитель, которые соответственно определяют, кто посылает, и кто получает, содержание знаний и способ передачи содержания» [10], возникает вопрос: «Каким образом поток продукции и/или услуг преобразуется в поток ценностей и наоборот?».

Данный вопрос можно представить шире, если вспомнить, что термин «поток» является основой (объектом) для формирования вариантов терминов упомянутых выше концепций управления цепями:

- ценностей [7];
- требований [9];
- поставок [6].

Для достижения цели исследования предполагается использование методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также классификации, а в качестве инструментов — бинарные матрицы, предусматривающие совместное использование двух классификационных признаков.

Результаты

Изложенный выше материал позволяет установить логическую последовательность реализации концепций управления цепями (по их объектам): «управление ценностями→управление требованиями→управление цепями поставок» на основе логистического менеджмента, объектом которого являются потоки. Данный аспект исследования представлен на рис. 1.

Клиенты играют ключевую роль в создании ценности [23]. Однако при этом возможны варианты, когда «фирмы предлагают ценностные предложения, а клиенты их принимают и сотрудничают в создании ценности» [24].

Если полагать, что прообраз ценности сформирован, то до ее реального получения он последовательно трансформируется в следующие объекты управления: «прообраз ценности→требование→поставка→ценность».

Если рассматривать данные объекты как потоки, включающие, как минимум, два объекта — предыдущий и последующий, то можно установить управленческие ситуации, связанные с созданием ценности (рис. 2).

Из содержания рис. 2 следуют выводы:

- в идеальных случаях предыдущий и последующий объекты управления (ценности, требования и поставки) синхронизированы, и угрозы снижения качества ценности отсутствуют (шесть ситуаций из двенадцати возможных);
- в оставшихся шести ситуациях такая угроза реальна по причине остановки потоков объектов управления или же создания их необоснованных запасов, провоцирующих упущенную выгоду как конечного потребителя, так и звеньев соответствующих цепей.

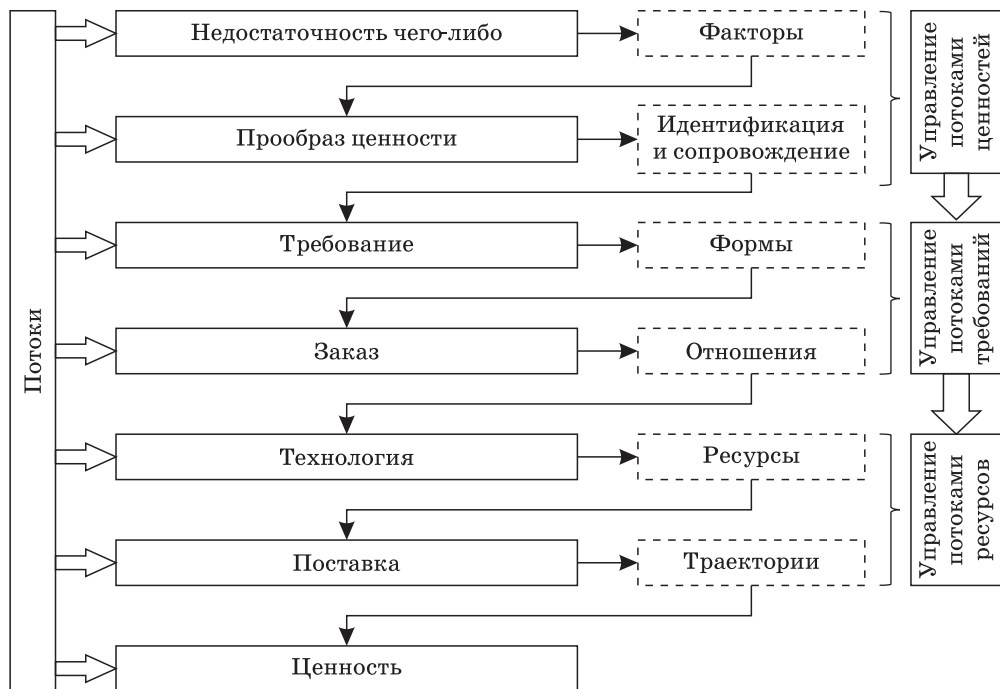

Рис. 1. Последовательность управления потоками при создании ценности
Fig. 1. Flow management sequence for value creation

Требование потребителя (ТП)		Поставка потребителю (ПП)	
		Предыдущая (ПП ₁)	Последующая (ПП ₂)
Предыдущая (ЦП ₁)	Потоки ЦП ₁ –ТП ₁ синхронизированы	Потоки ПП ₁ –ЦП ₁ синхронизированы	Поток ПП ₂ переходит в запас ЦП ₁
Ценность потребителя (ЦП)	Влияние отставания потока ТП ₁ на потоки ЦП ₂ и ТП ₂	Возможное снижение качества потока ЦП ₂	Потоки ПП ₂ –ЦП ₂ синхронизированы
Последующая (ЦП ₂)	Неопределенность потока ТП ₂	Потоки ЦП ₂ –ТП ₂ синхронизированы	Отставание потока ПП ₁ от потока ТП ₁
Предыдущая (ПП ₁)	Потоки ТП ₁ –ПП ₁ синхронизированы	Поток ПП ₂ переходит в запас	Потоки ТП ₂ –ПП ₂ синхронизированы
Поставка потребителю (ПП)	Поток ПП ₂ переходит в запас	Потоки ТП ₂ –ПП ₂ синхронизированы	
Последующая (ПП ₂)			

Рис. 2. Классификация управленческих ситуаций, связанных с созданием ценности

Fig. 2. Classification of management situations related to value creation

Для адекватного описания процессов трансформации потоков ценностей в потоки получаемых потребителем продукции и/или услуг и наоборот, предлагается использовать последовательность стадий трансформации потоков различного типа (рис. 3).

Выбор ценностей конечного потребителя зависит от его состояния и опыта контакта с продуктами и/или услугами, а также с их поставщиками.

Качество получаемых ценностей предопределяется органами чувств потребителя, с помощью которых он интерпретирует факторы окружающей среды. Органы чувств формируют ощущения конечного потребителя, который на определенном интервале времени можно представить в виде потоков ощущений. Поскольку ощущения в определенной комбинации передаются потребителю сразу несколькими органами чувств, они провоцируют различный уровень впечатлений, причем не всегда благоприятных для достижения целей поставщиков продукции и/или услуг.

Как справедливо заметили М. Свах и А.С. Дахий, «потребительские покупки и принятие потребительских решений настолько сложны в результате внешних воздействий и должны обрабатываться в рамках внутренних предпочтений» [22].

Впечатления потребителя в разных комбинациях, с одной стороны, следует рассматривать как потоки впечатлений, а с другой стороны — они совместно с прошлыми и настоящими ощущениями формируют прообразы будущих ценностей.

Информация, представленная на рис. 3, позволяет уточнить характер управленческих ситуаций, связанных с созданием ценности. Если установить последовательность «ощущения→впечатления→продукты и/или услуги→ценность», то можно определить основные варианты получения и оценки ценности (рис. 4).

Рис. 3. Последовательность стадий трансформации потоков различного типа
Fig. 3. Sequence of transformation stages of streams of different types

К особенностям на рис. 4 можно отнести:

- наличие известного (возможно, среднего) уровня ощущений, впечатлений, продуктов и/или услуг, а также ценности. Реальные параметры каждого из перечисленных выше объектов могут быть меньше или больше этого известного уровня;
- в результате попарного сравнения: «ощущения — впечатления», «впечатления — продукты и/или услуги», «продукты и/или услуги — ценность» и «ценность — впечатления» формируются искомые варианты получения и оценки ценности;
- каждый из представленных вариантов является основой для организации взаимодействия поставщика продукции и/или услуг и их потребителя, включая создание и доставку ценностей.

Как следует из содержания рис. 4, ценностям определенного типа свойственна цикличность, стадии которой можно установить, используя следующие классификационные признаки:

- этап обращения потребителя с ценностью: подготовка и потребление;
- волатильность ценности: высокая и низкая (рис. 5).

В дополнение к стадиям цикла, представленным на рис. 5, следует добавить стадию ожидания, существенно влияющую на устойчивость ценности при излишнем накоплении запасов в цепях или при их дефиците (рис. 1).

Данные рис. 5 позволяют разработать процесс оптимизации ценности (рис. 6).

Особенностями рис. 6 являются:

- признание того, что первоначальная ценность (прообраз ценности) как правило, является неконкретной и в дальнейшем, скорее всего, подвергнется корректировке;

Признак 1		Признак 2		Признак 3	
		Впечатления потребителя		Продукты и/или услуги	
		Ниже	Выше	Ниже	Выше
Ниже Ощущения потребителя		Невосприимчивость к получению ценности	Достаточная восприимчивость к получению ценности	Доработка под обычные ощущения потребителя	Невозможность оценки качества потребителем
		Необходимость уточнения восприимчивости ценности	Высокая восприимчивость к получению ценности	Готовность потребителя к оценке качества	Разработка вариантов под ощущения потребителя
Выше Ценность потребителя		Ценность продукции и/или услуг не подтверждена	Уникальность ценности подтверждена	Полная готовность потребителя к покупке	Готовность к покупке под ценность потребителя
		Ценность продукции и/или услуг сомнительна	Завышенная оценка полученной ценности	Согласование параметров продукции и/или услуг	Ошибочное представление о ценности потребителя
Признак 4					

Рис. 4. Основные варианты получения и оценки ценности
Fig. 4. Key options for obtaining and evaluating value

Этап обращения потребителя с ценностью			
		Подготовка	Потребление
Высокая Волатильность ценности	Высокая	Формирование прообраза ценности	Вытеснение (замещение) ценности
	Низкая	Требование (подготовка ресурсов для создания ценности)	Создание ценности (переработка ресурсов)

Рис. 5. Цикл получения ценности конечным потребителем
Fig. 5. End-user value cycle

Рис. 6. Процесс оптимизации ценности конечного потребителя
Fig. 6. End-User value optimization process

- неконкретность первоначальной ценности может быть полностью или частично устранена либо самостоятельно ее потребителем посредством идентификации, либо с сопровождением будущего поставщика;
- на этапе получения и обработки требования потребителя ценности возникает проблема формирования потоков продукции и/или услуг, способных данную ценность создать и доставить. В этом случае в зависимости:
 - (а) от новизны ценности для потребителя: известная и новая;
 - (б) от новизны ценности для поставщика: известная и новая — можно использовать четыре основные процедуры: торговую, маркетинговую, технологическую и инновационную (рис. 7);
- процесс оптимизации ценности конечного потребителя продукции и/или услуг носит ярко выраженный циклический характер, что способствует установлению долгосрочных отношений потребителей и поставщиков продукции и/или услуг. Вариантом (компонентом или модулем) процесса оптимизации ценности конечного потребителя (рис. 6) может быть процесс согласования параметров ценности и потоков продукции и/или услуг (ресурсов) (рис. 8).
К особенностям рис. 8 относятся:
- использование основных показателей, характеризующих параметры объектов окружающей среды, включая потоки, в соответствии с содержанием определения «обывателя логистики» или 7 «Right» [20];
- учет того обстоятельства, что требование изначально может не гарантировать приемлемый уровень ценности, что приводит к потерям в цепях с последующей корректировкой количества, качества, затрат и времени, характеризующих объекты управления;
- несоответствия заказанной потребителем продукции и/или услуг и полученной им ценности в дополнение к рис. 2 может быть описано четырьмя основными вариантами, выявленными с помощью следующих классификационных признаков:
 - (а) соответствие заказанной продукции ценности ее потребителя: недостаток и избыток;
 - (б) соответствие полученной потребителем ценности ее прообразу: больше и меньше (рис. 9);
- поскольку «в понятие воспринимаемой ценности заложено понимание того, что ценность в высшей степени индивидуальна для каждого потребителя» [14], необходимо исследовать процесс трансформации ценности одного потребителя продукции и/или услуг при ее освоении другим потребителем с соответствующей

Новизна ценности для потребителя (потоки ценностей)	
Новизна ценности для поставщика (потоки продукции и/или услуг)	Известная
	Новая
Известная	Торговая процедура
	Маркетинговая процедура
Новая	Технологическая процедура
	Инновационная процедура

Рис. 7. Варианты процедур формирования потоков ценностей и продукции и/или услуг
Fig. 7. Options for procedures for shaping value and product flows and/or services

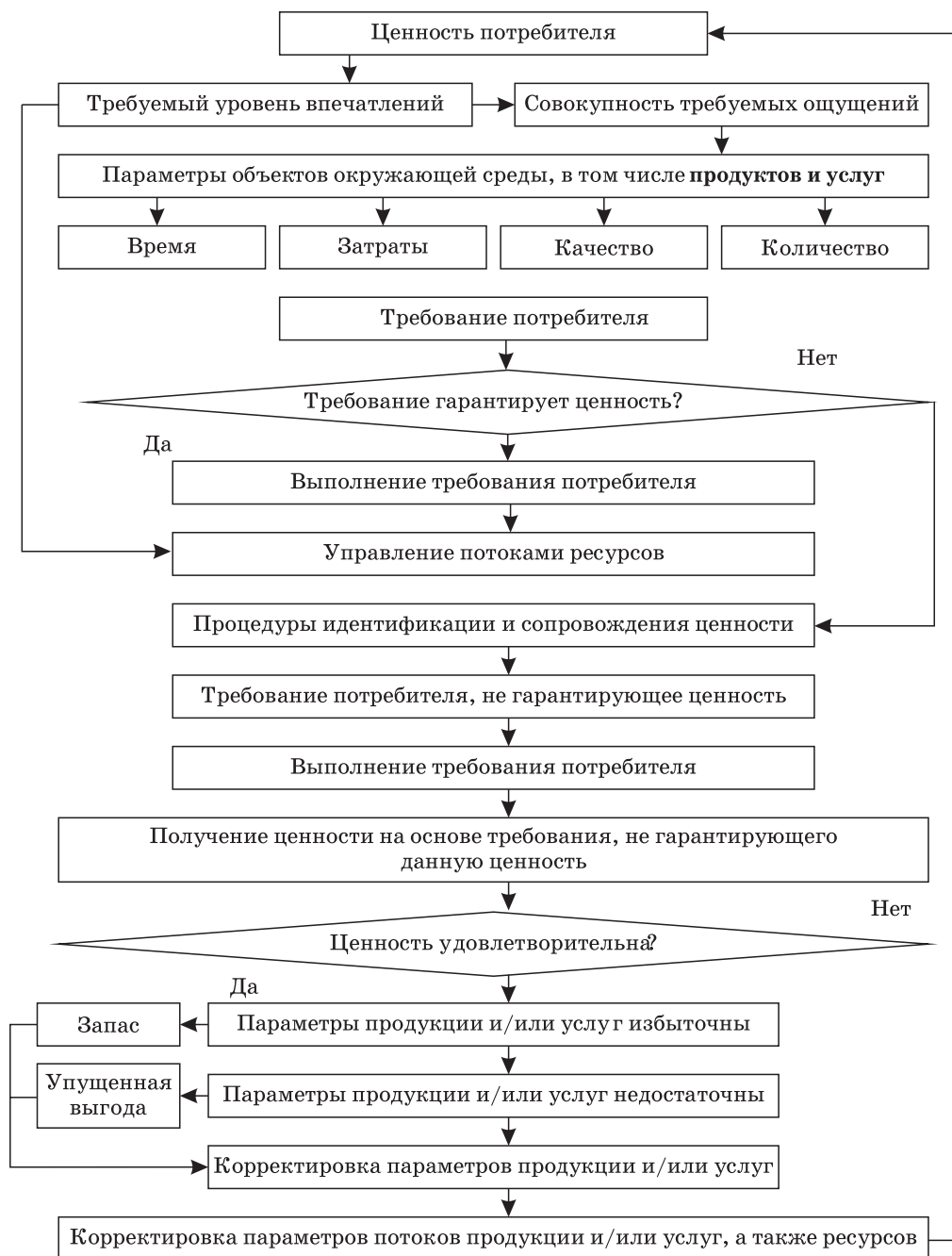

Рис. 8. Процесс согласования параметров ценности и потоков продукции и/или услуг (ресурсов)

Fig. 8. Process of harmonization of parameters of value and flows of products and/or services (resources)

Соответствие заказанной продукции ценности потребителя		
	Недостаток	Избыток
Соответствие полученной ценности ее прообразу	Меньше Отсутствие нужной ценности из-за дефицита продукции (упущенная выгода)	Создание запаса неиспользованной продукции, в том числе неликвидного запаса
	Больше Излишек (переизбыток) ценности, в том числе негативно сказывающийся на впечатлениях и состоянии потребителя	Излишек ценности, негативно сказывающийся на впечатлениях и состоянии потребителя, при одновременном создании запасов

Рис. 9. Варианты результатов несоответствия заказанной потребителем продукции и полученной им ценности
Fig. 9. Variants of results of non-conformity of products ordered by the consumer and value received by the consumer

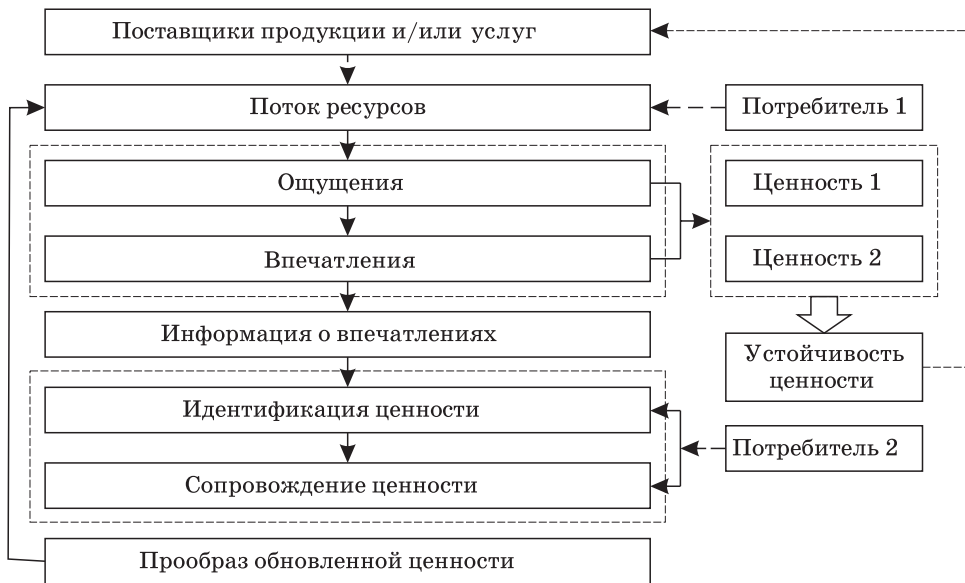

Рис. 10. Процесс распространения и трансформации ценностей
1-го и 2-го конечных потребителей продукции и/или услуг
Fig. 10. The process of spreading and transforming the values of the 1st and 2nd end users of products and/or services

корректировкой данной ценности под его ощущения, впечатления и опыт (рис. 3). Этот аспект исследования отражен на рис. 10.

Особенностями рис. 10 являются:

- использование процедур идентификации и сопровождения ценности как первым, так и вторым потребителем;
- возможность мониторинга и оценки устойчивости данной ценности по мере ее освоения более широкими слоями потребителей.

Обсуждение

Проблема формирования интегральной концепции управления цепями является сложной по следующим причинам:

- несовершенство терминологического аппарата не только управления цепями, но и управления отдельными предприятиями;
- широкое разнообразие количественных параметров и качественных характеристик звеньев цепей, которые могут существенно варьироваться от факторов внешней среды;
- трудности функционирования цепей, каждое звено которых ставит цель максимизации прибыли, что в итоге может снижать прибыль цепи в целом;
- необоснованное, по мнению автора, снижение актуальности управления потоками в цепях, поскольку «в конце 1990-х годов управление цепочками поставок в определенной степени вытеснило термин “логистика”» [19];
- сложность обеспечения устойчивости цепей в рамках реализации концепции устойчивого развития [12; 13; 29].

Главным преимуществом создания интегральной концепции управления цепями является возможность снижения или устранения так называемых межфункциональных барьеров между звеньями данных цепей, возникающих вследствие недостаточного эффективного согласования и выполнения действий, связанных с управлением потоками ценностей, требований, продукции и/или услуг.

В данной статье были исследованы вопросы, касающиеся типовых управленческих ситуаций, связанных с созданием ценностей; основных этапов получения ценности и основных направлений ее оптимизации; а также предпосылок для реализации логистики как концепции управления потоками в цепях различного типа.

Тем не менее полученные автором результаты нуждаются в уточнении и дополнении по таким аспектам, как:

- создание унифицированных определений терминов «управление цепями ценностей» и «управление цепями поставок» для формирования базового определения термина «управление цепями» (англ. — Chain Management);
- уточнение сущности, содержания, причин возникновения и методов снижения барьеров на пути движения потоков. Скорее всего, данные барьеры возникают не только между звеньями цепей как результат их неэффективного взаимодействия, но и между процессами, а также внутри отношений данных звеньев, что недостаточно изучено в настоящее время;
- любая остановка потоков объектов управления может рассматриваться как упущенная выгода звеньев цепей, причем как неизбежная упущенная выгода. Сокращение времени таких остановок является эффективным управленческим мероприятием, обеспечивающим повышение конкурентоспособности данных звеньев. Значительную сложность при этом создает не только необходимость изменения количественных параметров и качественных характеристик потоков, но и их трансформации из одного типа объектов в другие, что не нашло должного отражения в литературных источниках.

Заключение

В ходе исследований были получены следующие результаты, обладающие признаками научной новизны:

1) разработаны последовательности:

- управления потоками при создании ценности конечного потребителя продукции и/или услуг (рис. 1);
- стадий трансформации потоков различного типа (рис. 3);

- 2) предложена классификация управленческих ситуаций, связанных с созданием ценности (рис. 2);
- 3) выявлены основные варианты получения и оценки ценности конечного потребителя продукции и/или услуг (рис. 4);
- 4) предложены процессы:
 - оптимизации ценности конечного потребителя (рис. 6);
 - согласования параметров ценности и потоков продукции и/или услуг (ресурсов) (рис. 8);
 - распространения и трансформации ценностей 1 и 2 конечных потребителей продукции и/или услуг (рис. 10).

Данные результаты при их дальнейшем уточнении позволяют:

- 1) выявить направления взаимодействия поставщиков и потребителей в рамках совместного управления ценностями, требованиями и поставками, снизив тем самым риски неэффективного обслуживания конечных потребителей продукции и/или услуг;
- 2) создать предпосылки для совершенствования терминологии управления цепями поставок и логистики, что позволит уточнить должностные полномочия и функции исполнителей в рамках создания и доставки ценностей их конечным потребителям;
- 3) организовать более эффективное управление потоками в рамках различных концепций управления цепями, устраняя при этом межфункциональные и иные барьеры или снижая их негативное воздействие на ценности конечных потребителей продукции и услуг.

Литература

1. Тяпухин А. П., Тарасенко Е. А. Преобразуемые потоки и ценности в цепях поставок // Мир транспорта. 2017. Т. 15. № 4 (71). С. 128–144.
2. Тяпухин А. П., Коловертнова М. Ю., Шепелевич С. С. Содержание логистического подхода к управлению предприятиями // Менеджмент в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 52–60.
3. Arvidsson A. Ethics and value in customer co-production // Marketing Theory. 2011. N 11 (3). P. 261–278.
4. Ballantyne D., Frow P., Varey R. J., Payne A. Value propositions as communication practice: Taking a wider View // Industrial Marketing Management. 2011. N 40. P. 202–210.
5. Birnbaum R. The Life Cycle of Academic Management Fads // Journal of Higher Education. 2000. N 71 (1). P. 1–16.
6. Blackhurst J., Cantor D., O'Donnell M. Sustainable Supply Chains: A Guide for Small- to Medium-sized Manufacturers. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hbs.edu/faculty/conferences/2015-strategy-research/Documents/Sustainable%20Supply%20Chains.pdf> (accessed: 25.11.2020).
7. Gereffi G. The organization of buyer-driven global commodity chains: How U.S. retailers shape overseas production networks // Commodity Chains and Global Capitalism. Westport : Greenwood Press, 1994. P. 95–122.
8. Gundlach G. T., Bolumole Y. A., Eltantawy R. A., Frankel R. The changing landscape of supply chain management, marketing channels of distribution, logistics and purchasing // Journal of Business & Industrial Marketing. 2006. N 21/7. P. 428–438.
9. Jüttner U., Christopher M., Baker S. Demand chain management-integrating marketing and supply chain management // Industrial Marketing Management. 2007. N 36 (3). P. 377–392.
10. Kurtz D. J., Santos J. L. S., Varvakis G. Uncovering the Knowledge Flows in Supply Chain Relationships // iBusiness. 2012. N 4. P. 326–334.
11. Lancaster K. Socially optimal Product Differentiation // American Economic Review. 1975. N 65(9). P. 567–585.
12. Li Y., Ye H. How to achieve a strategic sustainable supply chain management (SSCM)? // A case study of Swedish Global Enterprise in Wire and Cable Industry — Habia Cable. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:731961/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 25.11.2020).

13. Linton J.D., Klassen R., Jayaraman V. Sustainable supply chains: an introduction // Journal of Operation Management. 2007. N 25 (6). P. 1075–1082.
14. Loanne S.S., Webster C.M. Consumer-to-consumer value within social networks // The Marketing Review. 2014. N 14 (4). P. 447–462.
15. Mihaescu C. Management Concepts Unification and Standardization Using Universal Law of Organization: Scientific Systemic Management // International Journal of Science and Research. 2017. N 6 (8). P. 1807–1811.
16. Oliver R.K., Webber M.D. Supply chain management: logistics catches up with strategy. Logistics — the strategic issues. London : Chapman & Hall, 1982.
17. Porter M.E. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. New York : Free Press, 1985.
18. Potočan V., Nedelko Z., Mulej M. Influence of organizational factors on management tools usage in Slovenian organizations // Engineering Economics. 2012. N 23 (3). P. 291–300.
19. Rogers D. S., Leuschner R. Supply chain management: retrospective and prospective // Journal of Marketing Theory and Practice. 2004. N 12 (4). P. 60–67.
20. Shapiro R.D., Heskett J.L. Logistics Strategy: Cases and Concepts. St Paul, Minnesota : West Publishing, 1985.
21. Sirdeshmukh D., Singh J., Sabol B. Consumer trust, value and loyalty in relational exchanges // Journal of Marketing. 2002. N 66 (1). P. 15–37.
22. Swach M., Dahiy A.S. Knowledge and Utilization of Consumer Education by Rural and Urban Women // Journal of Human Ecology. 2009. N 25 (1). P. 41–44.
23. Taheri B., Coelho F.J., Sousa C.M.P., Evanschitzky H. Mood regulation, customer participation and customer value creation in hospitality services // International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2017. N 29 (12). P. 3063–3081.
24. Vargo S.L., Lusch R.F. Service-dominant logic: Continuing the evolution // Journal of the Academy of Marketing Science. 2008. N 36 (1). P. 1–10.
25. Vollmann T.E., Cordon C., Heikkilä J. Teaching supply chain management to business executives // Production and Operations Management Journal. 2000. N 9 (1). P. 81–90.
26. Vollmann T., Cordon C., Raabe H. From supply chain management to demand chain management // IMD Perspectives for Managers. 1995, November. P. 1–4.
27. Vranesovic T., Vignali C., Vignali D. Consumer perception of perceived value and satisfaction in marketing management // Journal of Food Products Marketing. 2004. N 10 (3). P. 61–89.
28. Woodruff R.B. Customer value: The next source for competitive advantage // Journal of the Academy of Marketing Science. 1997. N 25 (2). P. 139–153.
29. Zhihong W., Joseph S. Investigating the relationship of sustainable supply chain management with corporate financial performance // International Journal of Productivity and Performance Management. 2013. N 62 (8). P. 871–888.

Об авторе:

Тяпухин Алексей Петрович, директор, ведущий научный сотрудник Оренбургского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (Оренбург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; aptyapuhin@mail.ru

References

1. Tyapukhin A.P., Tarasenko E.A. Convertible flows and values in supply chains // World of Transport and Transportation [Mir transporta]. 2017. Vol. 15. N 4 (71). P. 128–144. (In rus).
2. Tyapukhin A.P., Kolovertnova M.Yu., Shepelevich S.S. Content of the logistics approach to enterprises management // Management in Russia and Abroad [Menedzhment v Rossii i za rubezhom]. 2020. N 3. P. 52–60. (In rus).
3. Arvidsson A. Ethics and value in customer co-production // Marketing Theory. 2011. N 11 (3). P. 261–278.
4. Ballantyne D., Frow P., Varey R.J., Payne A. Value propositions as communication practice: Taking a wider View // Industrial Marketing Management. 2011. N 40. P. 202–210.
5. Birnbaum R. The Life Cycle of Academic Management Fads // Journal of Higher Education. 2000. N 71 (1). P. 1–16.
6. Blackhurst J., Cantor D., O'Donnell M. Sustainable Supply Chains: A Guide for Small- to Medium-sized Manufacturers. 2012 [Electronic resource]. URL: <https://www.hbs.edu/faculty/>

conferences/2015-strategy-research/Documents/Sustainable%20Supply%20Chains.pdf (accessed: 25.11.2020).

7. Gereffi G. The organization of buyer-driven global commodity chains: How U.S. retailers shape overseas production networks // *Commodity Chains and Global Capitalism*. Westport : Greenwood Press, 1994. P. 95–122.
8. Gundlach G. T., Bolumole Y. A., Eltantawy R. A., Frankel R. The changing landscape of supply chain management, marketing channels of distribution, logistics and purchasing // *Journal of Business & Industrial Marketing*. 2006. N 21/7. P. 428–438.
9. Jüttner U., Christopher M., Baker S. Demand chain management-integrating marketing and supply chain management // *Industrial Marketing Management*. 2007. N 36 (3). P. 377–392.
10. Kurtz D. J., Santos J. L. S., Varvakis G. Uncovering the Knowledge Flows in Supply Chain Relationships // *iBusiness*. 2012. N 4. P. 326–334.
11. Lancaster K. Socially optimal Product Differentiation // *American Economic Review*. 1975. N 65(9). P. 567–585.
12. Li Y., Ye H. How to achieve a strategic sustainable supply chain management (SSCM)? // A case study of Swedish Global Enterprise in Wire and Cable Industry — Habia Cable. 2014 [Electronic resource]. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:731961/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 25.11.2020).
13. Linton J. D., Klassen R., Jayaraman V. Sustainable supply chains: an introduction // *Journal of Operation Management*. 2007. N 25 (6). P. 1075–1082.
14. Loanne S. S., Webster C. M. Consumer-to-consumer value within social networks // *The Marketing Review*. 2014. N 14 (4). P. 447–462.
15. Mihaescu C. Management Concepts Unification and Standardization Using Universal Law of Organization: Scientific Systemic Management // *International Journal of Science and Research*. 2017. N 6 (8). P. 1807–1811.
16. Oliver R. K., Webber M. D. Supply chain management: logistics catches up with strategy. Logistics — the strategic issues. London : Chapman & Hall, 1982.
17. Porter M. E. *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. New York : Free Press, 1985.
18. Potočan V., Nedelko Z., Mulej M. Influence of organizational factors on management tools usage in Slovenian organizations // *Engineering Economics*. 2012. N 23 (3). P. 291–300.
19. Rogers D. S., Leuschner R. Supply chain management: retrospective and prospective // *Journal of Marketing Theory and Practice*. 2004. N 12 (4). P. 60–67.
20. Shapiro R. D., Heskett J. L. *Logistics Strategy: Cases and Concepts*. St Paul, Minnesota : West Publishing, 1985.
21. Sirdeshmukh D., Singh J., Sabol B. Consumer trust, value and loyalty in relational exchanges // *Journal of Marketing*. 2002. N 66 (1). P. 15–37.
22. Swach M., Dahiy A. S. Knowledge and Utilization of Consumer Education by Rural and Urban Women // *Journal of Human Ecology*. 2009. N 25 (1). P. 41–44.
23. Taheri B., Coelho F. J., Sousa C. M. P., Evanschitzky H. Mood regulation, customer participation and customer value creation in hospitality services // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2017. N 29 (12). P. 3063–3081.
24. Vargo S. L., Lusch R. F. Service-dominant logic: Continuing the evolution // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2008. N 36 (1). P. 1–10.
25. Vollmann T. E., Cordon C., Heikkilä J. Teaching supply chain management to business executives // *Production and Operations Management Journal*. 2000. N 9 (1). P. 81–90.
26. Vollmann T., Cordon C., Raabe H. From supply chain management to demand chain management // *IMD Perspectives for Managers*. 1995, November. P. 1–4.
27. Vranesevic T., Vignali C., Vignali D. Consumer perception of perceived value and satisfaction in marketing management // *Journal of Food Products Marketing*. 2004. N 10 (3). P. 61–89.
28. Woodruff R. B. Customer value: The next source for competitive advantage // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 1997. N 25 (2). P. 139–153.
29. Zhihong W., Joseph S. Investigating the relationship of sustainable supply chain management with corporate financial performance // *International Journal of Productivity and Performance Management*. 2013. N 62 (8). P. 871–888.

About the author:

Alexey P. Tyapukhin, Director, Leading Researcher at the Orenburg branch of the Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Orenburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; aptyapuhin@mail.ru

Проблемное поле современного публичного управления: контент-анализ научных публикаций

Лихтин А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; likhtin-aa@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи выступает характеристика актуальных направлений исследований публичного управления в европейских странах. Методологически статья опирается на контент-анализ ведущих журналов в области исследования теории и практики государственного управления. Журналы, положенные в основу анализа предметной области европейской науки публичного управления, являются теоретико-методологической платформой в области публичного управления, которая служит объединяющей рамкой для ученых и практиков, заинтересованных в управлении государственным сектором. Анализ текущих тенденций и исследований создает фактическую основу для принятия решений, представляется доступным форматом и стимулирует дискуссию. Журналы по публичному управлению в европейских странах представляют собой институциональное целое, не последнюю роль в устойчивой значимости которого играет связка «гипотеза — метод», не позволяющая писать и далее публиковать статьи «пространного» безосновательного характера. Всего было проанализировано 410 статей из шести топовых журналов (1–39 место (Q1) Scimago Journal & Country Rank) за 2017–2020 гг. Анализ статей демонстрирует, что в большинстве своем журналы нацелены на публикацию статей аналитического, методического, теоретического характера по пяти основным тематикам: теоретические и методологические подходы к изучению государственной политики и государственного управления; национальные общественные политические события и процессы; Европейский союз как актор в региональных и международных делах; институты, политика и политические процессы в Европейском союзе и других странах мира; государственная политика взаимодействия Европейского союза и других государств, а также исследования сравнительного характера, связанные с многоплановыми вопросами публичного управления. Практическим результатом статьи является формирование пула гипотез исследования публичного управления, актуальными и для России, — в связке с конкретными методами, позволяющими эти гипотезы тестировать. Рассмотренные статьи отражают устойчивый интерес среди ученых и практиков в понимании проектов, эффективности инструментов государственной политики и факторов организационного уровня, которые позволяют осуществлять ее; раскрывают, каким образом государственная политика воплощает более широкие тенденции в обществе с точки зрения новых регулирующих подходов, инициатив и механизмов.

Ключевые слова: современное государственное управление, журналы по публичному управлению, исследовательская гипотеза, методы исследования

Для цитирования: Лихтин А. А. Проблемное поле современного публичного управления: контент-анализ научных публикаций // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 78–86.

Problems of Contemporary Public Administration: Content Analysis of Scientific Publications

Anatoliy A. Likhtin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; likhtin-aa@ranepa.ru

ABSTRACT

The purpose of this article is to characterize the current trends in public administration research in European countries. Methodologically, the article is based on the content analysis of the

leading journals in the field of research of the theory and practice of public administration in European countries. The journals, which form the basis for the analysis of the subject area of the European science of public administration, are a theoretical and methodological platform in the field of public administration, which serves as a unifying framework for scientists and practitioners interested in the public sector and public sector management. Analysis of current trends and research provides a factual basis for decision-making, presents an accessible format, and encourages discussion. Journals on public administration in European countries are an institutional whole, not the least role in the stable significance of which is played by the «hypothesis — method» bundle, which does not allow writing and further publishing articles of a proveless nature. A total of 410 articles from six top journals (1–39 place (Q1) Scimago Journal & Country Rank) for 2017–2020 were analyzed. The analysis of articles shows that most of the journals are aimed at publishing articles of an analytical, methodological, and theoretical nature on five main topics: theoretical and methodological approaches to the study of public policy and public administration; national public political events and processes; the European Union as an actor in regional and international affairs; institutions, politics, and political processes in the European Union and other countries of the world; state policy of interaction between the European Union and other states, as well as comparative studies related to multidimensional issues of public administration. The practical result of the article is the formation of a pool of hypotheses for the study of public administration in conjunction with specific methods that allow these hypotheses to be tested. The reviewed articles reflect a steady interest among scientists and practitioners in understanding projects, the effectiveness of public policy instruments, and the organizational level factors that make it possible to implement them. They reveal how public policy embodies broader trends in society in terms of new regulatory approaches, initiatives, and mechanisms.

Keywords: contemporary public administration, journals on public administration, research hypothesis, research methods

For citing: Likhtin A. A. Problems of Contemporary Public Administration: Content Analysis of Scientific Publications // Administrative consulting. 2021. N 5. P. 78–86.

Введение

Современная российская практика государственного и муниципального управления в значительной степени обусловлена историческим развитием нашей страны и непосредственным опытом политического лидерства и административного руководства на разных уровнях государственной власти. Одной из ключевых таких особенностей является погруженность в практическую деятельность, поиск решения проблем там и тогда, где они возникают, и отсутствие тесной связи между практикой государственного управления и исследованиями и теориями в данной области [2]. Современные российские журналы по государственному и муниципальному управлению рассматривают многие вопросы: лидерство, элитные группы государственных руководителей, мотивация в государственной службе, ценности, здоровье и профессиональные ориентиры в государственной службе, управление кадрами и трудовые отношения и так далее [4]. За последние годы можно отметить исследования трансформационного лидерства, много работ посвящено государственной правительственной открытости и прозрачности [8], доступности, проблеме экологии и охраны окружающей среды, науке и технологии в правительстве. И все же авторы данных статей не всегда придерживаются правил выдвижения четких гипотез и метода их доказательства или опровержения [1; 4; 10]. Между тем, согласно классическому научному подходу, именно соблюдение связки «гипотеза-метод» формирует пространство научной дисциплины, а также выступает своеобразным мостиком от науки к практике [12; 18]. Другими словами, чтобы рекомендации исследователей были услышаны органами государственной власти, они должны быть обоснованы и последовательны [3; 5; 27].

Примером такого подхода выступают европейские журналы по публичному управлению (public administration). Журналы по публичному управлению в европейских странах представляют собой институциональное целое, не последнюю роль в устойчивой значимости которого играет связка «гипотеза — метод», не позволяющая писать и далее публиковать статьи «пространного» безосновательного характера [25]. Без опоры на данную связку невозможно развитие и самих практических методов государственного управления [15] — фактически, оно сводится в таком случае к контролю, убеждению [8] или административному воздействию.

Рассмотрев и изучив статьи в этих журналах, можно сделать вывод о плодотворных исследованиях, подкрепленными эмпирическими данными. В опубликованных там исследованиях поднимаются вопросы о прогрессивных подходах, проблемах, перспективах науки публичного управления [13]. Данная статья основана на контент-анализе ведущих журналов в области исследования теории и практики государственного управления европейских стран. Журналы, положенные в основу анализа предметной области европейской науки публичного управления, являются по сути платформой в области публичного управления, которая служит как для ученых, так и практиков, заинтересованных в государственном секторе и управления государственным сектором. По сути, различные уровни государственного управления рассматриваются ими как лаборатория (living lab [17]). Анализ текущих тенденций и исследований создает фактическую основу для принятия решений, представляется доступным форматом и стимулирует академическую дискуссию [16].

Методология и результаты исследования

Все журналы, выбранные для анализа (табл. 1), являются международными рецензируемыми журналами, публикующими высококачественные, оригинальные исследования в области государственного и муниципального управления. По данным Scimago Journal & Country Rank, они находятся на 1–39 местах (Q1) по трехлетнему импакт фактору — SJR среди журналов по public administration, и имеют высокий Индекс Хирша, являющийся количественной характеристикой продуктивности журнала. Из каждого журнала брались статьи исследовательского характера за последние три года (2017–2020). Статьи обзорного характера из анализа исключались. Основное требование к статьям состояло в наличии четко сформулированной гипотезы и метода ее проверки. В итоговый список для анализа попало 410 статей из шести журналов.

Целью аналитической процедуры стало нахождение актуальных проблем в сфере государственного управления через призму европейских журналов по публичному управлению. Для достижения цели было необходимо ответить на ряд вопросов, связанных с предметной областью журнала и его основными тематиками; с теоретическими рамками статей; с выдвигаемыми авторами гипотезами и методами их проверки.

Анализ статей демонстрирует, что в большинстве своем журналы нацелены на публикацию статей аналитического, методического, теоретического характера в сфере европейской и мировой публичной политики. В журналах можно найти довольно разноплановые статьи, соответствующие передовым интересам в области государственного управления и социальной политики, но преобладают пять основных тематик:

- теоретические и методологические подходы к изучению государственной политики и государственного управления;
- национальные общественные политические события и процессы;
- Европейский союз как актор в региональных и международных делах;
- институты, политика и политические процессы в Европейском союзе и других странах мира;

Список журналов, включенных в исследование

Table 1. List of journals included in the study

№	Название журнала	Издательство	H-индекс	Охваченное количество статей
1	Public Administration Review	Wiley-Blackwell (Великобритания)	130	72
2	Journal of Public Administration Research and Theory	Oxford University Press (Великобритания)	105	84
3	Journal of European Public Policy	Routledge (Великобритания)	101	70
4	Governance	Wiley-Blackwell (Великобритания)	72	63
5	Policy Sciences	Springer Netherlands (Голландия)	53	60
6	Politics and Governance	Cogitatio Press (Португалия)	13	61
Итого статей: 410				

- государственная политика взаимодействия Европейского союза и других государств, а также исследования сравнительного характера, связанные с многоплановыми вопросами публичного управления.

Наиболее популярными за последние три года стали темы, связанные с мировым и европейским кризисами, интеграцией и процессами, протекающими в рамках работы Евросоюза, а также, безусловно, с тематикой государственной политики в ситуации коронавирусной инфекции. Из 410 проанализированных статей 67 были напрямую связаны с действиями Европейского Парламента и Еврокомиссии, 71 — с интеграцией, в 55 статьях затрагивались проблемы кризиса, 40 статей рассматривали вопросы антиковидной политики. Около 95% статей направлены на исследование проблем Европейского союза и отдельных его членов, а страны, не входящие в ЕС, в основном затрагиваются при сравнении опыта любого характера. В большинстве журналов прослеживается некий баланс между статьями теоретического (около 40%) и эмпирического (около 60%) характера.

Авторы работ, опубликованных в топовых европейских журналах по государственному управлению, выдвигают различные гипотезы, связанные в основном с управленческо-политическими процессами Евросоюза, его внешними связями и эффективностью деятельности; делают предположения, касающиеся работы ведомств европейских государств, коррупции, общественного выбора, экологической политики, лидерства, мотивации государственных служащих, управления кадрами и трудовых отношений, бюджетирования и управления финансами, новых аналитических технологий в правительстве, открытости, доступности и прозрачности публичного управления.

Эти гипотезы, а также методы их проверки составили отдельную часть нашего исследовательского вопроса. Грамотная постановка гипотез в исследованиях по

государственному и муниципальному управлению наблюдается далеко не во всех российских журналах [6; 7; 14], именно поэтому формирование пула гипотез в их связке с методами можно рассматривать как практический результат данной статьи. В табл. 2 вынесены четко обозначенные (выделенные) в статьях гипотезы, которые могут иметь актуальность и для российских исследователей. Стоит отметить, что авторы статей ставят гипотезы, относящиеся не только к государственному управлению, но и социологии и политологии, то есть публичное управление рассматривается как наука междисциплинарная.

Необходимо отметить, что авторы статей предлагают новые теории, занимаются нахождением прямых причинно-следственных связей с уже известной теорией и аналитическим обзором актуальных исследований, используют факторный и кон-

Таблица 2

Гипотезы и методы их проверки
Table 2. Hypotheses and methods for testing them

Гипотеза	Метод
На начальных этапах создания дифференцированной реформы можно разработать логику ее изменения	Метод исследования процесса
Когда чувство единства высоко и есть асимметрия власти, государственное управление продемонстрирует более высокую эффективность. Когда чувство единства высоко и есть симметрия рыночной власти, государственное управление продемонстрирует низкую эффективность	Анализ статистических данных
«Борьба с коррупцией» возрастает, когда правительство склонно к экономическому либерализму. «Борьба с коррупцией» снижается, когда правительство склонно к командной экономике. «Контроль коррупции» возрастает при усилении политических рычагов государства	Анализ статистических данных
Граждане в странах, являющихся чистыми донорами в бюджет, меньше поддерживают дальнейшую интеграцию, чем граждане в государствах-реципиентах	Анализ статистических данных
Чем ниже социально-экономический статус человека, тем сильнее его поддержка интегрированного экономического управления	Анализ статистических данных
Сочетание государственной политики, ее инструментов и задач, и мер, предпринимаемых негосударственными организациями, может оказать положительное влияние на национальные показатели безопасности дорожного движения	Анализ статистических данных
Субнациональные власти, встроенные в систему внутренних межправительственных сетей с государственными структурами, будут в большей степени полагаться на внутригосударственные каналы	Опрос + экспертное интервью
Задержка в согласовании новой программы экономических реформ отражает несостоятельность политических действий	Анализ сроков и последовательности разработки политики

Гипотеза	Метод
Чем больше политических прав у гражданина, тем выше его политическая эффективность	Опрос
Существует значительный разрыв между ожиданиями молодого поколения граждан стран-кредиторов и стран-должников в отношении будущих затрат и выгод финансовой интеграции	Опрос
Региональные представительства с большим количеством ресурсов с большей вероятностью будут искать способы обмена информацией с наднациональными площадками	Экспертные интервью
Кризис создает давление на стабилизацию и фискальную политику	Статистический анализ данных
Партизанское правительство влияет на институциональные реформы государства всеобщего благосостояния значительно сильнее, чем на политические реформы	Сравнительный анализ
Координация в работе Комиссии отображает те же характеристики, что и координация между министерствами в центральных правительствах, т.е. свойства отрицательной координации	Опрос
Как правило, существуют слабые связи в общественном мнении между национальными и личными приоритетами развития	Опрос
Политические деятели имеют тенденцию к увеличению использования харизматической риторики во время кризисных событий, как способу повышения доверия к себе	Опрос
Одним из наиболее распространенных способов, с помощью которых идеи влияют на результаты политики, является содействие строительству политической коалиции	Анализ выдвинутых идей
Интеграционный процесс подтолкнул граждан в большей степени ценить свою национальную идентичность	Опрос
Увеличение открытости экономики приводит к снижению роста расходов	Регрессионный анализ

тент-анализы [20], многоуровневый анализ отношений, социологический анализ индивидуальных и коллективных действий, анализ процессов принятия решений, качественный сравнительный анализ (fsQCA), нарратологические методы и метод исследования процесса, который заключается в пошаговой проверке систематического сопоставления публичных дискурсов в разных странах, проводят систематическое сопоставление публичных дискурсов в разных странах [19]. Основными источниками для получения готового набора данных являются такие статистические ресурсы, как Евростат и Евробарометр. Большое количество работ основано на теориях, вписывающихся в рамки экономики общественного сектора, социологии и др. Авторы используют такие теории, как теории общественного выбора и общественного договора, теория бюрократии Макса Вебера и др., рассматривают си-

стемный и процессный подходы к государственному управлению. Чаще всего авторы опираются на институциональную теорию.

Обсуждение и выводы

Изучая данные из обзора, можно сделать вывод, что европейское научное поле добилось прогресса в решении проблем административного, публичного управления. Проанализированные журналы демонстрируют усиливающееся понимание человеческого поведения в сфере публичного государственного управления, а также трудности, с которыми сталкиваются при попытке влияния на него, и объяснения факторов в поведении. Сегодня — в том числе и в России — возникают новые вызовы и реалии, например: электронное правительство, управление сложными контрактами, пандемический кризис [24; 26]. Новые открывающиеся возможности позволяют изучить проблемы ценностей, поведения и культуры, через призму которых можно выявить новые проблемы и подходы, рассматривать устаревшие предположения и изучать будущие возможности и перспективы [20; 23]. Их грамотная рефлексия в научных статьях представляется определенным залогом успешного внедрения и развития [22].

Рассмотренные статьи отражают устойчивый интерес среди ученых и практиков в понимании проектов, эффективности инструментов государственной политики и факторов организационного уровня, которые позволяют осуществлять ее. Они раскрывают, каким образом государственная политика воплощает более широкие тенденции в обществе с точки зрения новых регулирующих подходов, инициатив и механизмов [11]. Многие ученые отмечают значительный вклад в науку публичного управления с точки зрения увеличения числа исследований с упором на причинно-следственные связи, расширения границ понимания предметного поля науки, которое с методологической точки зрения приблизилось к пониманию нормативных ценностей, поведению человека, а также трудностям, с которыми приходится сталкиваться при влиянии на них. Возникают новые вызовы, новые стремления и научный задел для выявления новых подходов и проблем, при этом не следует забывать рассматривать на первый взгляд устаревшие теории, проводя обширные исследования, ставя предположения и гипотезы для изучения в перспективе.

Литература

1. Атамчук Г. В. Проблемы анализа государственного управления // Публичное и частное право. 2008. № 1. С. 92–102.
2. Балашов А. И., Баркова Т. Н., Васильева Е. А., Тулупьева Т. В., Янцен А. В. Подготовка, написание и защита выпускной квалификационной работы по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление». СПб.: Изд-во Коновалова А. М., 2020.
3. Барабашев А. Г. Особенности подготовки текста исследовательской статьи в области государственного и муниципального управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 1. С. 172–187.
4. Барабашев А. Г., Уткина В. В. Государственное управление в России: основные предметные области и тренды научных исследований // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. № 16. С. 5–15.
5. Глушакова О. В., Вайсбер Я. А. О сущности, содержании и соотношении понятий «государственное управление», «социальное управление», «публичное управление» // Экономика. Менеджмент. Инновации. 2013. № 3. С. 3–9.
6. Демина Н. В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 5–47.
7. Пяткина Л. О., Захаров А. А., Труфанова В. В., Барабашев А. Г. Совершенствование публичного управления в России / отв. ред., науч. ред. А. Г. Барабашев. Вып. 12: Кадровые практики в государственном управлении. М.: Новый хронограф, 2018.

8. Шамахов В. А., Балашов А. И. Стратегия ресурсосбережения: развитие vs распределение (российская повестка) // Управленческое консультирование. 2016. № 6 (90). С. 7–13.
9. Уздяева У. Д. Убеждение как метод государственного управления // Аллея науки. 2017. № 4 (15). С. 618–622.
10. Уткина В. В., Барабашев А. Г. О различии аналитики публичного управления и публичного управления как научного направления // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 47. С. 19–38.
11. Alford J., O'Flynn J. Making Sense of Public Value: Concepts, Critiques and Emergent Meanings // International Journal of Public Administration. 2009. N 32 (3–4). P. 171–191.
12. Alvesson M., Sandberg J. Generating research questions through problematization // Academy of Management Review. 2011. Vol. 36. P. 247–271.
13. Bardach E., Patashnik E. M. A practical guide for policy analysis: The eightfold path to more effective problem solving (5th Edition). CQ Press, Los Angeles, 2016.
14. Chervyakova O. V. The fundamental basis of the «public administration» formation as a scientific field in Ukraine // Public management. 2017. N 4. P. 218–225.
15. Corley E. A., Sabharwal M. Scholarly collaboration and productivity patterns in public administration: analysing recent trends // Public Administration. 2010. N 88 (3). P. 627–648.
16. Davis R. S., Stazyk E. C. Putting the Methodological Cart before the Theoretical Horse? Examining the Application of SEM to Connect Theory and Method in Public Administration Research // Review of Public Personnel Administration. 2017. N 37 (2). P. 202–218.
17. Dekker R., Franco Contreras J., Meijer A. The Living Lab as a Methodology for Public Administration Research: A Systematic Literature Review of its Applications in the Social Sciences // International Journal of Public Administration. 2020. Vol. 43, Iss. 14. P. 1207–1217.
18. Denhardt R. B. The Big Questions of Public Administration Education // Public Administration Review. 2001. N 61 (5). P. 526–534.
19. Eller W. S., Gerber B. J., Robinson S. E. (2018). Public Administration Research Methods: Tools for Evaluation and Evidence-Based Practice. New York : Taylor & Francis Group, Routledge. DOI: 10.4324/9781315163727.
20. Frederickson G. H. A New Era for the Journal of Public Administration Research and Theory // Journal of Public Administration Research and Theory, 2013. Vol. 13, Iss. 1. P. 1–2.
21. Hergüner B. Preparing Future Public Administrators: A Study on the Factors Affecting Cultural Competence of Public Administration Students. Evaluation and Program Planning. Available online 30 January 2021, 101914. DOI: 10.1016/j.evalprogplan.2021. P. 101914.
22. Katz J. S., Martin B. R. What is research collaboration? // Research Policy 1997. N 26. P. 1–18.
23. Kerlinová A., Tomášková E. Approach to Strategy at Public Administration Organizations in the Czech Republic // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 156 (26). P. 88–92.
24. Ketchen D. J., Boyd B. K., Bergh D. D. Research methodology in strategic management: past accomplishments and future challenges // Organizational Research Methods. 2008. N 11 (4). P. 643–658.
25. McCurdy H. E., Cleary R. E. Why can't we resolve the research issue in public administration? // Public Administration Review. 1984. N 44 (1). P. 49–55.
26. Moynihan D. A great schism approaching? Towards a micro and macro public administration // Journal of Behavioral Public Administration. 2018. P. 1–8.
27. Strei G., Slotkin B. J., Rivera M. Public Administration Research from a Practitioner Perspective // Public Administration Review. 2001. Vol. 61. N 5. P. 515–525.

Об авторе:

Лихтин Анатолий Алексеевич, декан факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), действительный государственный советник Санкт-Петербурга 1 класса, кандидат экономических наук; likhtin-aa@ranepa.ru

References

1. Atamanchuk G. V. Problems of analysis of public administration // Public and private law [Publichnoe i chastnoe pravo]. 2008. N 1. P. 92–102. (In rus)
2. Balashov A. I., Barkova T. N., Vasilyeva E. A., Tulupieva T. V., Yantzen A. V. Preparation, writing and presentation of the final qualification work in the field of preparation "State and municipal management." St. Petersburg: Konovalova Publishing House A. M., 2020. (In rus)
3. Barabashev A. G. Features of the preparation of the text of a research article in the field of state and municipal management // Issues of state and municipal management [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2016. N 1. P. 172–187. (In rus)

4. Barabashev A. G., Utkina V. V. State Administration in Russia: the main subject areas and trends of scientific research // University Bulletin (State University of Management) [Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)]. 2014. N 16. P. 5–15. (In rus)
5. Glushakova O. V., Weisber Y. A. On the essence, content and relationship of the concepts of “public administration,” “social management,” “public administration” // Economics. Management. Innovation [Ekonomika. Menedzhment. Innovatsii]. 2013. N 3. P. 3–9. (In rus)
6. Demina N. V. The concept of the ethos of science: Merton and others in search of the social geometry of norms // Sociological journal [Sotsiologicheskii zhurnal]. 2005. N 4. P. 5–47. (In rus)
7. Pyatkina L. O., Zakharov A. A., Trufanova V. V., Barabashev A. G. Improvement of public administration in Russia/ex. ed.: A. G. Barabashev; scientific. ed.: A. G. Barabashev. Iss. 12: Human resources practices in public administration. M.: New chronograph, 2018. (In rus)
8. Shamakhov V. A., Balashov A. I. Resource saving strategy: development vs distribution (Russian agenda) // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2016. N 6 (90). P. 7–13.
9. Uzdyayeva U. D. Conviction as a method of public administration // Alley of Science [Alleya nauki]. 2017. N 4 (15). P. 618–622. (In rus)
10. Utkina V. V., Barabashev A. G. On the difference between the analytics of public administration and public administration as a scientific direction // State administration. Electronic bulletin [Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik]. 2014. N 47. P. 19–38. (In rus)
11. Alford J., O’Flynn J. Making Sense of Public Value: Concepts, Critiques and Emergent Meanings // International Journal of Public Administration. 2009. N 32 (3–4). P. 171–191.
12. Alvesson M., Sandberg J. Generating research questions through problematization // Academy of Management Review. 2011. Vol. 36. P. 247–271.
13. Bardach E., Patashnik E. M. A practical guide for policy analysis: The eightfold path to more effective problem solving (5th Edition). CQ Press, Los Angeles, 2016.
14. Chervyakova O. V. The fundamental basis of the «public administration» formation as a scientific field in Ukraine // Public management. 2017. N 4. P. 218–225.
15. Corley E. A., Sabharwal M. Scholarly collaboration and productivity patterns in public administration: analysing recent trends // Public Administration. 2010. N 88 (3). P. 627–648.
16. Davis R. S., Stazyk E. C. Putting the Methodological Cart before the Theoretical Horse? Examining the Application of SEM to Connect Theory and Method in Public Administration Research // Review of Public Personnel Administration. 2017. N 37 (2). P. 202–218.
17. Dekker R., Franco Contreras J., Meijer A. The Living Lab as a Methodology for Public Administration Research: A Systematic Literature Review of its Applications in the Social Sciences // International Journal of Public Administration. 2020. Vol. 43, Iss. 14. P. 1207–1217.
18. Denhardt R. B. The Big Questions of Public Administration Education // Public Administration Review. 2001. N 61 (5). P. 526–534.
19. Eller W. S., Gerber B. J., Robinson S. E. (2018). Public Administration Research Methods: Tools for Evaluation and Evidence-Based Practice. New York : Taylor & Francis Group, Routledge. DOI: 10.4324/9781315163727.
20. Frederickson G. H. A New Era for the Journal of Public Administration Research and Theory // Journal of Public Administration Research and Theory, 2013. Vol. 13, Iss. 1. P. 1–2.
21. Hergüner B. Preparing Future Public Administrators: A Study on the Factors Affecting Cultural Competence of Public Administration Students. Evaluation and Program Planning. Available online 30 January 2021, 101914. DOI: 10.1016/j.evalprogplan.2021. P. 101914.
22. Katz J. S., Martin B. R. What is research collaboration? // Research Policy 1997. N 26. P. 1–18.
23. Kerlinová A., Tomášková E. Approach to Strategy at Public Administration Organizations in the Czech Republic // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 156 (26). P. 88–92.
24. Ketchen D. J., Boyd B. K., Bergh D. D. Research methodology in strategic management: past accomplishments and future challenges // Organizational Research Methods. 2008. N 11 (4). P. 643–658.
25. McCurdy H. E., Cleary R. E. Why can’t we resolve the research issue in public administration? // Public Administration Review. 1984. N 44 (1). P. 49–55.
26. Moynihan D. A great schism approaching? Towards a micro and macro public administration // Journal of Behavioral Public Administration. 2018. P. 1–8.
27. Strei G., Slotkin B. J., Rivera M. Public Administration Research from a Practitioner Perspective // Public Administration Review. 2001. Vol. 61. N 5. P. 515–525.

About the author:

Anatoliy A. Likhtin, Dean of the Faculty of State and Municipal Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Acting State Councilor of St. Petersburg 1 class, PhD in Economics; likhtin-aa@ranepa.ru

Стратегические направления инновационного и экономического развития Псковской области

Мирославская М. В.¹, Козырев А. А.^{2, *}

¹Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kosyrew@mail.ru

РЕФЕРАТ

Современное развитие экономики Российской Федерации характеризуется несбалансированностью социально-экономического развития регионов, что обусловлено повышением межрегиональной конкуренции, неравномерностью ресурсного обеспечения и другими факторами. Регионы являются компонентами единой социально-экономической и политической системы России, однако каждый из них обладает собственной спецификой. Среди факторов, определяющих специфику региона, выделяются: исторические, природно-климатические, национальные, социальные и хозяйственные. Учитывая все эти факторы, целесообразно проводить выбор средств и методов эффективного управления экономической и социальной системой региона для обеспечения ее устойчивого долгосрочного развития и функционирования. Под влиянием качественно иного уровня развития производительных сил, внедрения инноваций во все жизненные сферы, IT и телекоммуникационных систем, а также развития сетевых форм организации производства, проблема стратегического инновационного и экономического развития приобретает все большее значение.

Ключевые слова: стратегия, социально-экономическое развитие, инновационный потенциал, инфраструктура, конкурентоспособность, региональная экономика

Для цитирования: Мирославская М. В., Козырев А. А. Стратегические направления инновационного и экономического развития Псковской области // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 87–97.

Strategic Directions of Innovative and Economic Development of the Pskov Region

Marianna V. Miroslavskaya¹, Aleksandr A. Kozyrev^{2, *}

¹Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D. F. Ustinov, Saint-Petersburg, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *kosyrew@mail.ru

ABSTRACT

The modern development of the economy of the Russian Federation is characterized by an imbalance in the socio-economic development of the regions, which is due to the increased interregional competition, uneven resource provision, investment history, etc. Regions are components of the unified socio-economic and political system of Russia, but each of them has its specifics. Among the factors that determine the specifics of the region stand out: historical, climatic, national, social, and economic. Taking into account all these factors, the choice of means and methods of effective management of the socio-economic system of the region should be made to ensure its sustainable long-term development and functioning. In recent years, under the influence of a qualitatively different level of development of the productive forces, the introduction of innovations in all spheres of life, IT and telecommunication systems, as well as the development of network forms of organizing production, the problem has taken on new forms.

Keywords: strategy, socio-economic development, innovation potential, infrastructure, competitiveness, regional economy

For citing: Miroslavskaya M. V., Kozyrev A. A. Strategic Directions of Innovative and Economic Development of the Pskov Region // Administrative consulting. 2021. N 5. P. 87–97.

Введение

Для анализа и прогнозирования экономического благополучия субъектов особенно важно учитывать региональные особенности каждого региона: от исторического и культурного до социально-экономического. Поэтому государственная региональная политика в Российской Федерации должна учитывать вопросы территориально сбалансированного развития неравновесных субъектов РФ и комплексного совершенствования каждого отдельного региона¹. Данные вопросы должны рассматриваться в контексте проблематики оценки качества управления процессами трансформации [15], влияния на различные отрасли отечественной экономики [21], в том числе металлургической [22], влияния цифровизации на приумножение потенциала региона [25], возможности применения современных цифровых технологий для решения актуальных экологических проблем [31], на инновационное развитие высокотехнологичных предприятий [30], инновационное развитие регионов [23].

Стратегирование социально-экономического развития имеет основательную методологическую базу, составленную из работ В.Л. Квинта, за которые академик удостоен научного признания [11] и присуждения звания Лауреата премии имени М.В. Ломоносова I степени [10]. Научные труды академика посвящены стратегическим аспектам глобального формирующегося рынка [28], качества [8] и качества жизни [29], регионального [7] и государственного развития [5].

Совершенствуя стратегические направления регионального развития Псковской области, необходимо следовать методологии стратегирования, согласно которой «стратегии срединного уровня... должны реализовывать стратегии более высокой... страты... иметь значительное воздействие на формирование стратегий объектов стратегирования более низкого уровня» [6].

Материалы и методы

Региональная специализация представляет собой преимущественное развитие любого вида производства с учетом наиболее эффективного использования благоприятных экономических условий региона с целью получения сравнительных и абсолютных преимуществ². На примере Псковской области проведем анализ сдерживающих факторов в области экономического и инновационного развития территорий. Уже сегодня в области действуют особые условия ведения экономической деятельности на территории двух муниципальных образований — Псковский район, где создана ОЭЗ ППТ «Моглино», и ГП «Печоры», получивший в 2019 г. статус моногорода. Приоритетные направления развития — производство железнодорожного, коммунального, сельскохозяйственного оборудования, электротехники и электроники, строительных материалов, железнодорожного оборудования, производство и переработка полимеров, а также развитие логистического кластера. При этом в полной мере реализовать имеющийся потенциал данным площадкам мешают факторы пространственного развития области.

Перечислим проблемы пространственного развития Псковской области [12].

1. Сокращение городского и сельского населения. За период 2010–2019 гг. абсолютное сокращение численности населения составило 47,3 тыс. чел. (7,6%). При этом городское население сократилось больше, чем сельское — соответственно на 28,8 тыс. и 18,5 тыс. чел. Однако, несмотря на сокращение населения, нель-

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (ч. I), ст. 3378.

² Распоряжение Правительства РФ от 08.04.2020 № 926-р «Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Псковской области на 2020–2024 годы» / Собр. законодательства РФ. 20.04.2020. № 16, ст. 2627.

зя не подчеркнуть концентрацию населения (город Псков вырос на 5,9 тыс. чел., или 2,9%), при этом население Псковского муниципального района увеличилось на 8,0 тыс. чел. (123,4%).

2. Концентрация экономической активности и населения происходит только в Пскове и Великих Луках.
 3. Наибольший миграционный отток населения из Псковской области в 2011–2019 гг. происходил в Санкт-Петербург и Ленинградскую область, в Москву и Московскую область.
 4. Развитие процессов «обезлюдивания» сельской местности и развитие «отходничества» среди трудоспособного населения.
 5. Значительные диспропорции в уровне социально-экономического развития муниципальных образований, например, по обеспеченности жилфондом 2,8 раза (22 м² в Печорском районе — 61,2 м²/чел. в Плюсском районе); по розничному товарообороту на душу населения 4,2 раза (32,7 тыс. руб. в Великолукском районе — 136,0 тыс. руб. в Себежском районе).
 6. Значительные диспропорции в уровне развития транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры, например, обеспеченность врачами (8–68 специалистов на 10 000 населения). Причем максимальная обеспеченность приходится на г. Псков.
 7. Туристско-рекреационный потенциал региона не используется в полной мере. Так, в 2019 г. регион посетили 426,9 тыс. чел. (40,7% от потенциально возможного потока в 1050 тыс. чел.).
 8. Приграничный и транзитный потенциал территории не использован в должной степени.
 9. Качество городской среды не высоко, поскольку 10 из 14 городов Псковской области имеют неблагоприятную городскую среду. Благоприятной признана городская среда Пскова, Великих Лук.
- Развитие Псковской области тормозится рядом внутренних факторов.

Сокращение численности населения Псковской области

Численность населения Псковской области уменьшается последние три десятилетия, прежде всего, за счет убыли населения¹. Так, в период с 1990 по 2019 гг. в области умерло на 243 тыс. чел. больше, чем родилось. Под влиянием демографической политики темпы сокращения численности населения уменьшились из-за роста рождаемости и положительного миграционного притока.

Сокращение населения привело также к снижению абсолютных значений плотности населения во всех муниципальных образованиях области. Наиболее высокие плотности наблюдаются в Печорском, Островском и Псковском районах, граничащих с Псковом. За период 2002–2019 гг. произошло сокращение населения городских и сельских населенных пунктов².

Недостаток квалифицированных кадров

По доле работников с уровнем образования выше среднего Псковская область существенно отличается от среднероссийского показателя, причем доля работников, окончивших вузы, составляет 24,8%³.

¹ О мерах государственной поддержки инновационной деятельности на территории Псковской области // Российский Правовой Портал [Электронный ресурс]. URL: <https://ipravo.info/pskov1/act/034.htm> (дата обращения: 17.05.2020).

² Закон Псковской области от 06.10.2015 № 1570-ОЗ «О стратегическом планировании на уровне Псковской области» // Официальный интернет-портал правовой информации.

³ Распоряжение Администрации Псковской области от 10.12.2020 № 670-р «О стратегии социально-экономического развития Псковской области до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: https://pskov.ru/sites/default/files/documents/2020/299d_0.docx (дата обращения: 20.12.2020).

Низкий уровень оплаты труда

Уровень среднедушевых денежных доходов населения рос на протяжении последних 5 лет и в 2019 г. составил 28 429 руб. (рис. 1).

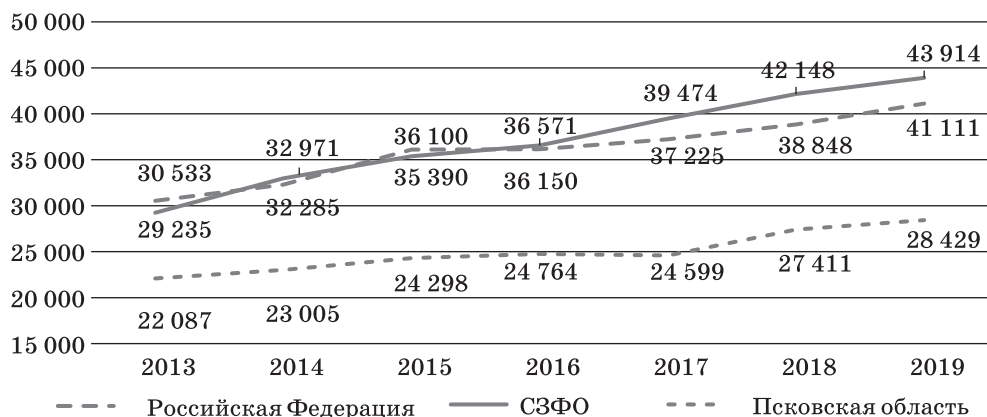

Рис. 1. Среднедушевые денежные доходы, руб.

Fig. 1. Average per capita cash income, RUB

Источник: Федеральная служба государственной статистики // Официальный сайт Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

В 2019 г. в России наблюдалось увеличение уровня оплаты труда, в то время, как в Псковской области данный показатель снизился (95,7% к уровню 2012 г.). Уровень бедности в области выше среднего по стране и самый высокий в СЗФО (рис. 2).

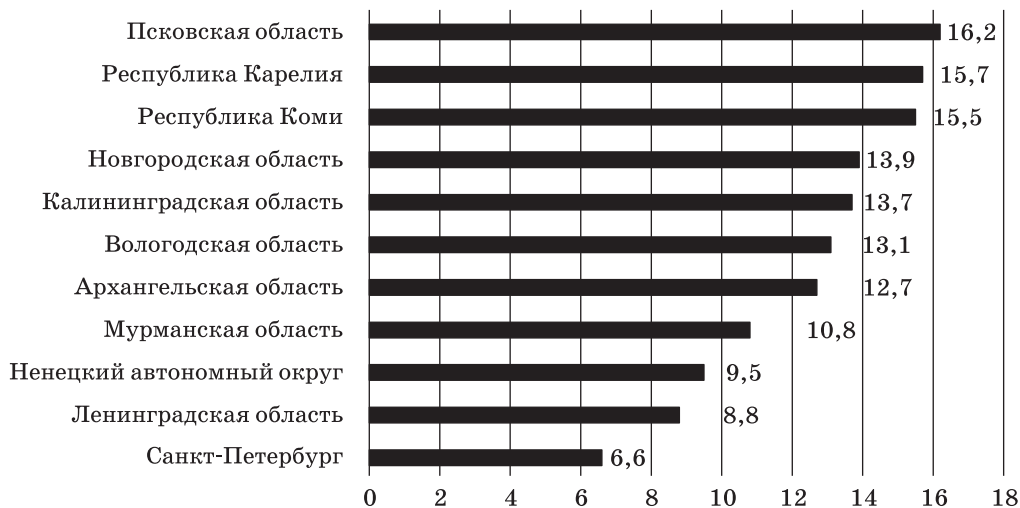

Рис. 2. Доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума в общей численности населения

Fig. 2. Share of the population with monetary incomes below the regional subsistence minimum in the total population

Источник: Федеральная служба государственной статистики // Официальный сайт Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

Внешние факторы, ограничивающие развитие Псковской области, таковы.

Недостаток финансирования инфраструктурных проектов

В 2019 г. объем субсидий составил 4,1 тыс. руб. на душу населения. Отмечается, что диспропорции бюджетной обеспеченности нуждаются в коррекции [19].

Санкционные ограничения развития экспорта

Санкционные ограничения не позволяют сельскохозяйственным предприятиям Псковской области выйти на зарубежные рынки, даже несмотря на существенное ослабление курса рубля. Считается, что установленные санкционные режимы создают возможности для развития предприятий [14].

Миграционный отток населения

В 1990-е годы Псковская область имела миграционный прирост, как в результате международной, так и внутрироссийской миграции. С 2004 г. население пополнялось только за счет международной миграции¹. За 2011–2019 гг. Псковская область за счет миграционных процессов потеряла 7,7 тыс. чел. По данным статистики, 13,3 тыс. чел. — наибольший миграционный отток населения идет в Санкт-Петербург и Ленинградскую область².

Результаты и обсуждение

Приоритетными отраслями экономики Псковской области с учетом их значимого вклада в структуру ВРП являются: обрабатывающая промышленность, агропромышленный комплекс и недропользование, транспорт и логистика, торговля и сфера услуг. Считается, что именно данные отрасли должны обеспечить реализацию в стратегической перспективе инновационного сценария развития³. Стратегической целью для приоритетных отраслей экономики Псковской области является «опережающее технологическое развитие, достигаемое созданием преференций для инновационной деятельности, инвестиций и формированием благоприятной среды для ведения бизнеса»⁴.

Поставленная цель достигается выполнением следующих задач экономического развития региона: «повышение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности по направлениям экономической специализации региона... вовлечение малого бизнеса в общероссийские и международные торговые связи, развитие качества и доступности потребительских сервисов... модернизация дорожно-транспортной инфраструктуры региона»⁵.

¹ О мерах государственной поддержки инновационной деятельности на территории Псковской области // Российский Правовой Портал. <https://ipravo.info/pskov1/act/034.htm>. (дата обращения: 17.05.2020).

² Справка об экономическом, промышленном, инвестиционном и туристическом потенциале Псковской области // Информпортал. — URL: <http://h.120-bal.ru/geografiya/27976/index.html>. (дата обращения: 11.07.2020).

³ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 31.08.2019) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 23.06.2020).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 08.04.2020 № 926-р «Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Псковской области на 2020–2024 годы» / Собр. законодательства РФ. 20.04.2020. № 16, ст. 2627.

⁵ Распоряжение Администрации Псковской области от 10.12.2020 № 670-р «О стратегии социально-экономического развития Псковской области до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: https://pskov.ru/sites/default/files/documents/2020/299d_0.docx (дата обращения: 20.12.2020).

Еще одним стратегическим направлением реализации инновационного потенциала региона может стать поддержка и развитие структур наукоемкого бизнеса. Исследования показывают, что одной из них является «технологический бизнес-инкубатор» субъектов малого предпринимательства [3]. Поддержка субъектов малого предпринимательства представляет собой стратегически важное направление деятельности [27], приобретающее особое значение в период кризисных явлений [12].

Ориентируясь на положительный опыт Санкт-Петербурга, где «доля инновационной продукции... должна возрасти к 2030 г. до 30%»¹, возможно предположить вклад в увеличение доли такой продукции со стороны формируемых инновационных кластеров и инновационной инфраструктуры. Однако ряд исследователей настроены пессимистично, указывая на «неэффективную финансовую поддержку инновационного предпринимательства» [14].

Ключевые инструменты формирования инновационной инфраструктуры развития транспорта и логистики региона представлены на рис. 3.

Оценка инновационной активности, в том числе на региональном уровне, требует проведения комплексного анализа [20]. К числу факторов, препятствующих инновациям, относится «низкий инновационный потенциал, определяемый слабым уровнем развития исследовательской базы» [18].

Закон устанавливает ряд финансовых и нефинансовых стимулов развития инновационной деятельности на территории области. К ключевым необходимо отнести налоговые льготы, представленные на рис. 4.

С целью расширения прослойки инновационно активных предприятий на территории Псковской области потребуются обновление Закона Псковской области от 12.05.2016 № 1665-ОЗ «О мерах государственной поддержки инновационной деятельности на территории Псковской области». Постановка приоритета на опережающее инновационное развитие базовых отраслей экономики Псковской области с формированием высокотехнологичных компаний, действующих в привлекательных для ведения бизнеса условиях и комфортной среде для работы и проживания квалифицированных специалистов, может быть реализована в том числе посредством применения кластерного подхода и механизмов специализации при поддержке научно-технологического развития отраслевых комплексов².

Пространственное развитие Псковской области в долгосрочной перспективе обеспечит формирование региональных и межрегиональных точек роста экономики, вовлечение в хозяйственный оборот туристско-рекреационного потенциала и объектов историко-культурного наследия, оптимизацию системы сельского расселения населения, оптимизацию социальной, транспортной и инженерной инфраструктур [4].

Представляется необходимым провести синхронизацию действующих документов стратегического и территориального планирования всех уровней управления; реализовать проекты развития и формирования точек роста экономики межрегионального значения (Псков), регионального значения (Порхов — Дедовичи — Дно); реализовать проекты развития всех видов инфраструктурного — транспортного, инженерного и социального обеспечения, предусмотренных в стратегических документах Псковской области. Реализация перечисленных проектов будет способствовать созданию на территории Псковской области экосистем. Экосистемы обретают свойства цифровых,

¹ Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 30 июня 2014 г. № 551 «О государственной программе Санкт-Петербурга «Экономическое и социальное развитие территории Санкт-Петербурга» на 2015–2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/22936013/> (дата обращения: 20.12.2020).

² О мерах государственной поддержки инновационной деятельности на территории Псковской области // Российский Правовой Портал [Электронный ресурс]. URL: <https://ipravo.info/pskov1/act/034.htm> (дата обращения: 17.05.2020).

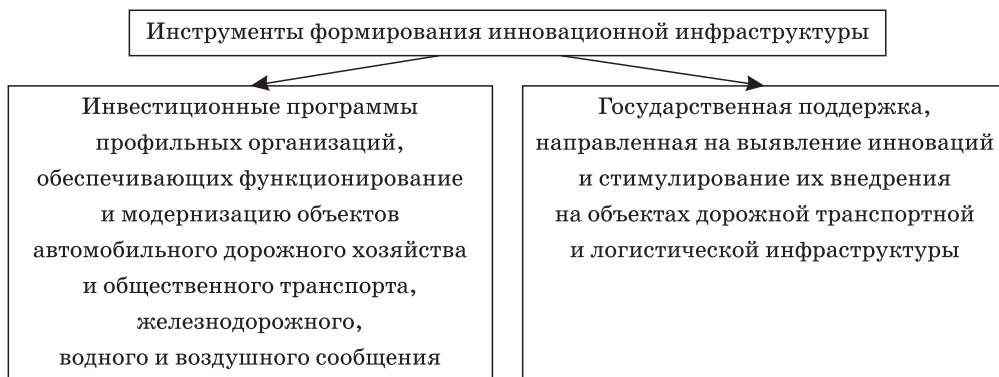

Рис. 3. Направления формирования инновационной инфраструктуры
Fig. 3. Innovative Infrastructure Development Directions

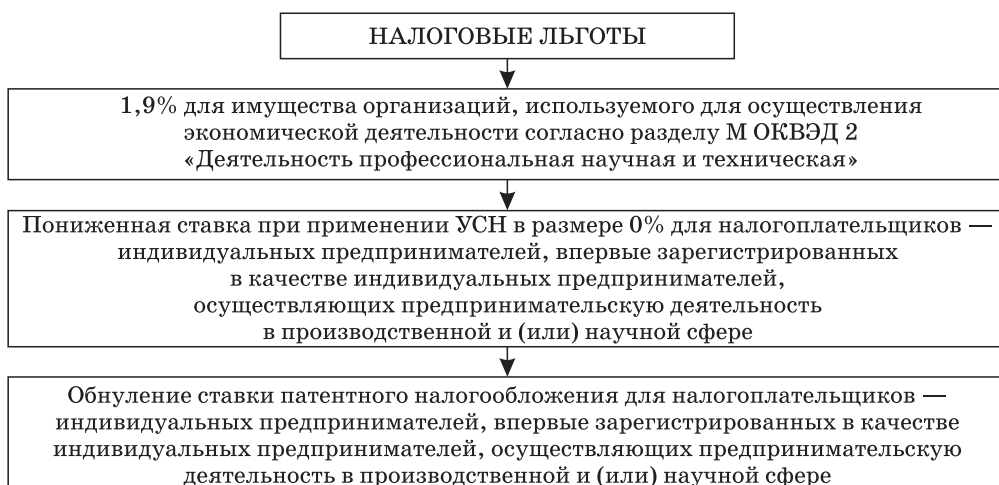

Рис. 4. Налоговые льготы
Fig. 4. Tax incentives

когда их взаимозависимости стимулируются цифровыми технологиями и связанными с ними связями данных. Создание эффективной экосистемы для Псковской области должно происходить на базе внедрения цифровых технологий.

Еще одним стратегическим направлением инновационного и экономического развития Псковской области должна стать цифровизация. В последние десятилетия становится очевидным возрастающая роль информационных систем во всех областях человеческой деятельности. Информационные технологии позволяют создавать правительствам экономичные и эффективные системы государственных служб [9]. Цифровизация рассматривается авторами как часть любой эффективной экосистемы [24]. В некоторых исследованиях [32] указано, что в современном меняющемся мире необходимо внедрение цифровых технологий в финансовую сферу [2], а также во все области жизни общества. Однако авторами указывается на существование вызовов и угроз, связанных с цифровизацией общества [19]. Кроме

того, обращается особое внимание на необходимость избегать так называемой «цифровой эйфории» и важность «постоянной постановки решений, принимаемых на основе «хороших» технологий, перед судом тех ценностей, с которыми связано духовное достоинство человека» [1]. Цифровизация порождает возникновение «информационного человека» [16] и является вызовом для многих предприятий [17]. Цифровизация оказывает существенное влияние на эффективность труда, мотивацию и конкурентоспособность [26].

Региону необходимо в полной мере реализовать научно-исследовательский и образовательный потенциал Псковского государственного университета. Требуется обеспечить связь научно-исследовательской активности с инновационными производственными предприятиями области. Важным компонентом здесь станет формирующаяся инновационная инфраструктура университета. Достройка инновационной архитектуры Псковского государственного университета и других образовательных организаций позволит преодолеть низкую эффективность основных отраслей экономики Псковской области, будет способствовать привлечению в регион квалифицированных кадров и в целом способствовать повышению инвестиционной привлекательности.

Заключение

Реализуемая «Стратегия социально-экономического развития Псковской области до 2035 года» призвана формировать «систему долгосрочных целей, важнейшие направления деятельности, приоритеты социально-экономической политики Администрации Псковской области и механизмы достижения намеченных целей»¹. Миссия Псковской области основана на ее историческом прошлом. Существенным конкурентным преимуществом области является значительное количество историко-культурных памятников, иных объектов туристической привлекательности, как федерального и регионального значения. В свете введения с 2021 г. однократных краткосрочных электронных виз на всей территории России, ключевым приоритетом развития Псковской области мог бы стать туризм. Для этого на территории региона должна возникнуть сеть туристических кластеров, охватывающих все популярные туристические дестинации.

Важным стратегическим направлением инновационного и экономического развития Псковской области должна стать цифровизация. Стратегически важным представляется также проведение синхронизации действующих документов стратегического и территориального планирования всех уровней управления, реализация проектов развития и формирования точек роста экономики; осуществление намеченных инфраструктурных проектов, в том числе наукоемких и образовательных.

Литература

1. Александров В. Б. Идея цифрового государства перед лицом русской культурной традиции понимания смысла государственной власти // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 16–21.
2. Байдукова Н. В., Бусько А. А., Горулев Д. А. и др. Инновации финансового рынка в условиях цифровой экономики: монография. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. 220 с.
3. Борисов А. В., Козырев А. А. Наукоемкий бизнес как конкурентное преимущество региона // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2014. Т. 5. № 2 (14). С. 75–82.

¹ Распоряжение Администрации Псковской области от 10.12.2020 № 670-р «О стратегии социально-экономического развития Псковской области до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: https://pskov.ru/sites/default/files/documents/2020/299d_0.docx (дата обращения: 20.12.2020).

4. Дамдинова Ч.Б. Подходы к определению категории «Региональные социально-экономические системы» // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 2. С. 32–37.
5. Ивантер В.В., Квинт В.Л., Фелпс Э. и др. Как будет развиваться экономика России? // Инновации. 2013. № 1 (171). С. 3–12.
6. Квинт В.Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика в промышленности. 2020. № 3. С. 290–299.
7. Квинт В.Л. Управление научно-техническим прогрессом: региональный аспект. М. : Наука, 1986. 216 с.
8. Квинт В.Л., Окрепилов В.В. Роль качества в зарождении и развитии глобального формирующегося рынка. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2011. 46 с.
9. Козырев А.А. Информатика. СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. 511 с.
10. Козырев А.А. Исследуя методологические основы стратегирования социально-экономического развития // Экономика в промышленности. 2020. Т. 13. № 4. С. 434–447.
11. Козырев А.А. Стратегия на перспективу // Управленческое консультирование. 2016. № 1. С. 94–95.
12. Козырева Е.Д. Методологические основы поддержки малого бизнеса в период кризисных явлений. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2020. 100 с.
13. Кузнецова М.Н. Обеспечение устойчивого сбалансированного развития региона на основе повышения качества человеческого капитала: дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Гатчина, 2014. 181 с.
14. Макаров А.Д., Смешко О.Г., Шматко А.Д. К вопросу об обеспечении роста инновационного сектора экономики России // Экономика и управление. 2015. № 8 (118). С. 15–18.
15. Малышкина М.В., Мирославская М.В. Проблематика оценки качества управления процессами трансформации экономических систем // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 9. С. 952–956.
16. Новикова И.В. Гибкая занятость как форма реализации способности к труду «информационного человека» // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2016. № 2(136). С. 70–76.
17. Новикова И.В. Стратегическое управление трудовыми ресурсами предприятия в индустрии 4.0 // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 181–184.
18. Фролова М.А. Управление инновационным развитием строительных организаций : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2012. 18 с.
19. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.
20. Цацулин А.Н., Бабкин А.В. Экономический анализ комплексной инновационной активности: сущность и подходы // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2012. № 4 (151). С. 132–144.
21. Baklanovskaya D., Gogvadze M., Shamina L. Development strategies of modern enterprises: a study on Russian metallurgical industry. E3S Web of Conferences. 2019. 124, 05087.
22. Baklanovskaya D., Gogvadze M., Shmatko A. Key performance indicators of major companies: A study on Russian metallurgical industry E3S Web of Conferences. 2019. 124, 05086.
23. Barykin S., Shamina L. The logistics approach to perspectives for the digital technologies in Russia IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. 918 (1), 012187.
24. Burke B. Repertoires of Remembering: A Conceptual Approach for Studying Memory Practices in the Digital Ecosystem. Journal of Communication Inquiry. 2019. P. 44.
25. Frolova V., Shamina L. An insurance fund as a tool for preserving and accruing the innovative and environmental potentials of economic systems // E3S Web of Conferences. 2020. 161, 01009.
26. Kozыrev A. A. Work and Competition in the Digital Age. SPb. : Strata, 2019. 130 p.
27. Kozырева E. D. Small Business in Uncertainty. SPb. : NWIM RANEPa, 2020. 96 p.
28. Kvint V. L. The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. Routledge. NY, 2009.
29. Kvint V. L., Okrepilov V. V. Quality of life and values in national development strategies // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2014. Т. 84. N 3. P. 188–200.
30. Shamina L., Borisova I. Time-based management concept on the basis of the organizational-managerial innovations in a logistic company. MATEC Web of Conferences. 2018. Vol. 239. P. 03012.

31. *Shamina L., Syrneva E., Kulachinskaya A.* Possibilities of applying modern digital technologies to solve current environmental issues ACM International Conference Proceeding Series, 2020.
32. *Shmatko A., Yanovskiy V., Shamina L.* Adaptability as a Tool for Managing an Enterprise in a Turbulent External Environment // *Advanced Science Letters*. Vol. 24, N 9, September 2018. P. 6323–6325.
33. *Subramaniam M.* Digital ecosystems and their implications for competitive strategy. *J Org Design*. 2020. 9, 12.

Об авторах:

Мирославская Марианна Владимировна, доцент Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург, Российская Федерация); miroslavskaya_mv@voenmeh.ru

Козырев Александр Александрович, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; kosyrew@mail.ru

References

1. Aleksandrov V.B. The idea of a digital state in the face of the Russian cultural tradition of Understanding the Meaning of state power // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2020. N 2. P. 16–21. (In rus)
2. Baidukova N.V., Busko A.A., Gorulev D.A. et al. Innovations of the financial market in the digital economy: monograph. SPb. : SPbGEU Publishing House, 2018. 220 p. (In rus)
3. Borisov A.V., Kozыrev A.A. Knowledge-Intensive business as a competitive advantage of the region // Scientific works of the North-West Institute of management of RANEPa [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]. 2014. Vol. 5 N 2 (14). P. 75–82. (In rus)
4. Damdinov C.B. Approaches to defining the category of “Regional socio-economic system” // *Bulletin of the Buryat State University [Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta]*. 2009. N 2. P. 32–37. (In rus)
5. Ivanter V.V., Kvint V.L., Phelps E. et al. How will the Russian economy develop? // *Innovations [Innovatsii]*. 2013. N 1 (171). P. 3–12. (In rus)
6. Kvint V.L. Theoretical foundations and methodology of strategizing Kuzbass as the most important industrial region of Russia // *Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]*. 2020. N 3. P. 290–299. (In rus)
7. Kvint V.L. Management of scientific and technical progress: regional aspect. Moscow: Nauka, 1986. 216 p. (In rus)
8. Kvint V.L., Okrepilov V.V. The role of quality in the origin and development of the global emerging market. SPb. : Publishing House of the St. Petersburg University of Management and Economics, 2011. 46 p. (In rus)
9. Kozыrev A.A. *Informatika*. SPb. : Mikhailov V.A. Publishing House, 2002. 511 p. (In rus)
10. Kozыrev A.A. Exploring the methodological foundations of strategizing socio-economic development // *Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]*. 2020. Vol. 13. N 4. P. 434–447. (In rus)
11. Kozыrev A.A. Strategy for the future // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2016. N 1. P. 94–95. (In rus)
12. Kozыreva E.D. Methodological foundations of small business support in the period of crisis phenomena. Saint Petersburg: SZIU RANEPa, 2020. 100 p. (In rus)
13. Kuznetsova M.N. Ensuring sustainable balanced development of the region on the basis of improving the quality of human capital: dissertation : 08.00.05. Gatchina, 2014. 181 p. (In rus)
14. Makarov A.D., Smeshko O.G., Shmatko A.D. On the issue of ensuring the growth of the innovative sector of the Russian economy // *Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]*. 2015. N 8 (118). P. 15–18. (In rus)
15. Malyshkina M.V., Miroslavskaya M.V. Problems of assessing the quality of management of transformation processes in economic systems // *Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]*. 2020. Vol. 26. N 9. P. 952–956. (In rus)
16. Novikova I.V. Flexible employment as a form of realization of the ability to work “information man” // *Bulletin of the Samara State University of Economics [Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]*. 2016. N 2 (136). P. 70–76. (In rus)

17. Novikova I.V. Strategic management of the enterprise's labor resources in industry 4.0 // Economic Revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2019. N 3 (61). P. 181–184. (In rus)
18. Frolova M.A. Management of innovative development of construction organizations: Dissertation abstract. Moscow, 2012. 18 p. (In rus)
19. Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2018. N 10. P. 46–63. (In rus)
20. Tsatsulin A.N., Babkin A.V. Economic analysis of complex innovative activity: essence and approaches // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics [Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politechnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki]. 2012. N 4 (151). P. 132–144. (In rus)
21. Baklanovskaya D., Gogvadze M., Shamina L. Development strategies of modern enterprises: a study on Russian metallurgical industry. E3S Web of Conferences. 2019. 124, 05087.
22. Baklanovskaya D., Gogvadze M., Shmatko A. Key performance indicators of major companies: A study on Russian metallurgical industry E3S Web of Conferences. 2019. 124, 05086.
23. Barykin S., Shamina L. The logistics approach to perspectives for the digital technologies in Russia IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. 918 (1), 012187.
24. Burkey B. Repertoires of Remembering: A Conceptual Approach for Studying Memory Practices in the Digital Ecosystem. Journal of Communication Inquiry. 2019. P. 44.
25. Frolova V., Shamina L. An insurance fund as a tool for preserving and accruing the innovative and environmental potentials of economic systems // E3S Web of Conferences. 2020. 161, 01009.
26. Kozyrev A.A. Work and Competition in the Digital Age. SPb. : Strata, 2019. 130 p.
27. Kozyreva E.D. Small Business in Uncertainty. SPb. : NWIM RANEPa, 2020. 96 p.
28. Kvint V.L. The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. Routledge. NY, 2009.
29. Kvint V.L., Okrepilov V.V. Quality of life and values in national development strategies // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2014. T. 84. N 3. P. 188–200.
30. Shamina L., Borisova I. Time-based management concept on the basis of the organizational-managerial innovations in a logistic company. MATEC Web of Conferences. 2018. Vol. 239. P. 03012.
31. Shamina L., Syrneva E., Kulachinskaya A. Possibilities of applying modern digital technologies to solve current environmental issues ACM International Conference Proceeding Series, 2020.
32. Shmatko A., Yanovskiy V., Shamina L. Adaptability as a Tool for Managing an Enterprise in a Turbulent External Environment // Advanced Science Letters. Vol. 24, N 9, September 2018. P. 6323–6325.
33. Subramaniam M. Digital ecosystems and their implications for competitive strategy. J Org Design. 2020. 9, 12.

About the authors:

Marianna V. Miroslavskaya, Associate Professor of the Department of Organization Management, Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; miroslavskaya_mv@voenmeh.ru

Aleksandr A. Kozyrev, Associate Professor of the Chair of Management of North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor, kosyrew@mail.ru

Влияние цифровизации на трансформацию методологии публичного управления*

Зотов В. В.^{1, 2}, Василенко Л. А.³, *

¹Московский физико-технический институт (научно-исследовательский университет), Курский филиал, Курск, Российская Федерация

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Курский филиал), Курск, Российская Федерация

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация; *vasilenkola@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье показано, что протекающие процессы сетевизации, цифровизации и гибридации ведут к созданию такого социотехнического феномена, как информационно-аналитические платформы, которые актуализируют новый тип социально-сетевых отношений между органами власти и гражданами в публичном пространстве коммуникаций. В этих условиях требуется новая методология публичного управления, которая бы учитывала цифровые реалии современного мира. По мнению авторов, новую концепцию публичного управления следует выстраивать с учетом разработки методологии для следующих взаимно обусловленных процессов: 1) создание информационно-аналитических платформ цифрового общества; 2) формирование социальных структур в сетевом пространстве; 3) конфигурирование релятивных сетей для решения общественно значимых проблем. Она должна базироваться на акторно-сетевой концепции и этике цифровизации, анализе социальных сетей, реляционной социологии, концепции фигурации и фрактально-эволюционной концепции, концепции конфигурирования релятивной сети стейкхолдеров.

Ключевые слова: публичное управление, концепция управления, методология управления, цифровизация, информационно-аналитические платформы, социальные сети, релятивные сети

Для цитирования: Зотов В. В., Василенко Л. А. Влияние цифровизации на трансформацию методологии публичного управления // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 98–109.

The Digitalization Influence on the Transformation of Public Administration Methodology

Vitaly V. Zotov^{1, 2}, Lyudmila A. Vasilenko³, *

¹Moscow Institute of Physics and Technology, Kursk Branch, Kursk, Russian Federation

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Kursk Branch, Kursk, Russian Federation

³Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; *vasilenkola@mail.ru

ABSTRACT

The article shows that the ongoing processes of networkization, digitalization and hybridization lead to the creation of such a sociotechnical phenomenon as information and analytical platforms, which actualize a new type of social network relations between authorities and citizens in the public space of communications. In these conditions, a new methodology of public administration is required, which would take into account the digital realities of the modern

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00694 «Публичное управление как конфигурирование релятивных сетей в публичном пространстве цифрового общества».

world. According to the authors, the new concept of public administration should be built taking into account the development of a methodology for the following mutually conditioned processes: 1) creation of information and analytical platforms of the digital society; 2) formation of social structures in the network space; 3) configuration of relational networks for solving socially significant problems. It should be based on the actor-network concept and the digitalization ethics, the social network analysis, the relational sociology, the concept of figuration, the fractal-evolutionary concept, the concept of configuring a relational network of stakeholders.

Keywords: public administration, concept of governance, methodology of governance, digitalization, information and analytical platforms, social networks, relational networks

For citing: Zotov V.V., Vasilenko L.A. The Digitalization Influence on the Transformation of Public Administration Methodology // Administrative consulting. 2021. N 5. P. 98–109.

Введение

Перестройка государственного аппарата, то есть административные реформы, проводились в истории различных стран довольно часто. Но только в начале 1990-х гг. страны начинали свой путь от патримониальных бюрократий к бюрократиям нового типа. Административные реформы конца XX в. во многом связаны с осознанием и признанием того факта, что отсутствие эффективной концепции публичного управления становится серьезной преградой на пути развития страны. Но отметим, что в Российской Федерации политическим мотивом административных реформ 1991–1999 гг. выступала потребность в радикальной перестройке советской системы управления государством и формирование новой структуры и системы органов государственной власти в стране. В то время как в других странах в основу административных реформ была положена концепция нового государственного менеджмента или New Public Management (NPM), в котором признается возможность технологизации деятельности «государственной машины» для повышения ее эффективности и результативности.

Например, реформирование государственного управления в США было начато в 1993 г. под руководством Национального Комитета по реформированию государственного управления (The National Partnership for Reinventing Government) с целью организовать работу лучше, ее стоимость меньше, а результат сделать полезнее для граждан [28]. Следует отметить, что к тому времени крупные коммерческие компании уже преодолели кризис, который был вызван превосходством японских технологий и победой японских компаний в конкурентной борьбе. К тому времени методы, которые помогли американским компаниям вернуть лидирующее положение в мире, были апробированы, что послужило обоснованием решения учиться у бизнеса. Проблемы реформирования публичного управления в данном контексте рассматривались в работах Т. Геблера, П. Окойна, Д. Осборна, С. Худа [19; 21; 25]. Главное в этих реформах построено на двух принципах: акцент на клиентах-гражданах (т. е. служение обществу является главным смыслом государственного управления) и передача соответствующих полномочий и определенной системы ответственности государственным служащим. В обиход вошел термин «государственное предпринимательство». Высший приоритет состоял в том, чтобы освободить чиновников от излишнего регулирования сверху.

Применительно к российской действительности на заре проводимых реформ отмечалось [5], что в Концепции реформирования системы государственной службы России впервые административные реформы связаны с участием в них гражданского общества, изменением смысла деятельности чиновника. Именно тогда были заложены такие принципы взаимодействия государственной службы и струк-

тур гражданского общества, как: открытость системы государственной службы; возможность участия граждан и структур гражданского общества в процессе подготовки государственных решений; широкое информирование граждан о принятых решениях и текущей деятельности должностных лиц государства; подконтрольность системы государственной службы как государству, так и гражданскому обществу; предупреждение, выявление и устранение коррупционных обстоятельств, способствующих злоупотреблениям на государственной службе.

Главная задача реформ 90-х гг. XX в. заключалась в стимулировании чиновников к служению обществу. Ориентация на гражданина как клиента представляла на тот момент основную философию государственного управления. Сторонники концепции нового публичного/государственного управления (New Public Management) акцентируют внимание на необходимость обеспечения эффективности процесса государственного управления во всех его формах — экономической, социальной и организационной [25]. Здесь граждане являются клиентами (принципалом), а государство — их слугой (агентом). Отношения органов власти и граждан страны (их коммерческих и некоммерческих объединений) могут быть описаны в терминах принципал-агентских отношений. Это выразилось в повышении информационной открытости деятельности государства, предоставлении населению качественных услуг, строительстве «малозатратного государства» (экономичность, снижение государственных затрат на содержание и деятельность государственной службы). Это потребовало выделять в распоряжение чиновника средства, за счет которых он организует эффективное обеспечение граждан услугами и определение строгой ответственности за расходованием этих средств. Были исключены избыточные управленческие уровни; реструктурированы государственные предприятия, переведены в коммерческий или некоммерческий сектор; реорганизована система государственного контроля и надзора, которая перешла к приоритету профилактических мер и эффективной системе кураторства. Аналогичные реформы системы публичного управления прошли практически во всех государствах мира.

Особенностью современного этапа общественного развития выступает постепенная замена роли традиционных каналов коммуникаций электронными, а далее сетевыми, что вызвано прогрессом в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. На сегодня именно социальные сети (или социальные медиа) становятся одними из наиболее динамично развивающихся секторов сети интернет. Пережив волну всеобщего бума, они превратились в один из системообразующих элементов общественно-политической жизни, получив многомиллиардную пользовательскую аудиторию. С одной стороны, они способствуют распространению различных практик участия в общественно-политических процессах и отношениях, что влияет на систему разделяемых обществом ценностей, представлений и норм. С другой стороны, конструируемые под влиянием социальных медиа представления и ценности, в свою очередь, влияют на возникновение новых форм общественной и политической активности [18].

Распространение сетевых форматов взаимодействия сужает область принудительного воздействия государства на деятельность акторов публичного пространства. Для взаимодействия в условиях сети «социально включенное» управление становится как бы рассредоточенным в общей виртуальной среде, в которой «каждый сам себе менеджер» [16].

Сегодня появляются новые институциональные возможности и подходы к организации публичного управления. Широкое распространение сети интернет сделали процесс принятия решений открытым и публичным, а социальные сети способствовали организации краудсорсинговой деятельности. В настоящее время наряду с процессами интернетизации и сетевизации начинается цифровизация как процесс создания информационно-аналитических (информационно-экспертных)

платформ, обладающих аналитическими и прогностическими функциями, набирает силу гибридизация как слияние реальной социальной среды с виртуальной в рамках специализированных социотехнических систем. Неслучайно А. В. Тихонов и В. С. Богданов под цифровизацией понимают «инфотехнологические преобразования и моделирование гибридных инфосоциальных систем» [17]. Базовыми технологиями в этом случае выступают технологии больших данных (big data); искусственного интеллекта; распределенных вычислений (блокчейн); технологии дополненной и виртуальной реальностью; интернет вещей (internet of things). В их основе лежит сетевое построение, позволяющее перестроить общественные процессы на основе социотехнических систем. Современные социальные сети (Вконтакте, Одноклассники и Фейсбук), государственные порталы (Госуслуги), коммерческие интернет-порталы и веб-службы (Яндекс, Сбер) уже превращаются в информационно-аналитические платформы, которые используют технологии, собирающие, агрегирующие и анализирующие большие объемы персональных данных для создания цифровых профилей своих пользователей.

В этих условиях оказалось, что концепция нового государственного управления (New Public Management) уже не удовлетворяет в полной мере требованиям к организации публичного управления, что предусматривает поиск новых методологических подходов к его организации. Ей на смену идут концепции:

- «менеджмента публичных ценностей» (Public value management), в которой управление основано на системном взаимодействии основных стейкхолдеров между собой на базе определенной ресурсной зависимости в целях достижения согласия по интересующему их государственно-политическому вопросу [26];
- «цифрового гражданства» («digital citizenship»), в рамках которой граждане выступают субъектами власти в киберпространстве, участвуя в сети на многих уровнях общественной и политической жизни [27];
- «умного управления», которое «возникает в связи с социально ориентированными программами деятельности, обеспечивающими выявление конкретных проблем и их решения на основе применения знаний об объекте управления как субъекте, о функциях управления... при условии организации социальной обратной связи, где главный фигурант — население и заинтересованные группы» [17, с. 79–80].

Цель и методы исследования

Но вышеперечисленные концепции публичного управления не образуют единой системы подходов к управлению государством, не имеют единой методологической базы управления общественным развитием, учитывающей условия цифровизации общества. Это требует уточнения методологических подходов, которые могут быть положены в основу концепции публичного управления, с учетом следующих взаимообусловленных процессов:

- 1) создание информационно-аналитических платформ цифрового общества;
- 2) формирование социальных структур в сетевом пространстве;
- 3) конфигурирование релятивных сетей для решения общественно значимых проблем.

При этом методология публичного управления рассматривается нами как рационально-рефлексивная деятельность, направленная на выявление, изучение, организацию, систематизацию и развитие способов преобразования общественно-государственной системы реализации общенациональных и местных интересов и производства общественных благ. Цель исследования состоит в определении методологических подходов, необходимых для разработки концепции публичного управления в условиях цифровизации. Исследование базируется на общенаучных принципах и методах

логического, сравнительного и прогностического анализа; качественного исследования основных тенденций цифровизации российского социума.

Методология организации информационно-аналитических платформ цифрового общества

Цифровизация есть процесс формирования общего инфотехнологического сетевого пространства взаимодействия людей с интернет-сервисами, повышающий адаптивность человека к разнообразию цифровых приложений со встроенными интеллектуализированными информационными системами. Большие возможности цифрового отображения информации приводят к тому, что в ходе цифровизации возникают электронные платформы как совокупность технико-технологических решений, обеспечивающих ведение реестра пользователей, задание алгоритмов их взаимодействия и хранение информации об осуществленных ими онлайн-транзакций (цифровых следов). Основа функционирования таких площадок — это взаимодействие между людьми и техническими устройствами, которое реализуется благодаря не только прямому вводу информации человеком в стационарное или мобильное устройство, но и информации, получаемой со смарт-устройств и датчиков. Цифровая платформа — это система алгоритмизированных взаимодействий значимого количества независимых участников определенной области деятельности, осуществляемых в единой информационной среде. Информационно-аналитические платформы представляют собой многообразие:

- информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий сбора, хранения, передачи и обработки информации;
- каналов передачи информации в разных форматах;
- субъектов и техносубъектов;
- распределенных многосредовых социотехнических систем (систем с эффектами дуализма техники и социума в форме синхронизаторов, программных агрегаторов, искусственного интеллекта, больших данных, интернета вещей, облачных вычислений);
- сервисов дополнительных услуг;
- агрегаторов социальных взаимодействий.

Следовательно, информационно-аналитические платформы — это социотехнические гибриды, для анализа которых подходит акторно-сетевая концепция Б. Латура [22]. Его концепция позволяет рассматривать действия гибридных объектов, размещая их на одном онтологическом уровне и обращая внимание на связи, возникающие между акторами, поскольку мир состоит из акторов различных типов и размеров, «материальное и социальное находятся в процессе взаимного конструирования» [6, с. 105]. Актором может выступить человек или вещь. В описании Б. Латура материальные объекты, участвующие в процессе в любом виде и в любой роли, названы актантами. Таким образом, Б. Латур распространил сеть отношений на материальные объекты, как некоторую составную часть сети действий и взаимодействий. В.И. Игнатьев назвал современных акторов-не-людей, наделенных искусственным интеллектом или его подобием, техносубъектами. По его мнению, они постепенно обретают способность вступать в социальные отношения [12]. Поэтому исследование социально-сетевого пространства должно акцентировать внимание на взаимодействии акторов публичного пространства в дискурсе, заданного через латентное воздействие актантов на это пространство. А это обуславливает обращение к акторно-сетевой теории, представляющей собой концептуальную основу для изучения коллективных социотехнических процессов, рассматривающей объекты окружающего мира (артефакты и технические комплексы) как действующих агентов социальных систем [23].

На современном этапе развития общества ясно понимается фундаментальность влияния цифровых технологий на морально-нравственную сферу. В эпоху цифровых технологий этике цифровизации должно уделяться особое внимание, поскольку в системе больших данных (Big Data) открываются возможности слежки и цензуры. При этом опасность может исходить как от авторитарных правительств, так и от транснациональных компаний, следящих за каждым шагом пользователя с целью извлечения из его деятельности максимальной прибыли. Но не надо забывать, что гражданам также имеют возможность отслеживать разнообразные события, осуществлять контроль и оказывать влияние на органы власти, развивая электронную демократию [1, с. 79]. Кроме того, поскольку цифровые технологии способны, например, буквально встроиться в организм человека, то возникает проблема этичности поведения электронных устройств по отношению к человеку [1, с. 80]. Если рассматривать этические аспекты в контексте управления, то следует обратить внимание на следующее: действия в сети осуществляют акторы, а условия для их деятельности создают управляющие субъекты посредством актантов (техносубъектов). Отсюда важно принять правила ответственности за результат гибридных взаимодействий, поскольку это не вопрос личного морального выбора человека, а вопрос к организации работы информационно-аналитических платформ. Этика цифровизации должна ответить на вопросы о свободе, достоверности информации, цензуры, безопасности, границах приватности и публичности, интеллектуальной собственности.

Методология формирования социальных структур в сетевом пространстве

За последние десятилетия феномен социальных сетей (социальных медиа) стал одним из самых обсуждаемых среди социологов. В современных организационных формах общественного устройства действительно обнаруживается новое, сетевое качество, связанное с тем, что информационное взаимодействие между акторами публичной сферы осуществляется в условиях превалирования социальных медиа [11, с. 57].

В интернет-пространстве «социальная сеть» представляет собой виртуальное сообщество, в рамках которого люди активно общаются друг с другом независимо от их географического местонахождения на онлайн-платформе. Наполнение социальных медиа выступает индикатором развития общественных отношений, производства и распространения новостей, а также формирования общественного мнения, поскольку фокусируют определенные отношения, настроения, делая их более интенсивными, отчетливыми, фильтруя смысловые оттенки, тем самым определяя направление информационных потоков [7, с. 274]. Одна из немногих попыток описания теоретических оснований анализа социальных сетей предпринята Б. Уэлманом [29].

Современные социальные сети представляют собой форму организации социального пространства. Р. А. Заякина и М. В. Ромм подчеркивают первичность связей по отношению к структурным единицам социальной сети, «...ибо для сети важны взаимоотношения и их наполненность потоками — и здесь уже первичны связи». Иерархической структуры в сети нет, хотя различия между акторами вполне могут быть, например, акторы «ведущие» и «ведомые», «родительские» и «дочерние» узлы, возможно и распределение ролей (например, модераторы или акторы-генераторы контента). Но главное по мысли авторов: «сетевая форма формируется за счет них, но не держится на/за них. В случае изъятия актора сеть находит ему замену, т. е. переструктурируется, сохраняя общую целостность, телеологические, аксиологические и семантические векторы. Если же качественно нарушить связи, то свойства сетевого потока могут существенно измениться, в самом крайнем случае — сеть разрушается» [8, с. 167].

Но анализ социальных сетей не объясняет некоторые аспекты поведения людей, поскольку не дает адекватное понимание культурных составляющих социального действия. Это обуславливает необходимость применения к анализу сетевых сообществ реляционной социологии, которая призвана «рассматривать социальную реальность как динамичные разворачивающиеся отношения (транзакции), продолжающиеся и непрерывные процессы, неотделимые от контекстов» [14, с. 9]. Внимание исследователя акцентируется на причинах и природе отношений. Реляционная социология обозначает «культурный поворот» в сетевом анализе [24], акцентируя внимание на возникновении, конструировании смыслов акторами сети в общем пространстве публичных коммуникаций.

Следует заметить, что при анализе социальных структур, как правило, используется понятие системы. В таких теориях, как структурный функционализм, система (общество) рассматривается как целостность по отношению к образующим ее частям. Но такой подход мало применим к описанию социальных структур социально-сетевого пространства.

В отличие от традиционно используемого понятия «системы» понятие «фигурация», введенное Н. Элиасом, отражает взаимодействие, взаимозависимость между структурами и социальными действиями индивидов [20]. Ученый считает, что нельзя рассматривать индивида как проживающего независимого от других и замкнутого в самом себе. Начальной точкой рассмотрения конфигурации является предположение о том, что действующие индивиды связаны взаимной зависимостью, и, таким образом, сеть взаимозависимостей дает конфигурацию. Индивиды способны постепенно изменять структуру в соответствии со своими представлениями о должном. Структура является частью бытия индивидов в социуме, а не внешней по отношению к индивиду. В рамках предлагаемой Н. Элиасом концепции понятие власти трактуется как обладание ресурсами. Переплетение амбивалентных связей и отношений между людьми создает динамические балансы власти, которые могут приводить к образованию различных конфигураций. Все члены конфигурации наделены властью, но это не просто зависимость, это баланс власти, который выступает ядром межличностных отношений.

На наш взгляд, вышеперечисленные концептуальные подходы не учитывают аспект самоорганизации, поэтому должны быть дополнены фрактально-эволюционной концепцией. Методологические аспекты построения данной теоретической модели базируются на теории естественного упорядочения процессов и фрактальности как универсального закона эволюционного развития природы жизни [2]. Согласно Б. Богатым «в любой самоорганизующейся, саморазвивающейся системе можно увидеть организацию как идею, и главные отношения, конституирующие и структурирующие систему... и как текущие второстепенные связи, поддерживающие и сохраняющие организацию и меняющиеся в целях и в рамках этого сохранения, с появлением принципиально нового, эмерджентного» [2, с. 491]. Опережающий анализ общих ценностей, различий и согласование системы базовых принципов, на которых будет строиться синтез социальных методологий и практик, позволит обозначить общие согласованные механизмы тонкой координации как ценностного ядра фрактала формирующейся новой системы взаимодействия власти социума [13, с. 413].

Методология конфигурирования релятивных сетей

К сожалению, несмотря на активные процессы реформирования государственного устройства России, система публичного управления пока не стала достаточно эффективной в части интерактивного взаимодействия с заинтересованными сторонами в социально-сетевом пространстве публичных коммуникаций, в которой преобладают правила не иерархического, а партнерского взаимодействия. Публичные

коммуникации представляют собой совокупность медиаканалов, объединяющих органы власти со стейкхолдерами для постановки и обсуждения общественно значимых проблем [10]. Их публичность связана с транспарентностью (доступностью, открытостью и прозрачностью) и ориентацией на решение общественных проблем (выявление, обсуждение и реализацию принятых решений).

Публичный статус пространства коммуникаций связан со значимостью взаимодействия общества и власти. Публичность обеспечивает информационное сопровождение деятельности органов власти; предоставление населению информации о возможных формах участия в подготовке и принятии решений; формирование конструктивного диалога между обществом и властью; учет и анализ мнений и настроений представителей заинтересованных сторон. Вышеперечисленное, в свою очередь, определяет характер отношения общества к действующей власти, ее имидж в глазах населения, оценку эффективности ее деятельности со стороны граждан страны. Развитие отношений в публичном пространстве коммуникаций предполагает реализацию сетевой модели публичного управления, ориентированной на диалог стейкхолдеров для решения общественно значимых проблем. Методология публичного управления ориентирует на новый тип управления (руководство/governance), в котором органы власти и представители заинтересованных сторон находятся в тесном взаимодействии для совместного принятия публичных решений, а в случае необходимости и обмена своими ресурсами при реализации принятого решения. Только публичное обсуждение проблемы совместно с заинтересованными сторонами придает управленческим решениям органов власти легитимность [9, с. 16–18].

Понятие фигурации, введенное Н. Элисом, наиболее применимо к новому характеру управленческого процесса, поскольку формирование различных фигураций образует социальную структуру как сеть переплетений, изменять которую способны ее участники. Но этот процесс в большинстве случаев носит стихийный характер переплетения связей и отношений, приводящий к образованию различных фигураций. Стихийность возможно нивелировать за счет выстраивания управления этим процессом, т.е. процесса конфигурирования. Конфигурирование в переводе с латинского (configuratio) означает взаимное расположение объектов. По мнению А.Э. Нуриджанова, целесообразность обращения к понятию «конфигурация» связана с необходимостью учета динамично изменяющегося взаимного расположения объектов, предметов и/или их структурных элементов, принимающих участие в управленческом процессе [15, с. 46–49]. Процесс управления, применительно к социальным явлениям и процессам, протекающим в социально-сетевом пространстве, следует рассматривать как конфигурирование релятивной сети стейкхолдеров в пространстве публичных коммуникаций. В данном случае под релятивной сетью следует понимать сеть взаимодействующих представителей социума в рамках конкретного вида совместной деятельности. Конфигурирование в социально-сетевом пространстве релятивной сети из представителей заинтересованных сторон для осуществления совместной просоциальной деятельности может стать весьма эффективным инструментом капитализации, позволяющим сформировать сообщества с определенным социальным потенциалом [9]. Конфигурирование системы коммуникаций между представителями основных заинтересованных сторон дает импульс развитию социума.

Формирование различных фигураций образует социальную структуру как сеть переплетений, изменять которую способны ее участники, обретая тем самым некоторые властные полномочия. В такой сети на одних акторах замыкается больше связей, на других — меньше. Те акторы, которые замыкают на себя большее количество связей, могут осуществлять информационное влияние, а через него и управление. Если таким ключевым актором будет государство, то именно оно станет субъектом управления. Но поскольку коммуникатор располагается внутри опреде-

ленной релятивной сети и рассматривает себя как заинтересованного участника совместного поиска решений общественно значимых проблем, то он может осуществлять целенаправленное воздействие на других участников данной сети, которое способствует, препятствует или направляет развитие процессов самоорганизации.

Конфигуратор может выступать ядром фрактальной модели публичного управления. При этом организационное развитие сетевой структуры во многом определяет эффективность взаимодействия субъекта управления с другими представителями заинтересованных сторон. Эволюционное созревание организационной системы сетевого сообщества проходит через пионерскую фазу и последующие фазы дифференциации, интеграции, ассоциации. В пионерской фазе взаимодействие определяется культурой основателя сетевой структуры. В фазе дифференциации формируется ядро сети, представляющее собой целостную структуру с устоявшимися человеческими отношениями и «правилами игры». Возможность взаимодействия с такой структурой открывается только при принятии сложившихся правил. В фазе интеграции доминирует развитие социальности и его влияние на параметры порядка изменяющейся сложной социальной системы [3]. Здесь основной организационной задачей, стоящей перед субъектом управления, становится развитие целостного организма как социотехнической системы, что связано с интеграционными процессами, расширением деятельности, структурным усложнением, потребностью перестройки взаимодействия между акторами сетевого пространства. Именно на этой фазе отбатывается механизм рекурсивного распространения фрактала в сетевой структуре. Для темы работы наиболее интересна фаза ассоциации, когда сложная разветвленная сетевая структура становится обладателем культуры партнерства. Степень зрелости ее участников определяет способность, обсуждая общие принципы, понимать различия в ценностях и коллективно разрабатывать правила взаимодействия и уровень ответственности каждого представителя заинтересованных сторон с учетом обеспечения процедур самоконтроля. Именно на этом этапе ядро фрактала может эволюционировать, вырабатывая способность к синтезу организации и самоорганизации, совершенствованию механизма обеспечения его рекурсивного распространения, определяя баланс власти с сохранением целостности ядра фрактала. Взаимная выгода обмена информацией возможна при условии, что взаимодействующие субъекты различны, т.е. они имеют условия для взаимного дополнения друг друга за счет объема знаниями, методами и технологиями, что в итоге идет на пользу их совместного развития. При этом все участники должны быть способны быстро и конструктивно осваивать поступающую информацию, обуславливая организационное встраивание формирующейся сложности и обеспечивая устойчивость всей системы.

Выводы

В условиях цифровизации российского социума информационно-аналитические платформы становятся неотъемлемой частью информационного взаимодействия власти и общества, а социально-сетевые сообщества становятся реальной силой для решения общественно значимых проблем. В этом плане важно сформировать новую концепцию публичного управления, в основу которой должны быть положены акторно-сетевая концепция и этика цифровизации, анализ социальных сетей, реляционная социология, концепция фигурации и фрактально-эволюционная концепция, концепция конфигурирования релятивной сети стейкхолдеров. Переход к такой концепции будет способствовать социотехнической коэволюции структур органов власти и гражданского общества, а соответственно — устойчивому развитию страны, ее готовности эффективно отвечать на «большие вызовы» — риски, угрозы и возможности, с которыми сталкивается общество и государство в своем развитии.

Литература

1. *Беляева Е. В.* Цифровое общество и возможности его этического регулирования // Освоение ойкумены прикладной этики: эскалация амбиций или критика утопичности. Ведомости прикладной этики. Вып. 52 / под ред. В. И. Бакштановского. Тюмень : НИИ ПЭ, 2018. С. 74–82.
2. *Богатых Б. А.* Фрактальность и теория функциональных систем // Нелинейный мир. 2008. Т. 6, № 9. С. 491–499.
3. *Василенко Л. А., Василенко В. И.* Социальные инновации в контексте управления будущим. Махачкала : Радуга, 2013. 344 с.
4. *Василенко Л. А.* Культура открытого управления: от парадигмы «New Public Management» к парадигме «Public Value Management» // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: Материалы V Всероссийского социологического конгресса (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) / отв. ред. В. А. Мансуров. М. : Российское общество социологов, 2016. С. 328–329.
5. *Василенко Л. А., Макагонов П. П.* Становление новой парадигмы административного управления в США в 90-х годах: уроки для России // Сборник докладов на научно-практической конференции Совета Федерации Федерального Собрания РФ и Российской академии государственной службы при Президенте РФ. М. : РАГС, 2001. С. 80–90.
6. *Вахштайн В.* Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.
7. *Заславская О. Ю.* Влияние глобальных процессов информатизации на развитие современной системы образования в условиях цифровой экономики // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2018. Т. 15. № 3. С. 271–281.
8. *Заякина Р. А., Ромм М. В.* Сетевой подход: между топологиями пространства и формы // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 2. С. 163–179.
9. *Зотов В. В.* Конфигурирование как процесс управления капитализацией социально-сетевого пространства // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 4. С. 15–31.
10. *Зотов В. В., Бабинцев В. П., Шаповал Ж. А., Губанов А. В.* Российское пространство публичных коммуникаций: основные причины разрывов // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 6. С. 61–75.
11. *Зотов В. В., Губанов А. В.* Формирование пространства публичных коммуникаций субъекта РФ в условиях превалирования социальных медиа // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3 (59). С. 57–61.
12. *Игнатьев В. И.* И грянет «другой» актор... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 1. С. 64–78.
13. *Колесникова Л. А., Василенко Л. А., Митясова Е. А.* Тонкая координация vs гибридная гегемония: фактор духовности в отношениях территорий с позиций фрактального кросс-дисциплинарного синтеза // Социокультурный аспект евразийской интеграции. Евразийский гражданский альянс. Сборник научных статей. Белгород : Издательский дом «Белгород», 2017. С. 395–419.
14. *Мальцева Д. В.* Реляционная социология: новый этап в развитии анализа социальных сетей или самостоятельное направление? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4 (122). С. 3–14.
15. *Нуриджанов А. Э.* О категории «управленческая конфигурация» в контексте социологии управления // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2017. № 4. С. 46–49.
16. *Орланов Г. Б.* Социальный детерминизм. Методологические основания теории и практики управления: монография. М. : АТиСО, 2012. 403 с.
17. *Тихонов А. В., Богданов В. С.* От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74–81.
18. *Устинович Е. С.* Политико-административное электронное взаимодействие власти и общества: теоретический аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 126–132.
19. *Aucoin P.* Administrative Reform in Public Management: Paradigms, Principles, Paradoxes and Pendulums // Governance. 1990. N 3. P. 115–137.
20. *Elias N.* The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. — Oxford: Wiley-Blackwell, 2000, 586 p.

21. Hood C.A. Public Management for All Seasons? // *Public Administration*. 1991. N 69(1). P. 3–19.
22. Latour B. We have never been modern. — New York: Harvard University Press, 1993. 157 p.
23. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. New York : Oxford University Press, 2005. 301 p.
24. Mützel S. Networks as culturally constituted processes: A comparison of relational sociology and actor-network theory // *Current Sociology*. 2009. N 57 (6) P. 871–887.
25. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector? New York : A Plume Book. 1992. 432 p.
26. Rotberg R. Good governance means performance and results. governance: an international // *Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2014. Vol. 27. N 3. P. 511–518.
27. Ruppert E., Isin E. Being Digital Citizens: 2 ed. London: Rowman & Littlefield International. 2015. 244 p.
28. Stone B. Creating “Reinvention University” (National Partnership for Reinventing Government) // *The Public Manager: The New Bureaucrat*. Vol. 27. N 1. P. 47–61.
29. Wellman B. Network analysis: some basic principles // *Sociological theory*. 1983. Vol. 1. P. 155–200.

Об авторах:

Зотов Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, профессор департамента философии учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук Московского физико-технического института (научно-исследовательского университета); старший научный сотрудник Курского филиала Финуниверситета (Курск, Российская Федерация); om_zotova@mail.ru

Василенко Людмила Александровна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); vasilenkola@mail.ru

References

1. Belyaeva E.V. The digital society and the possibilities of its ethical regulation // *Mastering the world of applied ethics: the escalation of ambition or critique of utopianism*. Sheets of Applied Ethics. Vol. 52 / ed. V.I. Bakshtanovskii. Tyumen : RI PE, 2018. P. 74–82.
2. Bogatyih B.A. Fractal theory and nonlinear functional systems // *Non-linear world [Nelineinyi mir]*. 2008. Vol. 6. N 9. P. 491–499.
3. Vasilenko L. A., Vasilenko V. I. Social innovations in the context of future management. Makhachkala : Raduga Publishing House, 2013. 344 p.
4. Vasilenko L. A. The Culture of open governance: from the paradigm of New Public Management to the paradigm of Public Value Management. *Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice: Proceedings of the V All-Russian Sociological Congress (Yekaterinburg, October 19–21, 2016)*. M. : Russian Society of Sociologists, 2016. P. 328–329.
5. Vasilenko L. A., Makagonov P. P. The formation of a new paradigm of administrative management in the USA in the nineties: lessons for Russia // *Collection of reports at the scientific and practical conference of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation and the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation*. M. : RAGS, 2001. P. 80–90.
6. Vakhshatayn V. S. The Return of Material: «Spaces», «Networks», «Flows» // *The Russian Sociological Review [Sotsiologicheskoe obozrenie]*. 2005. Vol. 4. N 1. P. 94–115.
7. Zaslavskaya O.Yu. The impact of global processes of informatization the development of the modern education system in a digital economy // *RUDN Journal of Informatization in Education [Vestnik RUDN. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya]*. 2018. Vol. 15. N 3. P. 271–281.
8. Zayakina R. A., Romm M. V. Network Approach: Between Topologies of Space and Form // *Sociological Review [Sotsiologicheskoe obozrenie]*. 2017. Vol. 16. N 2. P. 163–178.
9. Zotov V.V. Configuring as a Management Tool for Capitalization in Social Networks // *Communicology [Kommunikologiya]*. 2019. Vol. 7. N 4. P. 15–31.
10. Zotov V.V., Babintsev V.P., Shapoval Zh.A., Gubanov A.V. The Russian space of public communications: the main causes of gaps // *Communicology [Kommunikologiya]*. 2017. Vol. 5. N 6. P. 61–76.

11. Zotov V.V., Gubanov A.V. The development of public communication space of the constituent entity of the Russian Federation in terms of social media prevalence // *Society: sociology, psychology, pedagogy* [Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika]. 2019. Vol. 3. N 59. P. 57–61.
12. Ignatyev V.I. And the "Other" Actor is Coming... The Formation of Tehnosubject in the Context of the Movement to Technological Singularity // *Sociology of Science and Technology* [Sotsiologiya nauki i tekhnologii]. 2019. Vol. 10. N 1. P. 64–78.
13. Kolesnikova L.A., Vasilenko L.A., Mityassova E.A. Fine-Tuning Coordination vs Hybrid Hegemony: a Factor of Spirituality in Relations of Territories from the Viewpoint of Fractal Cross-Disciplinary Synthesis // *Socio-cultural aspect of Eurasian integration. Eurasian Civil Alliance. Collection of scientific articles*. Belgorod : Publishing House "Belgorod", 2017. P. 395–419.
14. Maltseva D.V. Relational sociology: new era in the analysis of social networks, or an independent trend? // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* [Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2014. N 4 (122). P. 3–14.
15. Nuridzhanov A.E. About the category "management configuration" in the context of management sociology // *Economical and humanities researches of the regions* [Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov]. 2017. N 4. P. 46–49.
16. Orlanov G.B. Social determinism. Methodological foundations of the theory and practice of management: monograph. M. : ATiSO, 2012. 403 p.
17. Tikhonov A.V., Bogdanov V.S. From "clever regulation" to "clever management": social problem of digitalization of feedbacks // *Sociological Research* [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2020. N 1. P. 74–81.
18. Ustinovich E.S. Political and administrative electronic interaction of power and society: theoretical aspect // *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law* [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya i pravo]. 2019. N 9 (1–30). P. 126–132.
19. Aucoin P. Administrative Reform in Public Management: Paradigms, Principles, Paradoxes and Pendulums // *Governance*. 1990. N 3. P. 115–137.
20. Elias N. *The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. Oxford : Wiley-Blackwell, 2000, 586 p.
21. Hood C.A. Public Management for All Seasons? // *Public Administration*. 1991. N 69 (1). P. 3–19.
22. Latour B. *We have never been modern*. New York : Harvard University Press, 1993. 157 p.
23. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. New York : Oxford University Press, 2005. 301 p.
24. Mützel S. Networks as culturally constituted processes: A comparison of relational sociology and actor-network theory // *Current Sociology*. 2009. N 57(6). P. 871–887.
25. Osborne D., Gaebler T. *Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector?* New York : A Plume Book. 1992. 432 p.
26. Rotberg R. Good governance means performance and results. governance: an international // *Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2014. Vol. 27. N 3. P. 511–518.
27. Ruppert E., Isin E. *Being Digital Citizens: Second Edition*. London : Rowman & Littlefield International. 2015. 244 p.
28. Stone B. *Creating "Reinvention University" (National Partnership for Reinventing Government) // The Public Manager: The New Bureaucrat*. Vol. 27. N 1. P. 47–61.
29. Wellman B. Network analysis: some basic principles // *Sociological theory*. 1983. Vol. 1. P. 155–200.

About the authors:

Vitaly V. Zotov, Doctor of Science (Sociology), Professor, Professor of Department of Philosophy, Educational and Scientific Center for Humanities and Social Sciences, Moscow Institute of Physics and Technology (Research University); Senior Researcher at the Kursk Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Kursk, Russian Federation); om_zotova@mail.ru

Lyudmila A. Vasilenko, Doctor of Science (Sociology), Professor of Department for Organisational Design of Management Systems of the Institute of Public Administration and Civil Service of RANEPa (Moscow, Russian Federation); vasilenkola@mail.ru

Инструменты разработки стратегии развития образования региона

Лапыгин Ю. Н. *, Болтунов С. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Владимирский филиал), г. Владимир, Российская Федерация; *lapygin.y@gmail.com

РЕФЕРАТ

Рамочная конструкция федерального закона о стратегическом планировании оставляет широкое поле деятельности разработчикам для применения различного инструментария в процессе построения стратегии развития как региона, так и входящих в него подсистем, к которым в том числе относится система образования региона. Методические рекомендации Минэкономразвития РФ по части разработки стратегии конкретизируют только содержание основных направлений стратегии, но позволяют применять различные методы, модели и механизмы разработки самой стратегии. Поэтому исследование вопросов инструментального обеспечения процедур разработки стратегий регионов и его подсистем представляет интерес с теоретической и практической точек зрения.

При исследовании теоретических и прикладных задач инструментального обеспечения процесса разработки стратегии построены алгоритмы в виде общей схемы разработки стратегии и выполнения комплексного анализа, предшествующего разработке. Сформированы алгоритмы разработки стратегии на начальном этапе по результатам комплексного анализа, на этапе, ориентированном на главную цель (Миссию), а также заключительного этапе, цели которого ориентированы на идеальное состояние в будущем — Видение. Кроме того, построен алгоритм определения ожидаемых результатов, на базе которых выстраивается сценарий развития подсистем региона.

Научная новизна разработанных процедур заключается в том, что предложена совокупность инструментов определения стратегически значимых проектов и программ заключительного и промежуточного этапов реализации стратегии; сформированы инструменты согласования стратегически значимых решений по всему циклу стратегического развития системы образования региона; показана процедура построения дерева целей промежуточного этапа реализации стратегии; разработана процедура формирования стратегии развития на промежуточном этапе реализации стратегии. Предлагаемый подход к построению стратегии развития социально-экономических систем региона реализован в процессе корректировки стратегии развития Владимирской области в части профессионального образования региона.

Ключевые слова: стратегия, регион, инструменты, профессиональное образование, этапы разработки

Для цитирования: Лапыгин Ю. Н., Болтунов С. А. Инструменты разработки стратегии развития образования региона // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 110–121.

Tools for Developing a Regional Education Development Strategy

Yury N. Lapygin*, Sergey A. Boltunov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir Branch), Vladimir, Russian Federation; *lapygin.y@gmail.com

ABSTRACT

The framework structure of the federal law on strategic planning leaves a wide field of activity for developers to use various tools in the process of building a development strategy for both the region and its sub-systems, which include the education system of the region. The methodological recommendations of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation regarding the development of a strategy specify only the content of the main directions of the strategy, but allow the use of various methods, models and mechanisms

for developing the strategy itself. Therefore, the study of the issues of instrumental support of procedures for developing strategies for regions and its subsystems is of interest from a theoretical and practical point of view.

In the study of theoretical and applied problems of instrumental support of the process of developing a strategy, algorithms are built in the form of a general scheme for developing a strategy and performing a comprehensive analysis prior to development. Algorithms for developing a strategy at the initial stage were formed based on the results of a comprehensive analysis, at the stage focused on the main goal (Mission), as well as at the final stage, the goals of which are focused on the ideal state in the future — Vision. Besides. An algorithm for determining the expected results has been built. on the basis of which a scenario for the development of regional subsystems is built.

The scientific novelty of the developed procedures lies in the fact that a set of tools for determining strategically significant projects and programs of the final and intermediate stages of strategy implementation is proposed; tools for agreeing strategically significant decisions were formed throughout the cycle of strategic development of the region's education system; shows the procedure for constructing a tree of goals for the intermediate stage of the strategy implementation; a procedure for the formation of a development strategy at the intermediate stage of strategy implementation has been developed. The proposed approach to building a strategy for the development of socio-economic systems in the region is implemented in the process of adjusting the development strategy of the Vladimir region in terms of vocational education in the region.

Keywords: strategy, region, tools, professional education, stages of development

For citing: Lapygin Yu. N., Boltunov S. A. Tools for Developing a Regional Education Development Strategy // Administrative consulting. 2021. N 5. P. 110–121.

Рассматривая разработку стратегии как проект, можно предположить, что все этапы разработки могут содержать некоторые универсальные, а потому повторяющиеся инструменты [5]. Причем первоначально необходимо определиться с самими этапами или последовательностью разработки стратегии. Затем следует приступить к анализу текущей ситуации и оценке перспективы, которые необходимо детализировать до такой степени, чтобы была возможность приступить к реализации стратегического плана.

Процедура разработки стратегии в общем виде может быть представлена схемой, разработанной нами и изображенной на рис. 1.

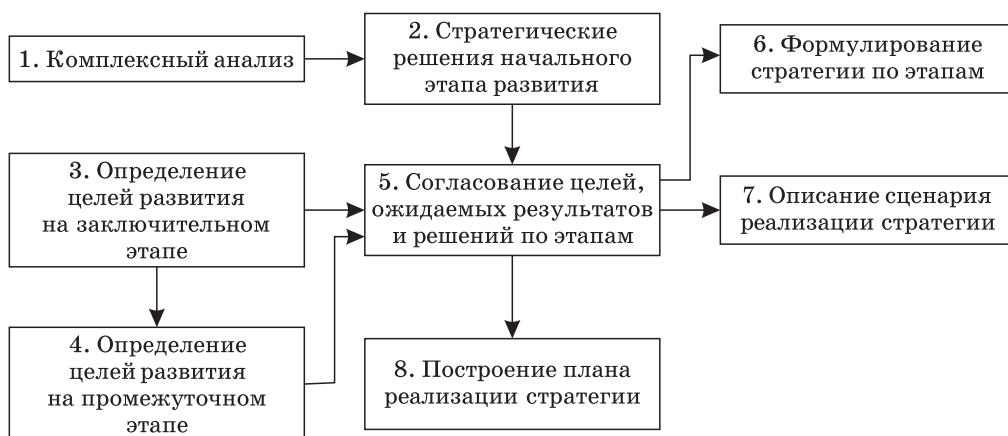

Рис. 1. Общая схема разработки стратегии
Fig. 1. Outline of strategy development

Из рисунка следует, что в качестве начала процедуры разработки стратегии выступает комплексный анализ [7], по результатам которого вырабатываются стратегически значимые решения, опирающиеся на текущее состояние исследуемой системы, а потому отражающие собой начальный этап стратегического развития.

Затем формируются представления о заключительном этапе стратегического развития — определяется совокупность целей, которая позволяет затем перейти к построению целей развития на промежуточном этапе реализации стратегии развития системы образования региона (далее — Системы). Такой подход позволяет не занижать амбиции разработчиков и согласовать перспективу развития Системы в целевом отношении.

Согласование и корректировка начального, промежуточного и заключительного этапа производится в завершении всей разработки, что обеспечивает понимание стратегической траектории развития Системы в целом и дает возможность сформулировать стратегию развития из указанных целей для каждого этапа развития. Формулировки целей позволяют также определить ожидаемые результаты¹ и выстроить совокупность решений для каждого этапа реализации стратегии. Содержание ожидаемых результатов обеспечивает построение сценария [4, с. 213–216] развития Системы, а решения ложатся в основу плана реализации [19] стратегии на каждом из этапов.

По всем канонам начальным этапом разработки стратегии выступает комплексный анализ отчетов и научных статей, статистики, действующей стратегии, эталонных стратегий развития социально-экономических систем. Основные процедуры комплексного анализа представлены нами на рис. 2, из которого следует, что в качестве инструментов, наряду с универсальным SWOT-анализом [3] и контент-анализом [18], выступают инструменты анализа различных документов.

Неупорядоченные списки результатов анализа вторичной информации, содержащейся в указанных документах, методами парных сравнений, подчеркивания и выделения цветом необходимо упорядочить и перевести в перечни характеристик внешней и внутренней среды.

Полученная информация должна быть дополнена первичной информацией экспертов, которыми выступают стейкхолдеры (участники группы стратегического планирования), поэтому, опираясь на стандартные шаблоны макетов опросных листов [16], наполнить их содержанием характеристик, классифицированных по факторам внешней и внутренней среды. К опросным листам, конечно же, необходимо составить инструкции по заполнению опросных листов для экспертов.

Опрос стейкхолдеров сопровождается и требует творческого воображения по отдельным листам опросных листов, содержащим предложение сформулировать представление о будущем как в части Видения перспектив [2] и главной цели развития Системы (Миссии [1]), так и в отношении отдельных (стратегически значимых) целей.

Первичная информация в заполненных опросных листах требует структурирования, которое выполняется методом парных сравнений формулировок ответов и универсального метода экспертных оценок со стороны участников группы стратегического планирования (или консультантов по управлению [6]).

Структурированные перечни полученных характеристик позволяют выделить среди них наиболее значимые, лежащие в области Парето, с помощью построения графов там, где это возможно, а при неочевидности причинно-следственных связей — методом экспертных оценок.

¹ Тулинова Д. В., Лапыгин Ю. Н. Ожидаемые результаты реализации стратегии // Вестник ВлГУ. Сер.: Экономические науки. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik-es.vlsu.ru/fileadmin/No12/Lapygin_Tulinova.pdf (дата обращения: 05.09.2020).

Рис. 2. Схема комплексного анализа
Fig. 2. Integrated analysis diagram

Ранжированные результаты анализа сводятся в итоговую таблицу, отражающую стратегически значимые характеристики внешней и внутренней среды исследуемой Системы, которые, в свою очередь, становятся стартовым началом разработки стратегии для начального этапа стратегического развития Системы, что отражено на построенном нами рис. 3.

Методом построения морфологических матриц [8] при использовании методов активизации творческого воображения [14] удается, заполнив матрицы, определить стратегические решения, которые необходимо структурировать, построив дерево решений. Построение указанной структуры решений обеспечивается агрегированием путем парных сравнений таких решений, что, в итоге, позволяет выйти на формирование проектов и программ начального этапа стратегического развития Системы. Последнее обстоятельство сопровождается сопоставлением полученных проектов и программ с государственными и муниципальными проектами и программами, реализуемыми в системе образования региона.

Анализ документов и метод парных сравнений позволяют идентифицировать те проекты и программы, которые могут получить финансирование из федеральных, региональных и муниципальных бюджетов.

Рис. 3. Схема инструментального обеспечения разработки стратегии по результатам комплексного анализа

Fig. 3. Integrated analysis strategy development toolkit

Методы метафор и аналогий позволяют перейти от стратегических решений к формулировкам целей, соответствующим указанным решениям при построении морфологических таблиц «Решения-Цели»¹. Полученные формулировки целей необходимо агрегировать методом парных сравнений в дерево целей, в котором ключевые слова первого уровня декомпозиции позволяют построить вербальную модель самой стратегии — формулировку стратегии начального этапа.

Разработка стратегии для заключительного этапа начинается с обработки первичной информации о Видении Системы, полученной по результатам обработки

¹ Здесь и далее требует пояснений вводимое нами в оборот словосочетание «морфологическая таблица», под ней (в отличие от классической морфологической матрицы) понимается таблица, в которой всего два столбца: один столбец представляет собой совокупность каких-либо выражений, а второй — соответствующие этим выражениям характеристики.

опросных листов стейкхолдеров, анализа эталонных вариантов развития Системы, всевозможных прогностических оценок и оценок в рамках технологии Форсайта [9], что отражено нами на рис. 4.

Сами формулировки Видения классифицируются с использованием метода парных сравнений по отдельным группам. Например: формулировки, представляющие собой мечту стейкхолдеров, идеальное состояние Системы или направление развития. Выделение аспектов формулировок Видения в виде ключевых слов, распределенных по указанным группам, позволяет в последующем из таких ключевых слов синтезировать слоганы Видения.

Переход от слоганов Видения к целям в результате построения морфологической матрицы позволяет перейти к построению дерева целей с помощью все тех же методов экспертных оценок, ключевых слов и ранжирования. А агрегирование ключевых слов формулировок целей первого уровня декомпозиции построенного дерева целей позволяет построить вербальную модель стратегии для заключительного этапа в виде ее формулировки [17, с. 82–87].

Рис. 4. Схема инструментального обеспечения разработки стратегии заключительного этапа
Fig. 4. Final phase strategy development toolkit

Обычно, на этом и заканчивается процедура построения в общих чертах стратегии развития социально-экономических систем для заключительного (третьего) этапа. Однако, на наш взгляд, остается не использованной возможность развития потенциала сформулированных целей. В этом плане нами предлагается перейти от формулировок целей к формулировкам стратегически значимых решений адекватных этим целям. Затем такие решения могут быть встроены в итоговый план реализации стратегии в виде перспективных проектов и программ, которые найдут свое место в дорожной карте [13] стратегии.

Формулирование решений, направленных на достижение целей заключительного этапа, может быть выполнено путем построения таблиц «Цели-Решения» и заполнения таких таблиц на принципах ассоциативного мышления, когда каждой цели ставится в соответствие стратегически значимое решение или несколько решений.

Полученные решения методами парных сравнений и агрегирования выстраиваются в виде иерархически связанных проектов и программ.

Цели заключительного этапа также используются и при разработке стратегии для промежуточного этапа стратегического развития Системы, построенной нами и представленной на рис. 5. Однако начальной процедурой разработки стратегии промежуточного этапа выступают опять-таки результаты формулировок Миссии, данные стейкхолдерами. В таких формулировках выделяются ключевые слова и, с одной стороны, распределяются по группам Видения, а с другой — распределяются по уровням предназначения Системы: для самой Системы, для региона, для всей страны и мира. Здесь применимы не только методы ключевых слов и декомпозиции формулировок, но и методы парных сравнений и классификаций.

Становится возможным получить формулировки слоганов Миссии после того, как будет построена морфологическая матрица, отражающая сочетание ключевых слов как по части их ориентации на слоганы Видения, так и в отношении каждого из уровней предназначения Системы [17, с. 88–96].

Полученные формулировки слоганов Миссии необходимо сопоставить с формулировками целей заключительного этапа стратегии развития, для чего следует заполнить еще одну морфологическую матрицу методом парных сравнений путем ассоциаций так, чтобы получить формулировки целей промежуточного этапа реализации стратегии.

В классическом варианте, теперь можно приступить к структурированию целей, но, поскольку нами определены стратегически значимые решения на начальном и завершающем этапе развития Системы, с нашей точки зрения, полезно перейти к построению морфологической таблицы «Цели-Решения» для промежуточного этапа и заполнить ее, ассоциативно определяя решения, адекватные указанным целям. Построение дерева решений осуществляется методами парных сравнений, агрегирования и последующего придания решениям акцентов проектов и программ реализации стратегии на промежуточном этапе.

Полученная иерархия решений на каждом из этапов реализации стратегии составит в дальнейшем основу стратегического плана.

Однако вернемся к сформулированным целям, которые следует упорядочить, построив их иерархию все теми же методами агрегирования и парных сравнений, но при этом необходимо сопоставить получаемую иерархию с построенными ранее деревьями целей для начального и завершающего этапа реализации стратегии. Согласование заключается в уточнении формулировок целей, парном сравнении и распределении целей по уровням иерархии. Такой подход позволяет получить комплексное дерево стратегически значимых целей для всех трех этапов реализации стратегии.

По результатам уточнения целей промежуточного этапа формулируется стратегия указанного этапа (вербальная модель) за счет агрегирования ключевых слов

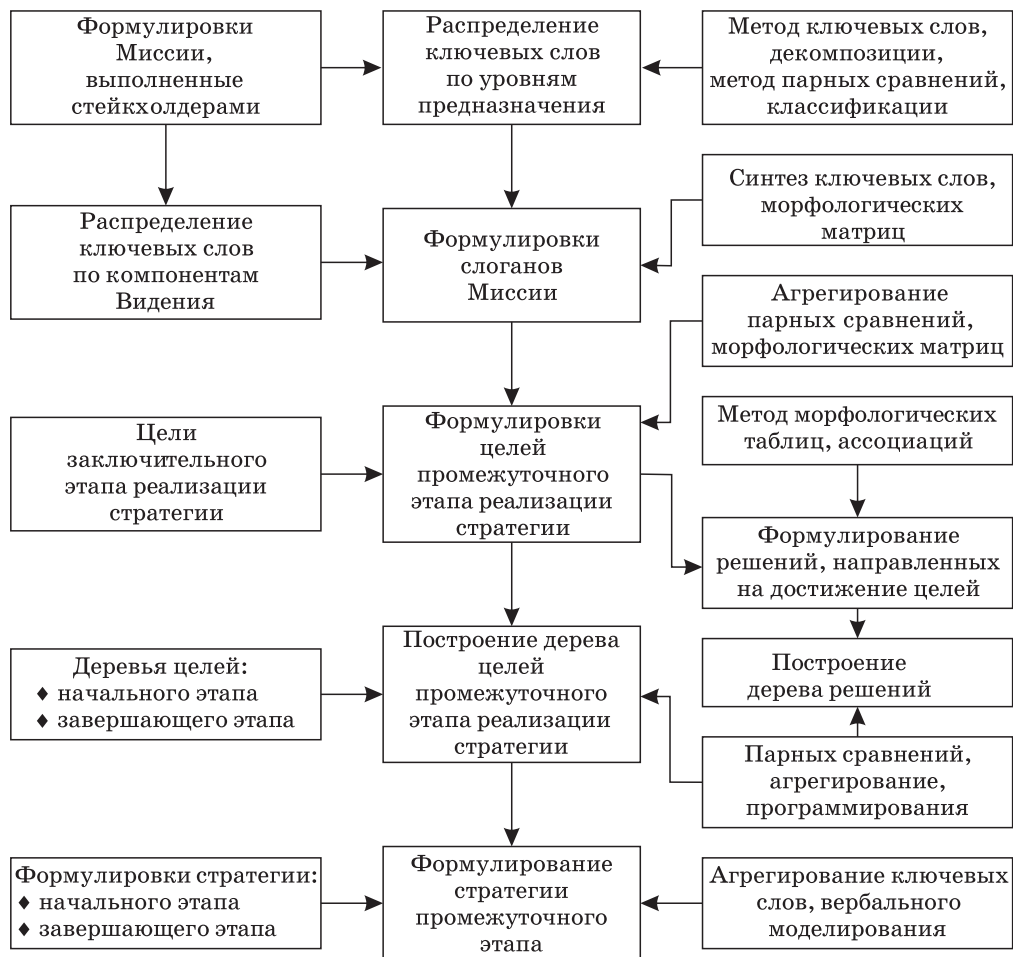

Рис. 5. Схема инструментального обеспечения разработки стратегии промежуточного этапа реализации стратегии

Fig. 5. Strategy development toolkit for the interim phase of the strategy

формулировок целей первого уровня иерархии дерева целей того же этапа, причем сам процесс формулирования сопровождается ассоциацией с разработанными ранее формулировками стратегии на начальном и заключительном этапе развития системы образования региона.

Разработка целевого сценария развития системы образования региона начинается именно с построения иерархии целей по стратегии в целом (рис. 6) методами парных сравнений и агрегирования.

По каждому уровню иерархии целей методом экспертных оценок выполняются парные оценки целей на предмет ранжирования и определения на каждой ветви дерева целей в рамках каждого уровня иерархии наиболее значимых целей для того, чтобы расставить приоритеты по стратегии в целом и приоритеты на каждом этапе стратегического развития.

Далее переход от целей в рамках определенных приоритетов осуществляется путем построения морфологических таблиц «Цели-Ожидаемые результаты», где

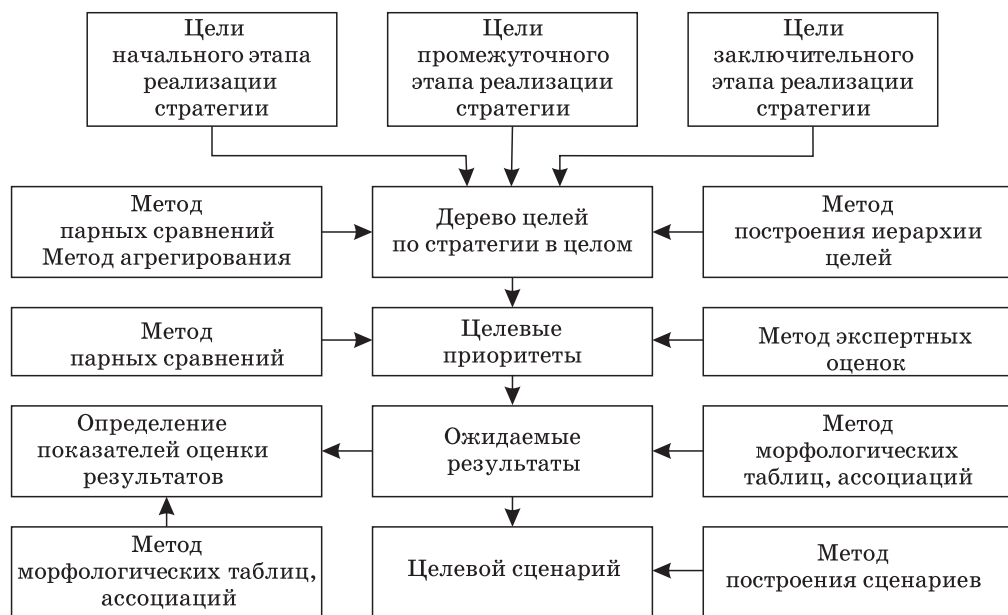

Рис. 6. Схема инструментального обеспечения разработки сценария
Fig. 6. Scenario development toolkit

каждой цели ставится в соответствие тот результат, который может быть получен при достижении указанной цели.

Ожидаемые результаты, с одной стороны, позволяют построить сценарий, как описание возможного состояния Системы на каждом этапе ее развития, а с другой стороны, могут служить основой для построения морфологических таблиц, в которых на базе ассоциаций для каждого результата сформулированы показатели, позволяющие оценивать степень успешности достижения ожидаемого результата.

В качестве дополнения к рассмотренным вариантам распределения инструментов по процедуре разработки стратегии следует отметить возможность получения более значительных результатов при организации групповой работы по возможности всех стейкхолдеров. Так, на этапе комплексного анализа в процессе сбора и оценки первичной информации помимо опросных листов полезны интервью экспертов, в котором методом пять «почему» можно добраться до сути вопросов, интересующих разработчиков.

На этапе подготовки к этапам разработки стратегии полезны методы интерактивного обучения [12] участников группы стратегического планирования, а на этапе самой разработки — приемы геймификации¹ в интересах стратегического планирования.

Этапы разработки стратегии целесообразно насытить инструментами визуализации с последующей вербализацией образов, организации диалогов, технологиями Форсайта и «хакатонов»², а также различными вариантами мозговых штурмов [15].

¹ Геймификация — совокупность игровых методов, позволяющих использовать имитационные ситуации для решения реальных задач.

² Хакатоны — форма взаимодействия разработчиков (специалистов из разных областей знаний и сфер деятельности), в которой они, взаимодействуя, решают какую-либо задачу на время.

В целом, групповая работа сопровождается рефлексией и корректировкой ментальных моделей [10] разработчиков, что способствует командообразованию [11] потенциальных участников последующей реализации проектов и программ разработанной стратегии.

Таким образом, разработана система последовательных алгоритмов, обеспеченная совокупностью инструментов построения стратегии развития социально-экономических систем региона, отличающаяся возможностью определения основного содержания стратегии на начальном, промежуточном и заключительном этапе реализации стратегии, причем содержание стратегии согласовано как в части преемственности проектов и программ, так и в отношении целей развития социально-экономической системы региона.

Предложена совокупность инструментов определения стратегически значимых проектов и программ заключительного и промежуточного этапов реализации стратегии, отличающаяся построением морфологических таблиц на базе ассоциативного перехода от целей указанных этапов реализации стратегии к решениям, ориентированным на достижение указанных целей, что позволяет еще на начальном этапе стратегического развития системы образования региона предусмотреть соответствующие проекты и программы в стратегическом плане.

Сформированы инструменты согласования стратегически значимых решений по всему циклу стратегического развития системы образования региона, отличающиеся тем, что решения начального, промежуточного и заключительного этапов структурированы методами парных сравнений, агрегирования и вербального моделирования с последующим построением дерева решений для каждого этапа и комплексного дерева решений, что обеспечивает согласованность решений по этапам и возможность ранжирования в разрезе ветвей итогового дерева целей и его уровней, что в свою очередь позволяет рационально распределять ресурсы при реализации стратегического плана.

Показана процедура построения дерева целей промежуточного этапа реализации стратегии, отличающаяся тем, что распределение целей указанного этапа по уровням иерархии и внутри каждого уровня осуществляется по согласованию с целями начального и заключительного этапов реализации стратегии, что позволяет выстроить систему стратегических целей, комплексно отражающую целевую ориентацию развития системы образования региона на протяжении заданного в регионе интервала стратегического планирования.

Разработана процедура формирования стратегии развития на промежуточном этапе реализации стратегии, отличающаяся тем, что при агрегировании ключевых слов целей развития на промежуточном этапе построение вербальной модели формулировки стратегии ассоциативно учитываются формулировки стратегии начального и заключительного этапов реализации стратегии, что позволяет обеспечить согласованность формулировок стратегии на всех этапах развития системы образования региона и дает возможность сформулировать интегральный слоган развития указанной системы на весь период стратегического планирования.

Литература

1. Антипин И. А. Определение миссии и целей развития территории: единые правила стратегирования // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 8 (61). С. 53–58.
2. Бобылев С. Н. Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономики. 2020. № 1. С. 67–83.
3. Дженстер П., Хасси Д. Анализ сильных и слабых сторон компании: определение стратегических возможностей. М. : Издательский дом «Вильямс», 2003. 368 с.
4. Дирлав Д. Избранные концепции бизнеса. Теории, которые изменили мир. М. : ЗАО «Олимп-Бизнес», 2007. 336 с.

5. Добрынина Н. И., Бабушкина Е. В. Разработка стратегии интернационализации: подходы и инструменты // *Primo aspectu*. 2020. № 4 (44). С. 45–53.
6. Кириллова В. Э., Закирова А. Р. Развитие методического инструментария управленческого консультирования // *Казанский педагогический журнал*. 2018. № 2. С. 213–218.
7. Комплексный анализ в стратегическом развитии региона: монография / под ред. Ю. Н. Лапыгина. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. 254 с.
8. Крюгерус М. Книга решений. 50 моделей стратегического мышления. М. : ЗАО «Олимп-Бизнес», 2012. 208 с.
9. Крюков С. В. Форсайт: от прогноза к формированию будущего // *Terra Economicus*. 2010. Т. 8. № 3–2. С. 7–17.
10. Ксенчук Е. В. Системное мышление. Границы ментальных моделей и системное видение мира. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011. 368 с.
11. Лапыгин Д. Ю., Лапыгин Ю. Н. Построение команды : учеб. пособие. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. 199 с.
12. Лапыгин Ю. Н. Методы активного обучения : учебник. М. : Юрайт, 2020. 234 с.
13. Логинов М. П. Дорожные карты: понятие, сущность, классификация // *Проблемы управления*. 2017. № 5. С. 2–17.
14. Микалко М. Взламывая стереотипы. 9 стратегий креативного гения. СПб. : Питер, 2009. 352 с.
15. Панфилова А. П. Мозговые штурмы в коллективном принятии решений : учеб. пособие. СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2005. 317 с.
16. Стратегии социально-экономического развития муниципального образования Гороховецкий район Владимирской области на период до 2030 года : отчет о НИР (заключ.) / Владимирский филиал РАНХиГС; рук. Ю. Н. Лапыгин; исполн.: С. А. Болтунов [и др.]. М., 2020. 332 с.
17. Тулинова Д. В., Лапыгин Д. Ю., Лапыгин Ю. Н. Стратегические приоритеты развития региона : монография. Владимир : Издательство Владимирского филиала РАНХиГС, 2020. 192 с.
18. Шалак В. И. Современный контент-анализ. Приложения в области: политологии, психологии, культурологии, экономики, рекламы. М. : Омега-Л, 2004. 272 с.
19. Шпакова Р. Н. План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития региона как документ стратегического планирования: проблемы регулирования и практики применения // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2018. № 3. С. 92–97.

Об авторах:

Лапыгин Юрий Николаевич, профессор кафедры менеджмента Владимирского филиала РАНХиГС (г. Владимир, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; lapygin.y@gmail.com

Болтунов Сергей Александрович, аспирант Владимирского филиала РАНХиГС (г. Владимир, Российская Федерация); boltunov_sa@mail.ru

References

1. Antipin I. A. Definition of the mission and goals of development of the territory: uniform rules for strategizing // *Society: politics, economics, law* [Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo]. 2018. N 8 (61). P. 53–58.
2. Bobylev S. N. Sustainable Development: A New Vision for the Future? // *Questions of political economy* [Voprosy politicheskoi ekonomii]. 2020. N 1. P. 67–83.
3. Jenster P., Hussey D. Analysis of the strengths and weaknesses of the company: the definition of strategic opportunities: trans. from English. M. : Publishing house "Williams", 2003. 368 p.
4. Dirlav D. Selected concepts of business. Theories that changed the world. M. : CJSC "Olymp-Business", 2007. 336 p.
5. Dobrynina N. I., Babushkina E. V. Development of an internationalization strategy: approaches and tools // *Primo aspectu*. 2020. N 4 (44). P. 45–53.
6. Kirillova V. E., Zakirova A. R. Development of methodological tools for management consulting // *Kazan pedagogical journal* [Kazanskii pedagogicheskii zhurnal]. 2018. N 2. P. 213–218.
7. Complex analysis in the strategic development of the region : monograph / Ed. Yu. N. Lapygin. Vladimir: Vladimir branch of RANEPa, 2020. 254 p.

8. Krogerus M. Book of solutions. 50 models of strategic thinking. M. : CJSC "Olymp-Business", 2012. 208 p.
9. Kryukov S.V. Foresight: from forecasting to shaping the future // Terra Economicus. 2010. Vol. 8. N 3–2. P. 7–17.
10. Ksenchuk E.V. Systems thinking. The boundaries of mental models and a systemic vision of the world. M. : Publishing House Delo of RANEPa, 2011. 368 p.
11. Lapygin D.Yu., Lapygin Yu.N. Team Building : Tutorial. Vladimir : Vladimir branch of RANEPa, 2020. 199 p.
12. Lapygin Yu.N. Active learning methods : textbook. M. : Urayt, 2020. 234 p.
13. Loginov M.P. Roadmaps: concept, essence, classification // Control Sciences [Problemy upravleniya]. 2017. N 5. P. 2–17.
14. Mikalko M. Breaking stereotypes. 9 strategies of a creative genius. SPb. : Piter, 2009. 352 p.
15. Panfilova A.P. Brainstorming in Collective Decision Making: A Study Guide. SPb. : IVESEP, Knowledge, 2005. 317 p.
16. Strategies for the socio-economic development of the municipal formation Gorokhovetsky district of the Vladimir region for the period up to 2030 [Text]: research report (conclusion) / Vladimir branch of RANEPa; Yu.N. Lapygin; executed.: S.A. Boltunov [and others]. M., 2020. 332 p.
17. Tulinova D.V., Lapygin D.Yu., Lapygin Yu.N. Strategic priorities for the development of the region : monograph. Vladimir : Publishing house of the Vladimir branch of RANEPa, 2020. 192 p.
18. Shalak V.I. Modern content analysis. Applications in the field of: political science, psychology, cultural studies, economics, advertising. M. : Omega-L, 2004. 272 p.
19. Shpakova R.N. Action plan for the implementation of the strategy of socio-economic development of the region as a strategic planning document: regulation problems and application practice // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law [Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava]. 2018. N 3. P. 92–97.

About the authors:

Yury N. Lapygin, Professor of Department of Management of Vladimir Branch of RANEPa (Vladimir, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; lapygin.y@gmail.com

Sergey A. Boltunov, Postgraduate Student of Vladimir Branch of RANEPa (Vladimir, Russian Federation); boltunov_sa@mail.ru

Потребность региональных рынков труда в специалистах среднего звена и приоритеты выпускников СПО в вопросах трудоустройства*

Ломтева Е. В. *, Бедарева Л. Ю., Полушкина А. О.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *lomteva-ev@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены проблемы дисбаланса спроса и предложения на региональных рынках труда, роль профориентации в выборе профессии, раскрыты основные управленческие решения для регулирования контрольных цифр приема с учетом требований рынка труда. Авторами приведены примеры расчета дисбаланса спроса и предложения в кадрах на региональных рынках труда (на примере потребности региона в медицинских работниках среднего звена). В статье рассмотрены аспекты трудоустройства выпускников профессиональных образовательных организаций, включая трудовую миграцию и международный опыт. В результате проведенного исследования авторами были выявлены и сформулированы общие закономерности трудовой миграции выпускников профессиональных образовательных организаций и пути решения по сокращению оттока трудовых ресурсов из региона. Отдельно авторами рассмотрено трудоустройство выпускников системы СПО в Москве и Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, рынок труда, профессиональная ориентация, трудоустройство, миграция

Для цитирования: Ломтева Е. В., Бедарева Л. Ю., Полушкина А. О. Потребность региональных рынков труда в специалистах среднего звена и приоритеты выпускников СПО в вопросах трудоустройства // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 122–129.

The Need for Regional Labor Markets for Mid-Level Specialists and the Priorities of Graduates of Secondary Vocational Education in Employment Issues

Elena V. Lomteva*, Larisa Yu. Bedareva, Anna O. Polushkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; *lomteva-ev@ranepa.ru

ABSTRACT

The article considers the problems of imbalance of supply and demand in regional labor markets, as well as the role of career guidance in choosing a profession. The article discloses the main management decisions for regulating reception targets, taking into account labor market requirements. The authors give examples of calculating the imbalance of supply and demand in personnel in regional labor markets using the example of the region's need for mid-level medical workers. The article considers the aspects of employment of graduates of professional educational organizations, including labor migration and international experience. As a result of the study, the authors identified and formulated the general laws of labor migration of graduates of professional educational organizations and solutions to reduce the outflow of labor resources from the region. Separately, the authors examined the employment of graduates of the SVE (secondary vocational education) system in Moscow and St. Petersburg.

* Статья выполнена в рамках темы Государственного задания РАНХиГС № 11.5 «Исследование моделей трансформации региональных систем среднего профессионального образования и их потребности в ресурсном обеспечении» на 2021 г.

The article was completed within the framework of the topic of the State Task of the RANEPА N 11.5 “Study of models for the transformation of regional systems of secondary vocational education and their need for resource support” for 2021.

Keywords: secondary vocational education, labor market, vocational guidance, employment, migration

For citing: Lomteva E.V., Bedareva L.Yu., Polushkina A.O. The Need for Regional Labor Markets for Mid-Level Specialists and the Priorities of Graduates of Secondary Vocational Education in Employment Issues // Administrative consulting. 2021. N 5. P. 122–129.

В последние несколько лет прослеживается четкая тенденция роста престижа среднего профессионального образования (далее — СПО), все больше выпускников 9-х и 11-х классов выбирают обучение в профессиональных образовательных организациях. Однако не всегда этот выбор происходит осознанно, часть выпускников школ, особенно 9-х классов, в силу своего возраста и недостатка информации не могут профессионально самоопределиваться. Молодежь в этом возрасте больше ориентируется на мнение родителей, часто складывается ситуация, когда выбираются профессии и специальности, вокруг которых создается искусственный ажиотаж. Правильно выбрать специальность и помочь сориентироваться в большом массиве информации, связанной с вопросами поступления и выбора профессиональных образовательных организаций (ПОО), востребованными на рынке труда профессиями, призвана профориентация школьников.

Практика профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи широко распространена в развитых странах мира. Например, в США, Канаде, странах ЕС знакомство с различными видами трудовой деятельности начинается со средней школы и охватывает большое число молодежи, обучающейся в старших классах школы или колледжах. В США и Канаде существуют государственные порталы для учащихся, которые представляют программы дней открытых дверей, центры самооценки и очной оценки с целью дальнейшего определения профессионального направления, а также молодежные программы по стажировкам и ознакомительным визитам в различные компании. Такие порталы существуют на уровне департамента образования страны и отдельных регионов (штатов). В странах ЕС программы профессиональной ориентации представлены на общеевропейском портале CEDEFOP, концентрирующем информацию о развитии среднего профессионального образования ЕС. На портале содержатся рекомендации по организации мероприятий профессиональной ориентации и данные по наиболее востребованным профессиям в странах ЕС.

Проблемы профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи в разных странах имеют специфическую региональную составляющую. Так, авторы журнала «Образование в странах Средиземноморья» в своих работах¹ отмечают сходные проблемы для всех стран данного региона. Они пишут, что специфическое располложение и приоритет отраслей туризма и сельского хозяйства в экономике означает сильные колебания спроса на рабочую силу в зависимости от сезона. Сильное влияние на выбор профессий и дальнейшее обучение оказывает сложившееся у населения мнение о престижности высшего образования при крайне низкой популярности СПО. Особенно это заметно в странах, не являющихся членами ЕС (Ливан, Марокко, Палестина и др.), что возможно связано с низкой оплатой труда у рабочих специальностей, а также распространенности традиционных ремесел, которые не требуют обучения в системе формального образования. Р. Салтана отмечает, что

¹ Career Guidance and Livelihood Planning across the Mediterranean: Challenging Transitions in South Europe and the MENA Region / ed. by Sultan R. G. Sense Publishers, 2017.

схожие различия наблюдаются между южными и северными странами ЕС, в центральной и северной Европе популярность рабочих специальностей намного выше. Результат можно проследить в динамике развития систем СПО разных стран: популярность программ среднего профессионального и дуального образования в Германии, Дании, Австрии выше, чем в Греции и Ливии. Выбор этих программ также намного больше, а в экономике северных стран выше спрос на квалифицированных рабочих, в том числе иностранных.

Трудовая миграция рассматривается в ежегодных исследованиях статистики рынков труда стран ОЭСР¹. Значительную ее часть составляют беженцы и иммигранты из других стран. Активное привлечение квалифицированных специалистов в развитые страны ЕС (Германия, Италия, Франция) заставляет страны-доноры в свою очередь привлекать специалистов извне. В результате этого движения регулярно поднимается вопрос об обучении находящейся в стране молодежи, не имеющей квалифицированного образования или с квалификацией, непризнанной страной пребывания. Исследователи из команды ЮНЕСКО² отмечают обратную проблему: согласно данным отчета об образовании во многих странах затруднен доступ к высшему и среднему профессиональному образованию для мигрантов и беженцев из других стран. Основной проблемой является не языковой барьер, а вопрос признания образования, полученного в родных странах. При наличии спроса на специалистов СПО на рынках труда в некоторых странах Евросоюза (Германия, Швеция) встал вопрос об упрощении процедуры признания дипломов и сертификаций.

Страны с высоким уровнем трудовой эмиграции (и низким уровнем экономики) могут начать вкладываться в обучение специалистов на экспорт. Так, Бангладеш, Филиппины, Шри-Ланка, Молдова организовали расширенные программы подготовки специалистов СПО, ориентированные на последующую работу за рубежом. Со своей стороны, Канада, как одна из стран — импортеров трудовой миграции, инвестирует в программы поддержки специалистов с СПО и высшим образованием.

Прогнозирование потребности в профессиональных кадрах является в настоящее время одним из главных вопросов, стоящим перед системой среднего профессионального образования и рынком труда. Проблема нехватки молодых специалистов в регионах ощущается достаточно остро. По данным официальной статистики региональные рынки труда в основном испытывают потребность в специалистах среднего звена и квалифицированных рабочих кадрах (рис. 1).

В рамках исследования при анализе спроса на специалистов среднего звена рассматривались текущие потребности региональных рынков труда в наиболее востребованных специалистах.

Исследуя проблему спроса и предложения рабочей силы на рынке труда, был проанализирован дисбаланс спроса на квалифицированные кадры и выпуск профессиональных образовательных организаций региона. В качестве примера приведены данные прогнозной потребности Костромской области в специалистах со средним медицинским образованием на период с 2019 по 2025 гг., полученные по методике, разработанной ЦЭНО РАНХиГС³. Сравнение прогнозной потребности

¹ OECD Labour Force Statistics 2019 // OECD (2019). Электрон. журн. Paris : OECD Publishing, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/employment/oecd-labour-force-statistics-2019_g2g9fb3e-en (дата обращения: 30.04.2020).

² Global education monitoring report, 2019: Migration, displacement and education: building bridges, not walls / Группа подготовки Всемирного доклада по мониторингу образования. Paris : UNESCO, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265866> (дата обращения: 30.04.2020).

³ Центр экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

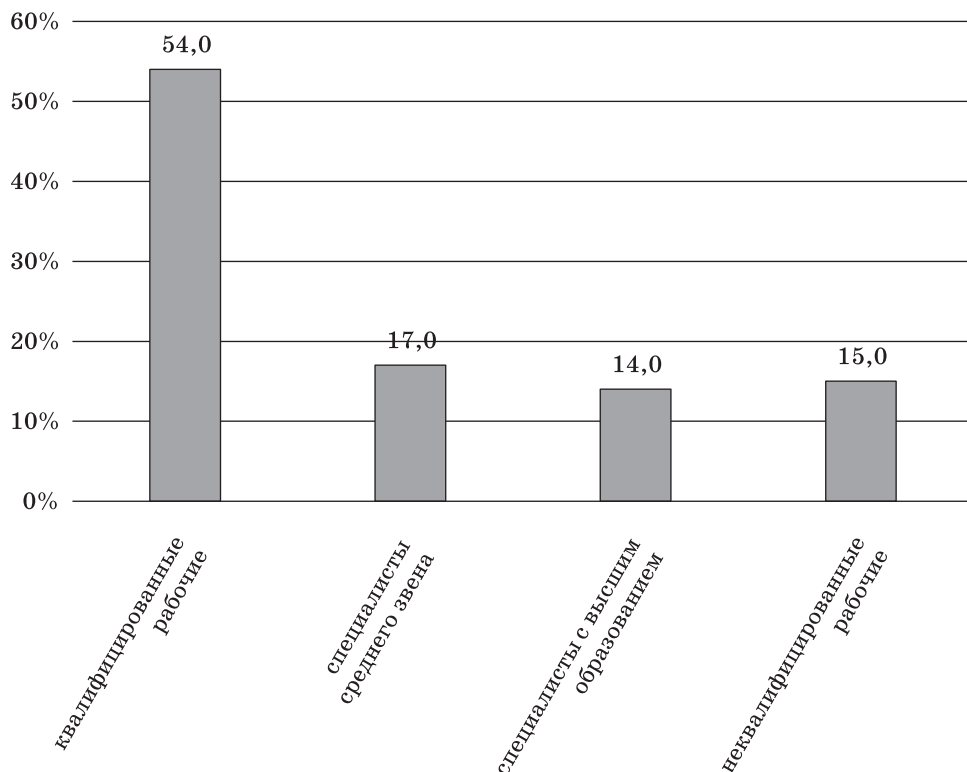

Рис. 1. Структура потребности в кадрах по уровням образования, за 2019 г. по России в целом

Fig. 1. The structure of staffing requirements by educational level, for 2019 in Russia

Источник: Сводный прогноз потребности отраслей экономики и социальной сферы Костромской области в кадрах на 2019–2025 гг. / Департамент экономического развития Костромской области [Электронный ресурс]. URL: <http://dep-economy44.ru/deyatelnost-departamenta/soceko-polozhenie/prognozpotrebnostivkadrah> (дата обращения: 27.04.2020).

в медицинских кадрах по данным Департамента экономического развития Костромской области с предполагаемым выпуском ПОО по данной специальности на бюджетной и договорной основе представлено на рис. 2.

Согласно данным, представленным на рис. 2, вплоть до 2023 г. в Костромской области так и не будет достигнуто полное обеспечение потребности в кадрах со средним медицинским образованием.

В целом, доля трудоустроенных выпускников профессиональных образовательных организаций Костромской области в 2018 г. составило 64,0%, в то время как в 2016 г. этот же показатель составлял 70,0%. Снижение доли трудоустройства выпускников ПОО можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, некоторая доля выпускников системы СПО не выходит на рынок труда, а считает необходимым продолжить свое обучение в образовательных организациях высшего образования. Во-вторых, это может быть связано с тем, что направления подготовки в образовательных организациях СПО не в полной мере соответствуют потребностям региона, а также с тем, что выпускники школ выбирают «престижные» специальности для поступления, не учитывая специфику регионального рынка труда. И в-третьих,

Рис. 2. Сравнение прогнозной потребности Костромской области в медицинских кадрах среднего звена и их предполагаемым выпуском ПОО (бюджет и договор), чел.

Fig. 2. Comparison of the forecasted needs of the Kostroma region in medical personnel of the middle level and their prospective release from professional educational organizations (budget and contract), persons

работодателей не устраивает качество подготовки выпускников профессиональных образовательных организаций.

Учтем, что прогнозная потребность региона в профессиональных кадрах базируется в основном на данных, предоставляемых крупными предприятиями региона, представители малого и среднего бизнеса не участвуют в опросах, поэтому реальная картина спроса и предложения на рынке труда не совпадает с прогнозируемой.

Однако это не относится к востребованным специальностям. Так, в Костромской области в 2018 г. наибольшие показатели трудоустроенных выпускников зафиксированы по следующим специальностям (расчет произведен относительно общей численности выпускников по соответствующей программе подготовки)¹:

- Образование и педагогические науки — 84,0%;
- Сестринское дело — 85,0%.

В сравнении с Костромской областью прогнозная потребность в специалистах со средним медицинским образованием в Сахалинской области выглядит иначе (рис. 3). Согласно прогнозу потребности регионального рынка труда в медицинских кадрах среднего звена² и выпуска медицинского персонала со средним профессиональным образованием, в 2023 г. выпуск ПОО превысит потребность региона. Поэтому в этой ситуации можно предложить снижение контрольных цифр приема по данной специальности и расширение спектра услуг в сфере дополнительного профессионального образования.

¹ Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/labour_force (дата обращения: 27.04.2020).

² Сводный прогноз потребности отраслей экономики и социальной сферы Сахалинской области в кадрах на 2019–2025 гг. /Агентство по труду и занятости населения Сахалинской области [Электронный ресурс]. URL: <http://tzn.sakhalin.gov.ru/about/analiticheskaja-informacija/prognoz-potrebnosti-v-kadrah-sakhalinskoi-oblasti/> (дата обращения: 27.04.2020).

Рис. 3. Сравнение прогнозной потребности Сахалинской области в медицинских кадрах среднего звена и их предполагаемым выпуском ПОО (бюджет и договор), чел.
 Fig. 3. Comparison of the forecasted needs of the Sakhalin region for mid-level medical personnel and their prospective release from professional educational organizations (budget and contract), persons

Наибольший процент трудоустроенных выпускников в 2018 г. в Сахалинской области наблюдался по перечисленным ниже специальностям (расчет произведен относительно общей численности выпускников по соответствующей программе подготовки)¹:

- Образование и педагогические науки — 81,0%;
- Клиническая медицина — 91,0%.

В 2016 г. в Сахалинской области было трудоустроено 68,0% выпускников ПОО, в 2018 г. доля трудоустроенных выпускников профессиональных образовательных организаций осталась на прежнем уровне — 68,8%.

Эти данные по трудоустройству выпускников системы среднего профессионального образования, с одной стороны, свидетельствуют о том, что существует проблема несоответствия запроса регионального рынка труда и программ подготовки ПОО, а с другой стороны — подтверждают, что существует трудовая миграция выпускников в другие регионы. Большинство выпускников профессиональных образовательных организаций, трудоустроившихся не в своем регионе, в качестве приоритетных направлений переезда выбирают Москву и Санкт-Петербург².

¹ Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/labour_force (дата обращения: 27.04.2020).

² Сводный прогноз потребности отраслей экономики и социальной сферы Костромской области в кадрах на 2019–2025 гг. / Департамент экономического развития Костромской области [Электронный ресурс]. URL: <http://dep-economy44.ru/deyatelnost-departamenta/socekopolozhenie/prognozpotrebnostivkadrah> (дата обращения: 27.04.2020).

Доли выпускников ПОО регионов ЦФО, трудоустроившихся в Санкт-Петербурге и Москве, относительно всех уехавших и трудоустроенных в других регионах, %
 Table. Shares graduates professional educational organizations of the Central Federal District regions employed in St. Petersburg and Moscow relative to all those who left and were employed in other regions, %

Область	Трудоустроившиеся в Москве	Трудоустроившиеся в Санкт-Петербурге
Белгородская	29,2	14,1
Брянская	54,1	9,9
Владимирская	51,1	9,4
Воронежская	36,8	11,7
Ивановская	35,7	2,1
Калужская	59,9	9,9
Костромская	31,8	12,8
Курская	39,6	9,2
Липецкая	40,4	12,1
Московская	64,6	7,9
Орловская	53,4	8,4
Рязанская	58,4	8,3
Смоленская	62,4	9,6
Тамбовская	52,1	8,1
Тверская	43,9	24,3
Тульская	60,8	11,5
Ярославская	49,1	15,3
г. Москва	—	14,6

Источник: Министерство образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://spo.graduate.edu.ru> (дата обращения: 30.04.2020 г.).

Картина миграционных потоков трудоустроенных выпускников системы среднего профессионального образования представлена на примере регионов Центрального федерального округа (табл.) (данные за 2016 г.).

Выводы

В силу слабой профориентационной работы в школах молодежь зачастую делает ставку на выбор «модных» специальностей, не задумываясь о дальнейшей профессиональной карьере и возможности трудоустройства по данной специальности.

Многие специалисты, получившие среднее профессиональное образование в регионах, несмотря на высокую востребованность, как правило, не получают достойную оплату труда и переезжают в более перспективные, на их взгляд, регионы, что приводит к увеличению дисбаланса на региональных рынках труда.

Зачастую в регионах, где наблюдается довольно высокий дефицит тех или иных специалистов со средним профессиональным образованием, не проводится долж-

ной работы по прогнозированию их необходимой численности и согласованию полученной потребности с устанавливаемыми контрольными цифрами приема на эти специальности в ПОО.

Нельзя не отметить, что у некоторых выпускников ПОО за время обучения сформировываются довольно завышенные требования к предполагаемой работе (особенно к размеру заработной платы), поскольку в последние годы довольно значительная их часть учится на договорной (т. е. платной) основе.

Выпускники региональных ПОО, не нашедшие себе достойного, с их точки зрения, рабочего места, стараются уехать в другие более перспективные для карьерного роста регионы, особенно привлекательными для них становятся Санкт-Петербург и Москва.

Об авторах:

Ломтева Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); lomteva-ev@ranepa.ru

Бедарева Лариса Юрьевна, старший научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); lara-2006@mail.ru

Полушкина Анна Олеговна, старший научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); polushkina-ao@ranepa.ru

About the authors:

Elena V. Lomteva, PhD (Education), Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Continuing Education Economics, Institute of Applied Economic Research of RANEPa, Moscow, Russian Federation; lomteva-ev@ranepa.ru

Larisa Yu. Bedareva, Senior Researcher of the Center for Economics of continuing education, Institute of applied economic research of RANEPa, Moscow, Russian Federation; lara-2006@mail.ru

Anna O. Polushkina, Senior Researcher of the Center for Economics of continuing education, Institute of applied economic research of RANEPa, Moscow, Russian Federation; polushkina-ao@ranepa.ru

Теория и практика первичной адаптации как фактор удержания молодых специалистов на предприятиях горнодобывающей отрасли России

Ковальчук Д. М.¹, Смагин М. А.², *

¹Айхальский горно-обогатительный комбинат Акционерной компании «АЛРОСА», пгт Айхал, Республика Якутия, Российская Федерация

²Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *masmagin@rambler.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена актуальной проблеме удержания молодых специалистов на предприятиях российской горнодобывающей отрасли. В ней определено значение такого важного направления работы служб управления персоналом, как первичная адаптация, для успешного решения данной проблемы. Раскрыто комплексное содержание программ адаптации молодых специалистов и обозначены основные стратегии их удержания в современных условиях. На теоретическом уровне рассмотрения проблемы использовались общенаучные методы исследования, а также конкретно-социологический анализ и контент-анализ трудов ведущих российских ученых в области управления персоналом. Прикладное значение статьи состоит в описании практической работы служб управления персоналом Акционерной компании «АЛРОСА» по удержанию молодых специалистов на предприятиях горнодобывающей отрасли.

Ключевые слова: удержание персонала, первичная адаптация, профессиональная адаптация, организационная адаптация, социально-психологическая адаптация

Для цитирования: Ковальчук Д. М., Смагин М. А. Теория и практика первичной адаптации как фактор удержания молодых специалистов на предприятиях горнодобывающей отрасли России // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 130–145.

Theory and Practice of Primary Adaptation as a Factor in Retaining Young Specialists at the Enterprises of the Mining Industry in Russia

Diana M. Kovalchuk¹, Mikhail A. Smagin², *

¹Aikhal Mining and Processing Plant of the Joint-Stock Company "ALROSA", Aikhal, Republic of Yakutia, Russian Federation

²Baltic State Technical University "Voennmekh" named after D.F. Ustinov, St. Petersburg, Russian Federation; *masmagin@rambler.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the urgent problem of retaining young specialists at the enterprises of the Russian mining industry. It defines the importance of such an important area of work of personnel management services, as primary adaptation, for the successful solution of this problem. The complex content of adaptation programs for young specialists is revealed and the main strategies for their retention in modern conditions are outlined. At the theoretical level of consideration of the problem, general scientific research methods were used, as well as specific sociological analysis and content analysis of the works of leading Russian scientists in the field of personnel management. The applied significance of the article is to describe the practical work of the personnel management services of the Joint Stock Company ALROSA to retain young specialists at the mining industry enterprises.

Keywords: staff retention, primary adaptation, professional adaptation, organizational adaptation, socio-psychological adaptation

Наметившееся в прошедшее десятилетие XXI века оживление российской экономики, прежде всего отраслей реальной сферы народного хозяйства, выявило проблему, которую исследователи называют «разрывом поколений» в естественной преемственности старшего, среднего и молодого возрастов специалистов производственных отраслей экономики.

Обозначенная проблема наиболее остро стоит в нашей горнодобывающей отрасли, предприятия которой расположены в основном в отдаленных и труднодоступных регионах страны с недостаточно развитой социальной инфраструктурой и ограниченным демографическим потенциалом.

Концепция так называемого «Моста поколений», сформулированная в рамках перспективной кадровой политики многих российских корпораций и крупных промышленных предприятий и нацеленная на прямую передачу опыта и знаний старшего поколения технических специалистов молодым специалистам, минуя «провал» крайне немногочисленного и во многом инертного поколения 40-летних «спецов», будет иметь практический успех только при условии прочности одной из главных «опор моста» — успеха мероприятий по удержанию молодых специалистов технических профессий на производственных предприятиях России.

В настоящее время в российских горнодобывающих предприятиях проводятся разнообразные мероприятия, направленные на удержание молодых специалистов, принятых на работу в данные предприятия. Их основой являются разработанные программы первичной адаптации молодых специалистов, а также различные программы профессионального, карьерного, социального и культурного развития рабочих и инженерно-технической молодежи. Однако проблема удержания молодых специалистов-геологов и других связанных технических профессий на горнодобывающих предприятиях, особенно находящихся в отдаленных местностях нашей страны, все еще остается актуальной.

В данной статье будут рассмотрены ключевые теоретические вопросы и практика работы служб управления персоналом предприятий Акционерной компании «АЛРОСА» по адаптации молодых специалистов и последующего удержания их в горнодобывающей отрасли.

Стратегии удержания персонала: введение в проблему

Удержание персонала — это комплекс мероприятий, организуемых и проводимых службой управления персоналом в целях сохранения критически важного для эффективной деятельности предприятия профессионального и интеллектуального потенциала своих работников. Успех работы по удержанию персонала во многом зависит от того, насколько ясно и полно руководители предприятия понимают и осознают жизненно важные профессиональные и бытовые проблемы своих работников и готовы деятельно способствовать в их разрешении.

Существуют три основных стратегии удержания персонала.

Стратегия стимулирования. В современных условиях эта стратегия чаще других реализуется в практике удержания персонала. Она заключается в поддержании повышенного по сравнению со среднерыночным *материального (прежде всего — денежного) стимулирования* и установления расширенных социальных компенсаций и льгот. Однако материальное денежное стимулирование, составляющее смысловой и практический «стержень» данной стратегии, ограничено

в своей эффективности по продолжительности воздействия и требует наличия у предприятия значительных конкурентных преимуществ на рынке труда. А установленные типовые «пакеты» социальных компенсаций и льгот могут не в полной мере удовлетворять индивидуальным потребностям и предпочтениям всех секторов профессиональной и демографической структуры персонала конкретного предприятия.

Стратегия развития делает акцент на профессиональный и карьерный рост сотрудников предприятия. Наличие на предприятии четко обозначенных карьерных перспектив для основных категорий персонала существенно влияет на решение специалистов, особенно молодых и талантливых, оставаться на своем предприятии на длительный срок. И наоборот — неясные карьерные перспективы являются одной из причин высокой текучести квалифицированных кадров на современных предприятиях. Пропагандировавшаяся в былое время идея «трудовых династий», основанная на принципе так называемого «пожизненного найма», сама по себе уже не отвечает как профессиональным и жизненным целям молодых специалистов, так и вызовам и динамике современного рынка труда.

Практической реализацией данной стратегии является систематическая работа служб управления персоналом по планированию карьеры и непрерывному образованию сотрудников. При этом особенно важно применять современные технологии управления карьерой и профессиональным развитием персонала: проводить ежегодную комплексную оценку работников по компетенциям и ключевым показателям эффективности деятельности; создавать многоуровневые планы замещения критически важных должностей предприятия; формировать специализированный кадровый резерв для служебно-профессионального продвижения руководителей и специалистов; осуществлять внутрифирменную профессиональную ориентацию молодых специалистов предприятия и др.

Стратегия вовлечения основывается на том концепте, что сотрудники, вовлеченные в процесс принятия решений на различных уровнях управления предприятием, с большей вероятностью будут трудиться на нем в течение длительного времени потому, что в системе их мотивации (в ее так называемом «мотивационном ядре») формируется социально обусловленная потребность быть причастным к общезначимому, важному и ответственному делу. Это достигается не только разъяснением корпоративных ценностей, миссии и стратегических целей предприятия, но и регулярным информированием о состоянии, успехах и проблемах текущей производственной деятельности в сочетании с действенной обратной связью — побуждением работников к высказыванию своих замечаний и деловых предложений по актуальным вопросам производства и управления предприятием.

Кадровая политика, нацеленная на эффективное удержание квалифицированных специалистов, должна основываться на оптимальном ситуативном сочетании рассмотренных стратегий. При этом реализация стратегий удержания должна начинаться уже в период адаптации принятых на предприятие конкретных работников.

Каких же сотрудников следует удерживать?

Существует устойчивое и в целом справедливое мнение, что работа по удержанию персонала должна сосредотачиваться на высококвалифицированных и ключевых сотрудниках, критически важных для устойчивого каждодневного функционирования предприятия, внедрения инноваций и достижения стратегических целей. А также — на так называемых узких специалистах, быстро найти которых на рынке труда весьма непросто; и рабочих уникальных профессий, подготовка по которым на самом предприятии требует значительных одноразовых затрат сил, средств и времени.

Мы же убеждены, что объектом стратегий удержания должны быть и талантливые молодые специалисты, проявившие в период своей первичной адаптации началь-

ный профессиональный и управленческий потенциал для дальнейшего ускоренного развития и карьерного роста.

Первичная адаптация: очерк теории вопроса

В самом общем смысле адаптация представляет собой процесс приспособления человека (индивида и личности) к новым или коренным образом изменившимся условиям его жизни, социального и индивидуального становления, телесного и духовного бытия. Процесс этот по времени растянут почти «длиною в жизнь», а по содержанию включает практически все стороны человеческой жизнедеятельности. Одной из важнейших составляющих адаптации человека в его жизнедеятельности является трудовая адаптация, которая начинается с момента реального включения человека в общественно значимую и организационно оформленную трудовую деятельность.

Трудовая адаптация (далее для краткости мы будем использовать общий термин «адаптация») является одним из базовых направлений практики управления персоналом в современных условиях. В качестве особого вида адаптации в исследованиях по данному предмету выделяется *адаптация молодых специалистов*, впервые пришедших в трудовой коллектив после окончания среднего специального или высшего профессионального образовательного учреждения. Этот вид адаптации называют *первичной адаптацией*.

Некоторые исследователи в своих теоретических работах наряду с первичной адаптацией молодых специалистов выделяют некую «вторичную адаптацию», под которой они понимают все последующие адаптации работников при их трудоустройстве на новую работу, предприятие или должность.

Безусловно, процесс адаптации напрямую зависит от профессионального опыта и личностного развития работника, поэтому процесс приспособления к особенностям новых условий труда, к новому трудовому коллективу у более опытного работника проходит быстрее и с меньшими профессиональными и социально-психологическими коллизиями, чем у работника с незначительным опытом профессиональной деятельности.

Однако, по нашему мнению, определение всех адаптаций, пройденных работником за время его трудовой жизнедеятельности и профессионального развития после своей первичной адаптации, в качестве «вторичных адаптаций» (почему не «третичных», «четвертичных» и т. д.?) является неубедительным применением упрощенного дихотомического метода к типологии такого сложного по своему содержанию процесса, как трудовая адаптация.

Молодой специалист, начиная новый этап своего личностного и профессионального развития, сталкивается не только с новыми требованиями и условиями труда, но порой обнаруживает определенное расхождение между накопленными им в процессе обучения академическими знаниями и реальным практическим наполнением профессиональной деятельности на конкретном предприятии.

Не просто происходит у молодого специалиста и перестройка от «студенческой вольницы» на жесткую дисциплину промышленного производства: он может утратить уверенность в своих силах и способностях, начать сомневаться в правильности выбора профессии, предпринимать попытки найти другое место работы, где он смог бы более успешно применить свои способности и реализовать жизненные планы и надежды.

Эмоционально-психологическую напряженность адаптации молодого специалиста (первичной адаптации) усиливают и субъективные факторы: обманчивые ожидания быстрого успеха; переоценка собственных возможностей и недооценка трудности освоения новых обязанностей, обусловленная недостаточными знаниями

и навыками практических действий; пренебрежение «нюансами» взаимоотношений со своими разновозрастными сотрудниками и начальством и др.

Чтобы предотвратить или по крайней мере ослабить негативное воздействие названных факторов, необходимо помочь молодому специалисту адаптироваться к новой социально-профессиональной среде. Поэтому активная развивающая адаптация молодых специалистов (первичная адаптация) имеет особое значение в общем процессе плановой адаптации нового персонала предприятия. Она дает возможность молодому специалисту достичь требуемых профессиональных компетенций за относительно непродолжительный период времени; и соразмерить свои личные ожидания и планы с реальными условиями и требованиями новой социальной среды и профессиональной деятельности на принявшем его предприятии. *Это — основная цель первичной адаптации!*

При этом следует учитывать, что как потребности молодых специалистов, так и требования предприятий к ним (молодым специалистам) не остаются неизменными, а постоянно повышаются, так сказать, во встречных направлениях. Это требует, в свою очередь, развития методов и технологий адаптации как организационного процесса в целом, и особенно — в отношении первичной адаптации. Инновационные методы первичной адаптации должны фокусироваться на развитии имеющихся у молодых специалистов знаний, навыков и первичных умений с ориентацией на актуальные и перспективные потребности конкретных предприятий и в целом ведущих отраслей российской экономики.

Таким образом, в самом общем понимании *первичная адаптация* — это управляемый плановый процесс активного введения молодого специалиста в профессиональную среду предприятия, в его (предприятия) специфические производственные, организационные и социальные процессы.

В качестве основных *задач первичной адаптации* можно выделить следующие:

- «заточивание» знаний, навыков и умений молодых специалистов в соответствии с особенностями производственной деятельности на конкретном предприятии;
- воспитание в духе неукоснительного выполнения требований трудовой дисциплины;
- поощрение разумной самостоятельности в исполнении своих должностных обязанностей;
- пробуждение интереса к выполняемой работе и удовольствия от ее успешных результатов;
- поддержка стремления к профессиональному развитию и самосовершенствованию;
- помощь в установлении добрых отношений с сотрудниками своего контактного коллектива (рабочей группы);
- установление доверительных отношений с руководством и др.

Как правило, мероприятия первичной адаптации на предприятиях планируются и проводятся в течение первого года работы молодых специалистов. Однако сегодня, когда повышаются требования к практической подготовке молодых специалистов, многие из них еще со студенческой скамьи фактически входят в процесс первичной адаптации, работая студентами-стажерами на тех предприятиях, куда они приходят после учебы уже молодыми специалистами. Поэтому в исследованиях последнего времени все чаще высказываются предложения о целесообразности увеличения планового периода первичной адаптации, а следовательно, и срока корпоративно регламентированного социально-профессионального статуса «молодой специалист» до первых двух лет работы на предприятии молодого пополнения [1]. (Напомним, что в советское время данный статус был законодательно установлен на период первых трех лет работы молодого специалиста на одном предприятии.)

На крупных промышленных предприятиях с развитой службой управления персоналом, особенно там, где ориентируются на активный набор молодых специалистов различных профессий, *планы первичной адаптации* обычно разрабатываются в форме отдельных документов планирования с указанием сроков проведения адаптационных мероприятий, должностных лиц, привлекаемых к участию в них, а также лиц, ответственных за организацию, контроль исполнения и оценку эффективности данных мероприятий.

В числе *мероприятий первичной адаптации* на предприятиях планируются и проводятся: различные *семинары, тренинги и курсы обучения* по программам первичной адаптации; организованные *экскурсии* в музей предприятия или на отраслевую выставку; *индивидуальные собеседования* с руководителями, кураторами адаптации и другими специалистами службы управления персоналом для определения молодому специалисту индивидуального плана-задания по программе профессиональной адаптации и др. Общий объем работы в этом деле бывает довольно значительным. Однако нам здесь хотелось бы подробнее остановиться только на одном весьма кратком по времени, но немаловажном по значению, особенно для молодого специалиста, мероприятии — проведении так называемой *процедуры первого рабочего дня*.

Как говорится, театр начинается с вешалки. А процесс адаптации молодого специалиста, собственно, начинается уже в отделе кадров. Сотрудник этого отдела проводит с оформляемым на работу молодым специалистом краткую беседу, в ходе которой знакомит того под роспись с должностной инструкцией и содержанием трудового договора, затем представляет его непосредственному начальнику либо куратору адаптации от службы управления персоналом, который помогает тому завершить процедуру «первого рабочего дня» (инструктаж по охране труда, бухгалтерия и проч.) и сопровождает его в структурное подразделение предприятия для представления непосредственному начальнику. Тот, в свою очередь, знакомит новичка с его сотрудниками и определяет ему оборудованное рабочее место. Итак, первый для молодого специалиста рабочий день пройден успешно!

В морально-психологическом отношении первый рабочий день на предприятии для молодого специалиста исключительно важен: его значимость, внешне обычно никак не проявляясь, пролонгируется во времени практически на весь период работы человека на данном предприятии, определяя успешный старт комплексной работы по удержанию молодого специалиста на нем. Это косвенно подтверждают и социологические исследования. Так, по их данным более 60% желающих сменить место работы составляют сотрудники предприятий в возрасте 22–29 лет [10, с. 97–98]. При этом зарождение «мотива на уход» у многих началось с первой недели их трудовой деятельности на конкретном предприятии.

В свою очередь *программы первичной адаптации* представляют разработанные и утвержденные установленным порядком документы предметного содержания по основным составляющим комплекса адаптационным мероприятиям: профессиональной, социально-психологической и организационной адаптаций молодых специалистов. Рассмотрим их особенности применительно к первичной адаптации подробнее.

Организационная адаптация для молодого специалиста имеет весьма важное значение — намного более важное, чем для бывшего работника. В самом общем понимании это — осознание и эмоционально-поведенческое принятие новым работником своего места и роли в организационной структуре предприятия. Социология современной практики организационной адаптации молодых специалистов выявляет особо значимые ее составляющие. Так, по опыту руководителей и специалистов наиболее важными для организационной адаптации молодых специалистов являются: освоение ими особенностей организационной структуры и основных

принципов управления, как указали 51,4% опрошенных; ознакомление с нормами и правилами организационной культуры — 46,2%; и помощь молодым специалистам в освоении формальных и неформальных организационных процедур — 41,3% [13, с. 20].

Здесь следует заметить, что организационная адаптация молодых специалистов на современных крупных промышленных предприятиях приобретает вид самостоятельной содержательной процедуры, к исполнению которой привлекаются не только их непосредственные руководители, но и сотрудники службы управления персоналом.

Как правило, данный вид адаптации молодых специалистов предполагает проведение различных лекций, экскурсий, а бывает и практикумов по ознакомлению с основными производствами (цехами) предприятия с демонстрацией работы на конкретном техническом оборудовании. Курс общей ориентации обычно проводится специалистами службы управления персоналом с участием руководителей предприятия.

В процессе плановых общих мероприятий организационной адаптации до молодого специалиста доводятся, а им должны быть прочно усвоены, следующие вопросы.

Общая характеристика предприятия: его организационно-управленческая структура (с обязательной информацией о высшем руководстве предприятия); социальная миссия и стратегические цели развития предприятия; основные виды его производственной деятельности, межотраслевые и международные экономические связи.

Принципы, приоритеты и основные направления кадровой политики предприятия в области подбора и развития персонала, его профессиональной подготовки и повышения квалификации, управления карьерой и др.

Вопросы оплаты труда и страховых выплат; порядка предоставления отпусков; дополнительных льгот и услуг, предоставляемых предприятием своим работникам и др.

Уже во время и после завершения общей программы организационной адаптации непосредственные начальники молодых специалистов и руководители линейных подразделений проводят с ними мероприятия по программам специальной ориентации, осуществляемые обычно в форме инструкторско-прикладных занятий и ознакомительных собеседований по вопросам их конкретных должностных обязанностей. В ходе специальной ориентации молодыми специалистами уясняются должностные обязанности и ответственность за их исполнение; им детально объясняют каждодневные производственные (функциональные) задачи и ожидаемые результаты работы; их знакомят с показателями и критериями оценки качества и эффективности деятельности, установленными на предприятии; доводят до них распорядок рабочего дня, режим труда и отдыха и т. п.

Профессиональная адаптация молодых специалистов связана с освоением ими нового качества и уровня профессиональных знаний, навыков и умений, а также развитием профессионально необходимых личностных качеств — общих и профессиональных компетенций.

По данным социологических исследований более половины опрошенных руководителей (51%), вовлеченных в процесс профессиональной адаптации молодых специалистов, считают, что перевод полученных ими (молодыми специалистами) во время учебы в вузе теоретических знаний в практическую плоскость, а именно: избирательного и творческого применения профессиональных знаний в объеме и предназначении, требуемом технологическими процессами своего предприятия, — является одной из важнейших задач их профессиональной адаптации [13, с. 20]. Поэтому ключевой и наиболее объемной частью профессиональной адаптации мо-

лодых специалистов являются различные программы обучения, особенно такой вид обучения, как обучение на рабочем месте; наглядная демонстрация техник, приемов и способов порученной им работы; и обязательно предварительный инструктаж на начальном этапе ее освоения. Конечно, перед этим необходимо провести оценку уровня знаний и подготовленности молодого специалиста, чтобы, исходя из полученных результатов этой оценки, разработать эффективную программу и индивидуальный план его обучения.

Важное значение для профессиональной адаптации молодых специалистов имеет также их ознакомление с нормативными требованиями системы управления качеством, неформальное усвоение ими своих должностных обязанностей и порядка взаимодействия с другими сотрудниками при выполнении производственных заданий и т. п.

В последние годы на крупных промышленных предприятиях вновь стало активно применяться и поощряться наставничество (опросы руководителей промышленных предприятий показывают, что 52% из них активно используют наставничество в процессе адаптации молодых специалистов¹).

Наставничество — это особый вид индивидуализированного введения в профессию и практического обучения молодых специалистов, когда сотрудник-ветеран, многоопытный специалист, передает свои так называемые «критические знания»² и трудовые навыки и умения молодому специалисту в процессе их делового общения и взаимодействия непосредственно на рабочем месте. При этом важно не допускать «патерналистского наставничества», т. е. такого отношения к молодому специалисту, когда опытные сотрудники воспринимают его только как своего «чернового» помощника, который в состоянии исполнять лишь рутинную часть рабочих заданий.

Социально-психологическая адаптация — это процесс вживания индивида в систему формальных и совокупность неформальных отношений принявшей его социальной среды. Как вид первичной адаптации она занимает гораздо больше времени, чем другие составляющие адаптационного процесса, и требует от молодого специалиста больших нервных затрат и поведенческих усилий. Это связано с тем, что вхождение молодого специалиста в неведомый для него трудовой коллектив — непростое морально-психологическое испытание, связанное, прежде всего, с необходимостью переоценки своего прежнего образа жизни, отказа от определенных привычек и установок и принятия устоявшихся традиций и обычаев социально-группового и делового поведения.

По мнению руководителей и сотрудников службы управления персоналом, участвующих в организационно-методической поддержке социально-психологической адаптации молодых специалистов, наибольшего внимания требует процесс обретения ими в трудовом коллективе желаемого социального статуса, способствующего их профессиональному развитию и будущему карьерному росту (58,7% опрошенных); и формирование чувства личной причастности к социальной миссии предприятия, достижению его стратегических целей и решению масштабных производственных задач (37,5% опрошенных) [13, с. 21].

¹ Вопросы трудоустройства молодых специалистов: привлечение, адаптация и развитие [Электронный ресурс] / Консалтинговое Агентство «Эксперт». URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-221129.html> (дата обращения: 14.12.2020).

² Понятие «критическое знание», широко применяемое сегодня в лексиконе специалистов по обучению персонала, означает знания, которыми обладают немногие ведущие специалисты предприятия, никак не объективированные, т. е. не закрепленные в формализованном виде, но исключительно важные для эффективного функционирования предприятия. Уход с работы такого специалиста ведет к существенным производственным потерям и снижению интеллектуального потенциала предприятия в целом.

Процесс социально-психологической адаптации молодых специалистов обычно проходит в несколько этапов, которые условно можно назвать как «*информационный этап*», когда молодой специалист получает, собирает и оценивает сведения о различных сторонах и особенностях социально-групповых отношений в принимающем его коллективе; «*коммуникационный этап*», когда начинают устанавливаться деловые взаимоотношения молодого специалиста с сотрудниками, намечается круг его дружеского общения с товарищами по работе и т.п.; и «*интеграционный этап*», когда молодой специалист уже полностью принимается неформальной социально-групповой иерархией, приобретает в ней свой начальный социальный статус и роль. Последнее исключительно важно для молодого специалиста, так как для успешной социально-психологической адаптации ему необходимо почувствовать себя значимым членом трудового коллектива, которого уважают и ценят как сотрудника и товарища, а его профессиональное мнение начинают учитывать при принятии производственных решений [4, с. 1023].

В целом этот процесс носит двоякий социально-личностный характер. В нем переплетены профессиональные и социально-психологические стороны первичной адаптации, поскольку, выполняя свои профессиональные обязанности, молодой специалист одновременно приспосабливается и к требованиям социальной среды предприятия: корпоративным ценностям и нормам взаимодействия с сотрудниками, к обыденному поведению и условиям труда и отдыха и т.п.

Таким образом, управляемый процесс социально-психологической адаптации органично дополняет и даже в отдельных случаях ускоряет профессиональную адаптацию молодых специалистов, так как эмоционально подкрепляет убеждение молодого специалиста в верности выбора своей профессии, его уверенность в успехе профессионального развития и карьерного роста.

Относительно подробное рассмотрение в данной статье целей, задач и содержания основных видов первичной адаптации дает возможность определить и основные интегрирующие критерии ее успешности. Критерием успешного завершения профессиональной адаптации молодого специалиста обычно считается достижение им утвержденных на адаптационный период плановых показателей в своей производственной (профессиональной) деятельности. За интегрирующий критерий положительного итога социально-психологической адаптации, по нашему мнению, можно принять укрепление в молодом специалисте чувства удовлетворенности своей работой по полученной специальности, а также формирование мотивации к профессиональному развитию, карьерному росту и в итоге — удержанию его в кадрах предприятия.

Социология современной молодежи

На общенаучном уровне понимания процесс управления представляется как воздействие субъекта управления на объект управления посредством различных методов, средств и способов. При этом набор и системная организация управленческих методов, средств и способов зависят как от целей и задач, которые преследует и ставит субъект управления, так и от атрибутивных и акцидентных (сущностных и привнесенных) качеств, свойств и черт объекта управления. Данное положение как методология требует рассмотрения характерных черт и особенностей самого «объекта» темы нашего исследования — современной учащейся молодежи, а точнее, выпускников вузов, молодых специалистов, стоящих на пороге своей самостоятельной трудовой жизни и судьбы.

Исследованию проблем современной российской молодежи, в том числе ее социальному и профессиональному становлению, уделено много внимания в трудах современных отечественных ученых в области психолого-педагогической и социо-

логической науки: Г. М. Андреевой [2], И. М. Ильинским [5], А. Я. Кибановым [7], В. Т. Лисовским [8], А. В. Мудриком [12], Г. А. Чередниченко [16] и др.

Общий социологический «портрет» молодежи представлен в работах И. М. Ильинского [6, с. 207–211]. Ее основные и на все времена верные характеристики очерчены им в следующих тезисах.

Молодежь обладает нерастраченными интеллектуальными и духовными силами: именно в молодости человек легче усваивает знания, осваивает навыки и умения, наиболее способен к творческой деятельности и максимально работоспособен. Поэтому с молодежью, прежде всего, связывают прогресс современной науки и техники. Она нацелена на повышение своего образовательного и профессионального уровня, как существенного условия своего жизненного успеха.

Молодежь является наиболее социально мобильной частью общества, что связано с ее активным поиском своего места в обществе. Высокая мобильность молодежи имеет особое значение для развития экономики нашей страны, так как в условиях ограниченной емкости рынка труда в ряде регионов России территориальное перераспределение рабочей силы из числа молодых специалистов экономически выгоднее, чем работников старших возрастов, уже укорененных на обжитых местах семейными обстоятельствами, «дачными» заботами и т. п.

Молодежь, естественно, и наиболее здоровая физическая часть населения, заряженная жизненной энергией, за счет которой и происходит непрерывающееся «омоложение тела и духа» человеческого социума. Словом, молодежь — это своеобразный проводник и ускоритель инновационных процессов в обществе — внедрения в практику новых идей и инициатив, норм поведения и жизнедеятельности — ибо по своему естеству она не приемлет всяческий застой, косность и консерватизм.

Однако вышесказанное верно лишь как базовая «грунтовка полотна картины» молодежной проблематики в теории. Ее завершение «живописными красками» требует углубленного конкретно-социологического анализа современных реалий. Кратко остановимся на этом вопросе.

Нынешнее поколение молодежи не избежало целого ряда кризисов развития таких, как кризис индивидуализации и социальной адаптации, кризис возможностей самореализации, кризис доверия официальным институтам управления и др.

Социологические исследования показывают, что обвальное изменение общественного строя в нашей стране, принудительная ломка образа жизни ее населения оказали драматическое воздействие на российскую молодежь, особенно на ее нравственные и социальные ценности, что, безусловно, сказалось и на общеобразовательных и профессиональных предпочтениях молодых людей. В условиях объявленной «безграничной свободы личности» субъективный фактор — ценностные ориентации, мотивация, личные предпочтения — неизбежно стали исходной основой выстраивания молодыми людьми своих образовательных и профессиональных траекторий [16, с. 17–18]. При этом у значительного числа молодежи, поступающей в вузы, наблюдается снижение мотивации и способности к познанию на уровне высшего образования. Цель таких «студентов» — получение «корочек диплома», а не прочных знаний по вузовской программе профессиональной подготовки, которая кажется им предметно избыточной.

Специалисты высшей школы — ученые и преподаватели — отмечают также падение уровня абстрактного мышления, необходимого для усвоения научно-теоретических знаний, способности к установлению причинно-следственных связей, применению общеметодологического исследовательского инструментария в решении практических задач и т. п. Некоторые студенты даже старших курсов «затрудняются пересказать изученный материал своими словами, а новые знания способны воспринимать преимущественно посредством визуализации» [15, с. 73].

Современные условия вступления молодых специалистов в трудовую жизнь связаны с атрибутами «рыночного общества» — в первую очередь с характером установленных в нем социально-трудовых отношений.

К ним, по исследованиям российских ученых [10, с. 97–98], относятся:

- жесткая конкуренция на капиталистическом рынке труда, где работник является современным «живым товаром», спрос на который определяется прежде всего конъюнктурой этого рынка, а не профессиональными качествами самого работника;
- избыток профессиональных работников — структурная безработица, особенно высокая среди молодых специалистов, недавних выпускников вузов;
- частнособственническое в большинстве случаев установление размеров и форм трудовых компенсаций, без учета их социальной составляющей;
- зависимость предоставляемых социальных гарантий — получение жилья, медицинское обслуживание, пенсионные отчисления и т. п. — от корпоративной принадлежности работника;
- неопределенность перспектив профессионального развития молодых специалистов и др.

В современных исследованиях проблем молодежи указывается, что молодые специалисты как социально-профессиональная страта населения не однородны по своим мотивационным установкам, жизненным ориентирам и ценностям. По данным основаниям выделяют следующие типы их профессиональных и жизненных ориентаций.

Ориентация на стабильность и социальные гарантии. Определяет тех, кто намерен работать по специальности в общественно значимых отраслях экономики, на престижных предприятиях, в которых стабильная заработная плата и расширенные социальные гарантии и льготы. Стремится строить свою профессиональную карьеру планомерно, начиная с первого места своего трудоустройства. Среди молодых специалистов данного типа мало тех, кто готов выполнять любую высокооплачиваемую работу, так как для них высокая зарплата не имеет первостепенной значимости. Здесь важно отметить, что молодые специалисты, ориентированные на стабильность и социальные гарантии, в целом достаточно уверенно проходят первичную адаптацию на предприятии.

Ориентация на личностное самовыражение в процессе трудовой деятельности. Характерна для тех, кто выбирает интересную для себя работу, ценит доброжелательный трудовой коллектив и комфортные условия труда. Данный тип молодых специалистов ориентирован прежде всего на личностное и профессиональное развитие, они также склонны к «поиску себя» в профессии и даже к изменению жизненных приоритетов в зависимости от жизненной ситуации и приобретенного опыта. Высокий уровень оплаты труда не является для них основным требованием при выборе места работы. Для них более важны взаимоотношения в трудовом коллективе и возможность профессионального развития. Для молодых специалистов данной ориентации серьезные трудности часто возникают с их социально-психологической адаптацией в жестко структурированных трудовых коллективах.

Профессионально-карьерная ориентация. Характеризуется такими ориентационными критериями, как высокая результативно-обусловленная заработная плата и возможность быстрого карьерного роста. Большинство молодых специалистов данного типа готовы пойти на любую высокооплачиваемую работу. Они чаще других намерены в будущем открыть собственный бизнес, а попав в систему корпоративного производства, связывают свои карьерные перспективы с достижением высоких позиций в сфере управленческой деятельности. Профессиональная и организационная адаптация для большинства из них не представляет серьезной

проблемы, особенно если она проводится планоно и организуется службой управления персоналом предприятия.

Ориентация на комфортные условия труда. Прежде всего характеризуется такими критериями выбора вида и места работы, как относительно близкое расположение предприятия и удобный (в идеале — «скользящий») график работы. Карьерные амбиции молодых специалистов, относящихся к данному типу трудового поведения, скромны: они не стремятся занимать руководящие должности, у них ослаблена мотивация к своему профессиональному развитию. Степень сложности прохождения ими первичной адаптации во многом зависит от морально-психологического климата в принявшем их трудовом коллективе, а также от направленности усилий службы управления персоналом в работе с молодыми специалистами.

Профессиональная адаптация, развитие молодых специалистов и их удержание на предприятии являются актуальными проблемами современных научных исследований [3; 9; 11]. Однако на академическом уровне освещение данных проблем порой уходит в тень, теряются в общих рассуждениях и выводах конкретные вопросы деятельности реальных предприятий — мероприятия, проводимые их службами управления персоналом, как говорится, «здесь и сейчас».

Адаптация молодых специалистов и их последующее удержание на предприятии являются важными направлениями практической работы по управлению персоналом на предприятиях базовых отраслей экономики России, так как высокий процент молодых сотрудников в социально-демографической структуре персонала является залогом устойчивого и эффективного развития предприятия в стратегической перспективе.

Поэтому предприятиям, ориентированным на набор молодых специалистов, приходится разрабатывать и реализовывать комплексы программ их первичной адаптации к условиям и требованиям своей производственной деятельности. Рассмотрим теперь каковы же цели, задачи и содержание данных программ.

Практика адаптации и удержания молодых специалистов в АК «АЛРОСА»

Крупные промышленные предприятия, особенно объединенные в корпорации государственного значения, в своей кадровой политике ориентируются на плановый набор молодых специалистов. В них применяются специализированные методики, разрабатываются комплексы программ для адаптации молодых специалистов, ведется целенаправленная работа по их профессиональному и карьерному росту, а также решению их социально-бытовых проблем. Все это в конечном счете способствует удержанию молодых специалистов на предприятиях корпораций.

Руководство и службы управления персоналом Акционерной компании «АЛРОСА» (далее — АК «АЛРОСА») и входящих в нее предприятий горнодобывающей отрасли уделяют особое внимание работе с молодыми специалистами. (В настоящее время на предприятиях компании трудятся более пяти тысяч молодых специалистов.)

Одной из целей кадровой политики АК «АЛРОСА» является удержание молодых специалистов в горнодобывающей отрасли. С этой целью молодым специалистам установлены дополнительные льготы и социальные гарантии, установленные коллективными договорами предприятий, принят ряд корпоративных молодежных программ, а в местах пребывания предприятий компании активно развивается ориентированная на молодежь социальная инфраструктура (учреждения культуры и спорта, детские сады и т. п.)¹.

¹ Сайт Акционерной компании «АЛРОСА» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alrosa.ru/устойчивое-развитие/управление-персоналом/> (дата обращения: 17.12.2020).

В АК «АЛРОСА» разработана и реализуется единая корпоративная молодежная политика как составная часть ее кадровой политики. Приоритетами корпоративной молодежной политики являются создание возможностей и условий для целевой профессиональной подготовки молодежи, карьерного роста и личностного развития молодых специалистов и другие специализированные программы и направления работы с молодежью. Обозначим их подробнее.

Профессиональное становление молодых специалистов. Данное направление включает: единую корпоративную систему оценки, аттестации и определения потенциала молодых специалистов; программы развития творческого потенциала молодых специалистов в интересах инновационного развития предприятий и компании в целом; содействие профессиональному образованию, повышению квалификации и карьерному росту молодых специалистов — для них в компании разработаны специальные программы подготовки молодежного кадрового резерва и др.

Организация различных научно-технических мероприятий: конкурсов профессионального мастерства на звание «Лучший молодой специалист»; поощрение участия молодых специалистов в чемпионатах по основным профессиональным компетенциям Worldskills Russia; проведение научно-практических конференций молодых специалистов, технических семинаров и лекционных курсов передачи критических знаний ветеранов производства молодым сотрудникам.

Наставничество и вовлеченность молодежи в общее дело: развитие наставничества как особого общественного движения для передачи опыта ветеранов молодежи; проведение в ходе плановых корпоративных дней информирования встреч молодых специалистов с руководителями предприятий, ведущими специалистами и организаторами производства, на которых не только подводятся итоги и доводится информация о планах и задачах в масштабах всей компании, но и обсуждаются актуальные проблемы реализации молодежной политики, даются авторитетные ответы на волнующие молодых специалистов вопросы.

Молодежный аспект социальной политики [14] — фактор, влияющий на удержание на предприятиях молодых специалистов. В рамках этого направления на предприятиях АК «АЛРОСА» осуществляются программы материальной поддержки молодых специалистов, содействия молодым семьям и семьям с детьми дошкольного возраста; проводятся различные мероприятия культурного характера, спортивные соревнования, что способствует ускорению социально-психологической адаптации молодых специалистов и воспитанию у них чувства принадлежности к единой команде, верности общему делу.

Особую роль в деле адаптации и удержания молодых специалистов играют созданные на предприятиях АК «АЛРОСА» такие общественные организации, как советы молодых специалистов. Всего в компании под организационно-методическим руководством Объединения молодых специалистов АК «АЛРОСА» активно работают 28 Советов молодых специалистов на добывающих и обогащательных предприятиях отрасли.

Важными направлениями их деятельности и сферами заботы в соответствии с корпоративным Положением о Советах молодых специалистов предприятий являются:

- участие профессиональной и социально-психологической адаптации молодых специалистов;
- проведение информационно-воспитательной работы, направленной на усиление мотивации молодых специалистов к работе по полученной специальности, их профессиональное развитие и удержание на предприятиях горнодобывающей отрасли российской экономики;
- вовлечение молодых специалистов в научно-техническую, изобретательскую и рационализаторскую деятельность;

- организация спортивных и культурно-массовых мероприятий для молодых работников отрасли и др.

По первому, наиболее важному направлению своей деятельности Объединение молодых специалистов АК «АЛРОСА» работает в тесной связке с корпоративным Центром подготовки кадров. Это динамично развивающееся учреждение дополнительного образования, на котором сегодня настойчиво внедряются инновационные методы и формы обучения персонала. В его состав входят четыре учебно-курсовых комбината — Айхальский, Ленский, Мирнинский и Удачныйский — а также несколько профильных отделов технического обучения.

Центр подготовки кадров АЛРОСА строит свою работу, основываясь на концепциях «непрерывного образования» и «опережающего обучения» персонала, идеология которых распространяется и на молодых специалистов — предполагает включение их в процесс профессионального развития с первых недель работы на предприятии.

На учебно-производственной базе корпоративного Центра подготовки кадров и учебно-курсовых комбинатов проводятся конкурсы на звание «Лучший молодой специалист», которые уже традиционно завершают программы дополнительного профессионального обучения молодых специалистов в годовой период их первичной адаптации.

Как показывает практика, успех первичной адаптации закладывается уже при отборе на производственную практику и последующую работу на предприятиях компании студентов-старшекурсников и молодых специалистов. В АК «АЛРОСА» разработаны и документально закреплены четкие критерии отбора разных категорий специалистов. Для проведения отбора молодых специалистов были определены критерии, основанные на требуемых профессиональных и личностных качествах работника, как сейчас принято их называть — общих и профессиональных компетенциях персонала.

Выделены четыре группы *общих и профессиональных компетенций*, влияющих на успешность первичной адаптации и последующей профессиональной деятельности молодых специалистов, а в итоге — их удержание на предприятиях горнодобывающей отрасли.

Вот эти группы компетенций.

Профессиональные знания, навыки, умения: соответствующая существующим квалификационным стандартам широта общетеоретических и основательность специальных знаний; развитость основных практических навыков и умений в определенной профессиональной области, позволяющих выполнять должностные обязанности первичного уровня сложности.

Деловые качества: дисциплинированность и ответственность; честность и добросовестность; инициативность; целеустремленность; организаторские способности и др.

Личностно-психологические качества: мотивационная направленность; эмоционально-психическая устойчивость; уровень умственного развития; настойчивость; решительность; коммуникабельность и др.

Кадровая политика АК «АЛРОСА» предусматривает начинать формирование вышеназванных компетенций, как говорится, еще со студенческой скамьи. С этой целью предприятия компании наладили активное сотрудничество с опорными и базовыми вузами горнодобывающей отрасли: Российским государственным геологоразведочным университетом, Санкт-Петербургским горным университетом, Санкт-Петербургским государственным университетом (Институт наук о Земле), Уральским государственным горным университетом и др.

Сотрудничество компании с российскими вузами ведется по следующим основным направлениям:

- целевая подготовка студентов;
- назначение корпоративных стипендий;
- предоставление «площадок» для студенческой практики;

- преподавание ведущих специалистов компании в филиалах вузов;
- участие в работе по профессиональной ориентации студентов вузов и др.

Такое сотрудничество призвано не только обеспечить высокое качество профессиональной подготовки молодых специалистов, но и сделать более действенными мероприятия по профессиональной ориентации, проводимые нашими вузами.

В итоге проводимая вузами профессиональная ориентация должна вырабатывать у студентов морально-психологическую устойчивость к возможным «шероховатостям» практической профессиональной деятельности на этапе их первичной адаптации. К основным критериям успеха вузовской профессиональной ориентации можно отнести наличие у выпускников вузов, молодых специалистов, таких качеств, как убежденность в общественной значимости избранной профессии и понимание ее важности для своего жизненного пути; мотивация на успех в профессиональной деятельности; начальное развитие основных профессиональных компетенций (знаний, навыков, умений); готовность к профессиональному совершенствованию и самосовершенствованию и некоторые другие черты профессионального мышления и нравственного самосознания.

А руководство и службы управления персоналом горнодобывающих предприятий, принимающих на работу молодых специалистов, наряду с их адаптацией, направленной на профессиональное развитие и будущий должностной рост, должны проявлять зримую заботу и реальное участие в решении социально-бытовых проблем данной категории персонала, особенно острых для отдаленных российских регионов и отраслевых «моногородов». Это будет способствовать и снижению остроты все еще болезненной для российского общества проблемы — так называемой «утечки мозгов» в чертоги часто недружественных России западных стран.

Литература

1. *Алехин И. В.* Адаптация студенчества к профессиональной деятельности как объект философского анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 (Соц. философия). Уфа : БашГУ, 2008.
2. *Андреева Г. М.* Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М. : МПСИ, 2009.
3. *Антропов В. А., Дмитренко Н. В.* Теоретико-методологические основы работы с молодыми специалистами // Вестник УГТУ-УПИ. Серия: экономика и управление. 2014. № 6. С. 151–152.
4. *Иванова Е. Н.* Социально-психологические факторы адаптации молодых специалистов на предприятии // Наука и образование: научное издание МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2014. № 12. С. 1013–1028.
5. *Ильинский И. М.* Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория. М. : Голос, 2001.
6. *Ильинский И. М.* Образование, молодежь, человек (статьи, интервью, выступления). М. : МГУ, 2006.
7. *Кибанов А. Я.* Управление персоналом: конкурентоспособность выпускника : монография / А. Я. Кибанов, Ю. А. Дмитриева. М. : Инфра-М, 2015.
8. *Лисовский В. Т.* Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб. : СПбГУП, 2000.
9. *Ломоносова Т. Г.* Развитие управленческого потенциала молодых специалистов: теоретико-методологические основания // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 344. С. 174–176.
10. *Маркина В. М., Федякина Т. В.* Молодые специалисты и их трудоустройство в рыночных условиях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 1. С. 97–98.
11. *Молодой специалист XXI века.* Избранные материалы Всероссийских научно-практических конференций 2014–2015 гг. М. : МГУ, 2015.
12. *Мудрик А. В.* Социализация человека. М. : МПСИ, 2011.
13. *Сопоев С. А.* Адаптация молодых специалистов в современных российских организациях : автореф. дис. ... канд. соц. наук (22.00.04). М. : РАНХиГС, 2013.
14. *Социальная политика АЛРОСА.* М. : АЛРОСА, 2019.

15. Тимофеев В. И., Щеглов Д. К. Актуальные вопросы совершенствования системы высшего профессионального образования в контексте современных требований рынка труда // Инновации. 2019. № 10 (252). С. 71–77.
16. Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи. М. : ЦСПМ, 2014.

Об авторах:

Ковальчук Диана Михайловна, инженер-геолог 1-й категории Айхальского горно-обогатительного комбината Акционерной компании «АЛРОСА» (пгт Айхал, Республика Якутия, Российская Федерация), магистр геологии; diana1107kovalchuk@gmail.com

Смагин Михаил Алексеевич, доцент кафедры менеджмента организации Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент; masmagin@rambler.ru

References

1. Alyokhin I. V. Adaptation of students to professional activity as an object of philosophical analysis: Dissertation abstract: specialty 09.00.11 (Social philosophy). Ufa: BashGU, 2008. (In rus).
2. Andreeva G. M. Social psychology today: searches and reflections. Moscow: MPSI, 2009. (In rus).
3. Antropov V. A., Dmitrenko N. V. Theoretical and methodological foundations of work with young specialists // Bulletin of USTU. Series Economics and Management [Vestnik UGTU-UPI. Seriya: ekonomika i upravlenie]. 2014. N 6. P. 151–152. (In rus).
4. Ivanova E. N. Socio-psychological factors of adaptation of young specialists at the enterprise // Science and Education [Nauka i obrazovanie: nauchnoe izdanie MGТУ im. N. E. Bauman]. 2014. N 12. P. 1013–1028. (In rus).
5. Ilyinsky I. M. Youth and youth policy: Philosophy. History. Theory. Moscow: Golos, 2001. (In rus).
6. Ilyinsky I. M. Education, youth, man (articles, interviews, speeches). Moscow: MSU, 2006. (In rus).
7. Kibanov A. Ya. Personnel management: graduate competitiveness : monograph / A. Ya. Kibanov, Yu. A. Dmitrieva. Moscow: Infra-M, 2015. (In rus).
8. Lisovsky V. T. Spiritual world and value orientations of the youth of Russia. St. Petersburg: SPbGUP, 2000. (In rus).
9. Lomonosova T. G. Development of the managerial potential of young specialists: theoretical and methodological foundations // Bulletin of Tomsk State University [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2016. N 344. P. 174–176. (In rus).
10. Markina V. M., Fedyakina T. V. Young specialists and their employment in market conditions // International Journal of Applied and Fundamental Research [Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy]. 2014. N1. P. 97–98. (In rus).
11. Young specialist of the XXI century. Selected materials of the All-Russian Scientific and Practical conferences 2014–2015. Moscow: MSU, 2015. (In rus).
12. Mudrik A. V. Socialization of a person. Moscow: MPSI, 2011. (In rus).
13. Sopoev S. A. Adaptation of young specialists in modern Russian organizations : Dissertation abstract (specialty 22.00.04). Moscow: RANEPa, 2013. (In rus).
14. Social policy of ALROSA. Moscow: ALROSA, 2019. (In rus).
15. Timofeev V. I., Shcheglov D. K. Actual issues of improving the system of higher professional education in the context of modern requirements of the labor market // Innovations [Innovatsii]. 2019. N 10 (252). P. 71–77. (In rus).
16. Cherednichenko G. A. Educational and professional trajectories of Russian youth. Moscow: TSSPM, 2014. (In rus).

About the authors:

Diana M. Kovalchuk, Engineer-geologist of the 1st category of the Aikhal mining and Processing Plant of the Joint-Stock Company “ALROSA” (Aikhal, Republic of Yakutia, Russian Federation), Master of Geology; diana1107kovalchuk@gmail.com

Mikhail A. Smagin Associate Professor, Department of Organization Management, Baltic State Technical University «Voennmekh» named after D. F. Ustinov (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Associate Professor; masmagin@rambler.ru

Инновации в ЖКХ как путь повышения реальных доходов населения России

Щербакова Д. В. *, Игнашин О. Э.

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shcherbakova-dv@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются инновационные технологии отопления жилых зданий как возможность решения проблем жилищно-коммунального хозяйства страны и путь повышения реальных доходов населения. Используются методы анализа статистических данных, логический метод, метод математического моделирования. Исследуемая проблема состоит в том, что в экономике России продолжительный период наблюдается падение реальных доходов населения. Коронавирусные ограничения усугубили имеющиеся тенденции. При этом значительную долю расходов россиян составляет плата за коммунальные услуги. За прошедшие 10 лет стоимость отопления поднялась по 80%. Отставание российской энергетики от мировых показателей обусловлено целым рядом причин: низкий класс энергоэффективности домов, значительный износ тепловых сетей, функциональные недостатки централизованного отопления, отсутствие необходимых федеральных и региональных законодательных актов, отсутствие частных инвестиций. При этом система централизованного отопления имеет целый ряд нерешенных проблем, связанных с монопольным положением отрасли: значительный износ трубопроводов тепловых сетей и теплогенерирующего оборудования; ограничения максимальной температуры в холодный период; систематическое превышение значения по температурному графику в теплый период; низкое качество горячего водоснабжения в зимний период; поздний запуск отопления при ранних холодах; морально устаревшая и чрезвычайно опасная методика испытания тепловых сетей. Становится очевидной необходимость коренной модернизации жилищно-коммунального сектора с внедрением принципиально новых систем отопления и развитием энергосберегающих технологий при проектировании, строительстве и капитальном ремонте жилых зданий. Экономический расчет применения «Электро-преобразовательной системы отопления» на примере панельного дома 507-й серии показал, что ежегодная экономия в расходах на отопление составит 79,5%. Срок окупаемости проекта — 11 лет. Применение инновационных систем подобного типа при строительстве новых домов окупит вложения значительно быстрее. Наиболее приемлемым механизмом реализации подобного проекта может стать государственно-частное партнерство. Применение государственно-частного партнерства в форме концессионных соглашений при строительстве энергоэффективных жилых зданий и внедрении инновационных систем отопления будет создавать благоприятные условия для широкомасштабного внедрения энергосберегающих технологий, что положительно скажется на экономике издержек при оплате услуг отопления и повысит реальные доходы населения.

Ключевые слова: денежные доходы, коммунальные услуги, отопление, энергосберегающие технологии, качество жизни

Для цитирования: Щербакова Д. В., Игнашин О. Э. Инновации в ЖКХ как путь повышения реальных доходов населения России // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 146–157.

Innovations in Housing and Communal Services to Increase Real Incomes of the Russian Population

Darya V. Shcherbakova, Oleg E. Ignashin*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *shcherbakova-dv@ranepa.ru

ABSTRACT

The article analyzes innovative technologies for heating residential buildings as an opportunity to solve the problems of housing and communal services in the country and a way to increase the real income of the population. The methods of statistical data analysis, the logical method, and the method of mathematical modeling are used. The problem under study is that the Russian economy has been experiencing a decline in real incomes for a long period of time. Coronavirus restrictions have exacerbated the existing trends. At the same time, a significant share of the expenses of Russians is the payment for utilities. Over the past 10 years, the cost of heating has risen by 80%. The lag of the Russian energy sector from the world indicators is due to several reasons: the low energy efficiency class of houses, significant wear and tear of heating networks, functional shortcomings of centralized heating, the lack of necessary federal and regional legislative acts, and the lack of private investment. At the same time, the centralized heating system has a number of unresolved problems related to the monopoly position of the industry: significant wear of pipelines of heat networks and heat generating equipment; limitations of the maximum temperature in the cold period; systematic exceeding of the value according to the temperature schedule in the warm period; poor quality of hot water supply in the winter period; late start of heating in the early cold; obsolete and extremely dangerous method of testing heat networks. It becomes obvious that there is a need for a radical modernization of the housing and communal sector with the introduction of fundamentally new heating systems and the development of energy-saving technologies in the design, construction, and major repairs of residential buildings. The economic calculation of the use of an "Electro-converter heating system" on the example of a panel house of the 507 series showed that the annual savings in heating costs will be 79.5%. The payback period of the project is 11 years. The use of innovative systems of this type in the construction of new homes will pay off the investment much faster. The most acceptable mechanism for implementing such a project may be a public-private partnership. The use of public-private partnerships in the form of concession agreements in the construction of energy-efficient residential buildings and the introduction of innovative heating systems will create favorable conditions for the large-scale introduction of energy-saving technologies, which will have a positive impact on cost savings when paying for heating services and increase real incomes of the population.

Keywords: cash income, utilities, heating, energy-saving technologies, quality of life

For citing: Shcherbakova D.V., Ignashin O.E. Innovations in Housing and Communal Services to Increase Real Incomes of the Russian Population // Administrative consulting. 2021. N 5. P. 146–157.

Пандемия COVID-19 продолжает разорять россиян. С сентября 2020 г. по январь 2021-го доля потребителей в России, которые лично ощутили негативный финансовый эффект пандемии, выросла почти вдвое, с 27% до 53%, превысив среднемировой показатель — 46%. При этом доля россиян, живущих в режиме экономии, составляет почти 70%. Таковы данные исследования одного из главных в мире независимых измерителей потребительского поведения людей, американской компании NielsenIQ¹.

¹ Исследование: доля пострадавших от последствий коронакризиса россиян превысила среднемировую // БФМ.РУ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/466199> (дата обращения: 20.04.2021).

По оценке Росстата, реальные располагаемые денежные доходы упали на 3,5% в 2020 г. по сравнению с 2019. Это в абсолютных цифрах почти 2 трлн руб.¹

Восстановление хотя бы до допандемийного уровня займет не менее двух лет. И это очень болезненная история, потому что перед этим шесть лет доходы населения не росли [2], а фактически в 2020 г. достаточно серьезно снизились, и еще два года восстановительного периода после падения в период пандемии. Десять потерянных лет с точки зрения роста доходов, фактически мы получаем именно такую картину, это очень болезненно для населения.

В июле 2020 г. Президент России Владимир Путин поставил цель снизить уровень бедности в стране к 2030 г. вдвое по сравнению с 2017 г. Ранее срок цели был поставлен президентом к 2024 г. Согласно данным Росстата, число россиян, чьи доходы ниже величины прожиточного минимума, в 2017 г. составляло 18,9 млн чел., или 12,9% населения РФ. По итогу третьего квартала 2020 г. число бедных снизилось до 18,8 млн чел., составив тем самым 12,8% [6].

Правительство РФ предпринимает ряд мер по увеличению реальных доходов населения, включая повышение оплаты труда, индексацию пенсий, выплаты безработным и финансовую помощь семьям с детьми. С 2020 г. в рамках пилотного проекта по повышению реальных доходов граждан в 21 регионе был запущен механизм социального контракта, а с 2021 г. он распространился по всей стране.

Если говорить о показателях снижения уровня бедности, то каждый регион выстраивает для себя свою линейку. Минтрудом подготовлены методические рекомендации по формированию региональных программ снижения бедности, и на данный момент более половины регионов приняли программы [9]. Аналогично приняты программы всеми 85 регионами по снижению напряженности на рынке труда и достижению допандемических показателей безработицы.

Значительной статьёй расходов россиян является плата за услуги жилищно-коммунального хозяйства. Для многих россиян оплата коммунальных услуг составляет существенную часть семейного бюджета, и даже небольшой рост тарифов может ощутимо отразиться на уровне благосостояния [3].

Для оценки ситуации в этой сфере эксперты РИА Новости рассчитали долю расходов семей на жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ) в совокупных потребительских расходах в российских регионах. На основании этих данных был составлен рейтинг субъектов Федерации по доле расходов населения на оплату «коммуналки». Результаты исследования свидетельствуют о существующей неравномерности доли затрат. Значение показателя в регионах изменяется в диапазоне от 4,9% до 13,7%². По Северо-Западному федеральному округу средний показатель составил 11%.

Один из самых весомых показателей оплаты коммунальных услуг является плата за отопление. Динамика роста тарифов с 2012 по 2021 г. представлена на рис. 1. С 1 июля 2021 г. стоимость 1 гкал отопления будет обходиться петербуржцам в 1880,11 руб.³. Таким образом, за 10 лет цена тепла возросла почти на 80% (рис. 1)⁴.

Рост тарифов — это следствие устаревшей модели ценообразования на услуги и товары монополий. Конечный тариф включает в себя все неэффективные затра-

¹ Уровень жизни. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397?print=1> (дата обращения: 20.04.2021).

² [Электронный ресурс]. <https://riarating.ru/infografika/20200915/630180046.html> (дата обращения: 20.04.2021).

³ Тарифы для населения. Сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.spb.ru/helper/tarif> (дата обращения: 20.03.2021).

⁴ Схема теплоснабжения Санкт-Петербурга на период до 2033 г. (актуализация на 2021 г.): Кн. 1 (Гл. 1) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/ingen/shemy-razvitiya-inzhenerno-energeticheskogo-kompleksa/aktualizaciya-shemy-teplosnabzheniya-sankt-peterburga-na-2021-god/> (дата обращения: 20.03.2021).

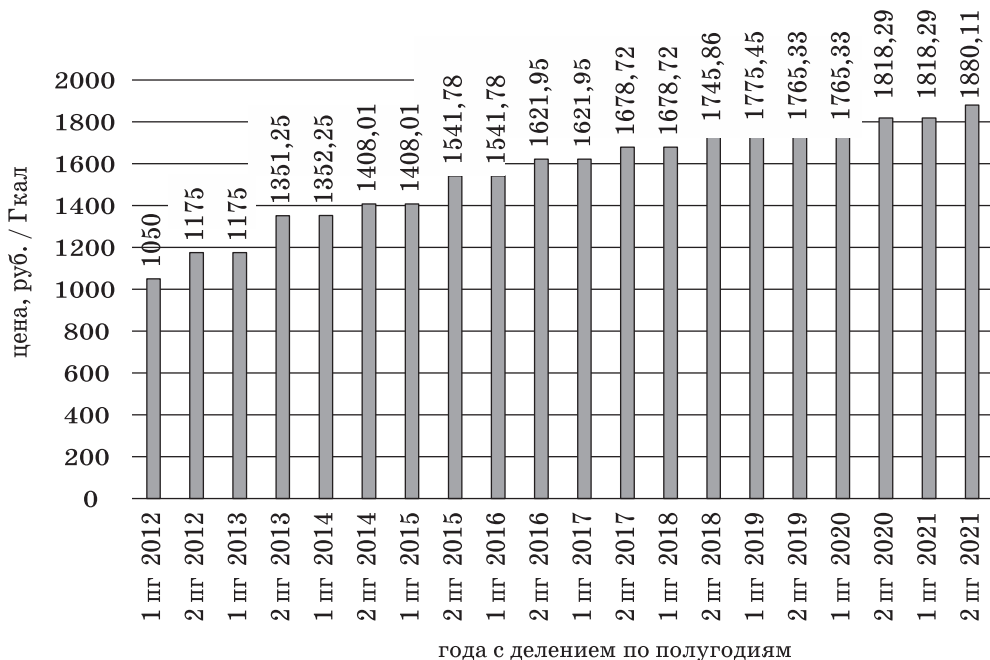

Рис. 1. Тарифы на тепловую энергию в Санкт-Петербурге с 2012 по 2021 г.
Fig. 1. Tariffs for thermal energy in St. Petersburg from 2012 to 2021

ты. Более того, для многих тарифов не соблюдается и действующая методология. В сфере теплоснабжения тариф, как правило, завышается из-за изначально преувеличенных капитальных расходов. Более перспективна методика, при которой устанавливается норма прибыли для монополий, а также предельные цены и лимиты доходов. Но, не дожидаясь ее внедрения, нужно менять подход к контролю за установлением тарифов. Каждый гражданин должен иметь возможность оценить, обоснованы ли вложенные в тариф компоненты. А для этого необходимы: раскрытие методик на сайтах муниципальных властей, ведение единой базы тарифов на территории всей России, законные процедуры направления жалоб на тарифы со стороны общественных организаций [10].

Россия огромной частью своей территории находится в северных широтах. Жизнь в холодном климате немыслима без отопления зданий, как жилого, так и производственного назначения. Исторической особенностью российских городов является повсеместная централизация систем отопления [15].

Системы центрального отопления представляют собой сложные гидравлические схемы с многокилометровыми трубопроводами, по которым эффективно распределить тепловую энергию по многочисленным потребителям крайне сложно (а в большинстве случаев — невозможно), что является основной причиной несбалансированного производства и потребления тепловой энергии в системах теплоснабжения [7].

Строительство в последние годы крупных тепловых электростанций, работающих по парогазовому циклу с электрическим КПД более 50% [1], привело к значительному увеличению производства электрической энергии. Однако, как показывает опыт Северо-Западного региона РФ, предложенного количества электрической энергии ни промышленность, ни сфера ЖКХ оказались не способными потребить [14]. В то же время потребность в тепловой энергии с возрастанием объемов

гражданского строительства продолжает увеличиваться, что заставляет двигаться по пути строительства многочисленных водогрейных котельных с передачей тепловой энергии потоком сетевой воды. Необходимо учитывать, что потребление топлива в РФ для производства тепловой энергии, используемой в ЖКХ, в 2–3 раза выше, чем в странах Европейского союза, находящихся в таких же климатических условиях [13].

На сегодняшний день в РФ сформировалась проблема, связанная с устаревшими подходами в сфере теплоснабжения зданий, что явилось причиной серьезного отставания российской энергетики от мирового уровня.

Это связано с целым рядом причин:

- 1) низкий класс энергоэффективности существующих многоквартирных домов;
- 2) значительный износ тепловых сетей;
- 3) постоянный рост тарифов на отопление и горячее водоснабжение для населения;
- 4) недостатки, связанные с особенностями работы систем централизованного теплоснабжения (функционирование строго по сезонному графику, отсутствие индивидуального регулирования температуры отопительных приборов, отсутствие индивидуальных приборов учета тепловой энергии в квартирах, прорывы трубопроводов внутри помещений многоквартирных домов, следствием чего является причинение вреда здоровью и имуществу людей, неравномерное распределение тепла по ходу системы отопительного контура многоквартирного дома; медленный запуск системы и долгий прогрев помещений);
- 5) отсутствие необходимых федеральных и региональных законодательных актов, направленных на прозрачность системы ЖКХ [8];
- 6) монополия теплоснабжающих организаций способствует нарушению прав потребителей жилищных и коммунальных услуг;
- 7) отсутствие частных инвестиций в отрасль ЖКХ в силу имеющихся проблем [14].

Таким образом, возникает вопрос о целесообразности дальнейшего применения систем центрального отопления для нового энергоэффективного жилого строительства. Сложившаяся ситуация заставляет искать пути коренной модернизации систем теплоснабжения зданий с разработкой и внедрением инновационных систем отопления с более эффективным использованием в них электрической энергии.

К примеру, можно модернизировать в домах 1970–1980 гг. постройки тепловые пункты и установить циркуляционные насосы для равномерного распределения тепла по этажам и регулировки его подачи по погоде. Тогда этажи будут отапливаться равномерно. По сравнению со старыми неавтоматизированными тепловыми пунктами экономия может достигать 40%.

Союз потребителей направил в Минстрой предложение об утверждении типовых проектов такой модернизации. При этом затраты предлагается возложить на самих жильцов — это порядка 400 тыс. руб. Эксперты считают, что устанавливать циркуляционные системы в старом жилом фонде правильнее было бы в рамках капремонта¹.

Сэкономить на оплате услуг ЖКХ, если отопление уже включили, а в город на время вернулась теплая погода можно, установив индивидуальный счетчик тепла. Благодаря ему можно будет регулировать температуру батарей в квартире и тем самым не переплачивать за отопление, когда на улице +15°. Регулировать тепло и оплачивать его по факту потребления возможно в масштабах как одной квартиры, так и всего дома, если соблюдать два условия — наличие общедомового прибора учета тепла и установка автоматизированного индивидуального счетчика.

¹ Зуева С. Назван способ сэкономить до 15% платы за теплотенергию // Пятый канал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.5-tv.ru/news/308913/nazvan-sposob-sekonomit-do15-oplaty-zateploenergiu/> (дата обращения: 20.03.2021).

В России остро стоит вопрос внедрения инновационных систем отопления жилых зданий. Инновационные решения — это новый способ решения проблем, которые приносят прогрессивные социально-экономические изменения в общество [11; 12]. Необходимость инновационного решения проблем отопления объясняется отсутствием государственного и нормативно-правового регулирования в этом вопросе, устаревшими строительными нормами и правилами, а также отсутствием механизма поддержки застройщиков, которые осуществляют строительство в соответствии с передовыми технологиями в области энергосбережения. Органы государственной власти отказываются финансировать подобные проекты без привлечения дополнительных инвестиций. Представители бизнеса крайне неохотно идут на финансирование инновационных проектов в сфере теплоснабжения, поскольку не видят поддержки со стороны государства.

Говоря о функционировании систем отопления в крупных городах, на примере Санкт-Петербурга можно выявить следующие проблемы.

1. Значительный износ трубопроводов тепловых сетей и теплогенерирующего оборудования в котельных, следствием чего являются многочисленные аварии, особенно в зимний период. Данные аварии приводят к человеческим жертвам, причинению материального ущерба, перебоям теплоснабжения. Статистика повреждения тепловых сетей за 2016–2019 гг. показана на рис. 2 [3].

2. Все системы теплоснабжения в Санкт-Петербурге, запроектированные на работу с температурой теплоносителя 150°C, работают со «срезками» (ограничениями максимальной температуры) температурного графика. Это вынужденная мера проводится для снижения аварийности ветхих тепловых сетей, не способных выдержать значительные повышения температуры при температурных деформациях. «Срезки» приводят к похолоданию в помещениях во время низких температур наружного воздуха. Это приводит к тому, что в морозные периоды жители вынуждены самостоятельно догревать помещения (использовать электрические нагревательные приборы).

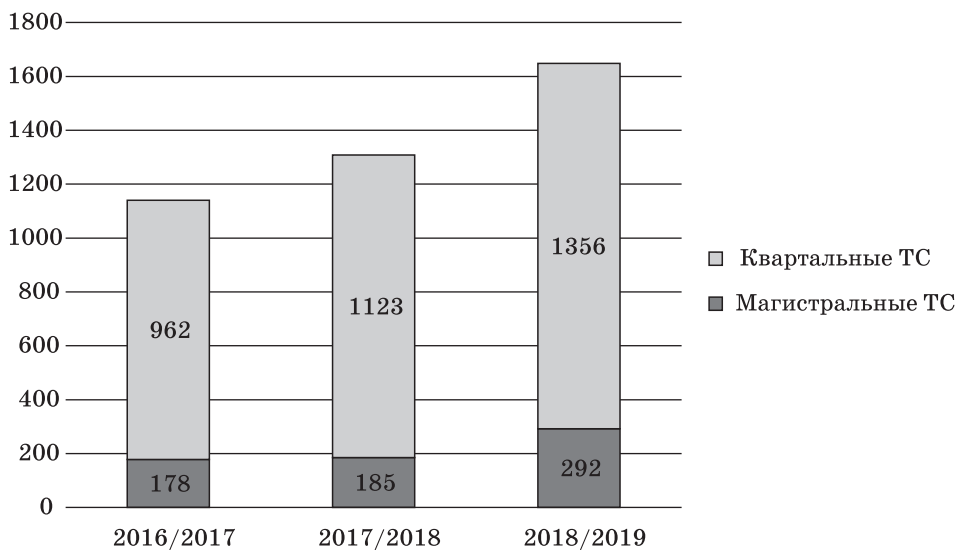

Рис. 2. Повреждаемость тепловых сетей в отопительно-зимний период 2016–2019 гг.

Fig. 2. Damage to heat networks in the heating and winter period of 2016–2019

3. Систематический «перетоп». В теплые периоды отопительного сезона температура прямого теплоносителя, как правило, превышает значения по температурному графику. Объясняется это тем, что фактические нагрузки существующего жилого фонда существенно ниже расчетных (договорных) нагрузок. «Перетоп» приводит к необходимости постоянного проветривания помещений.

4. Низкое качество горячего водоснабжения в зимний период из-за конструктивных особенностей систем ГВС (более 90% потребителей теплоснабжающих организаций в Санкт-Петербурге подключено по открытой схеме с отбором горячей воды из тепловой сети).

5. Ввиду функционирования системы централизованного теплоснабжения по строгому сезонному графику ежегодно приходится сталкиваться с проблемой позднего запуска отопления при ранних холодах. Обратная ситуация происходит в конце отопительного периода — когда на улице уже тепло, а отопление все еще работает.

6. Морально устаревшая и чрезвычайно опасная методика испытания тепловых сетей, которая осуществляется путем повышения давления (гидравлические испытания), либо температуры воды (температурные испытания) в трубопроводах. Данный подход основан на выявлении «слабых» мест по принципу: «где тонко, там и рвется». Последствия подобных испытаний ежегодно приводят к материальному ущербу как для отдельных лиц, так и для всего города, а также могут нанести вред здоровью людей, оказавшихся в эпицентре прорыва.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, в силу целого ряда как исторически сложившихся, так и действующих в настоящее время причин, текущее состояние централизованного теплоснабжения в крупных городах России, в том числе в Санкт-Петербурге, характеризуется низкой энергетической и экономической эффективностью, большими потерями тепловой энергии и значительной выработкой эксплуатационных ресурсов оборудования, что в совокупности характеризует систему централизованного отопления как недостаточно надежную и безопасную для теплоснабжения потребителей городов.

Соблюдение требований законодательства в части энергосбережения сводится лишь к энергоаудиту¹, то есть наблюдению за существующими энергетическими и тепловыми потерями. Новое жилое строительство возводится наспех, без соблюдения требований энергоэффективности. Застройщики не заинтересованы нести дополнительные затраты на энергосберегающие мероприятия при строительстве жилых домов по причине отсутствия законодательных и экономических стимулов.

Привлечение частного капитала в реализацию энергосберегающих технологий и инновационных систем отопления затруднено из-за отсутствия законодательно установленного механизма взаимодействия между инвесторами и государством, а также отсутствия гарантий для обеих сторон. Сложившаяся ситуация вызвала серьезное отставание российской энергетики от мирового уровня, особенно в части реализации энергосберегающих мероприятий и внедрения инновационных технологий в жилищно-коммунальном секторе [16]. Представление о якобы высокой эффективности систем централизованного теплоснабжения привело к повсеместному внедрению их в огромных масштабах. С годами ветшающие системы заставляют привлекать все больший капитал для поддержания их в минимально работоспособном состоянии. Становится очевидной необходимость коренной модернизации жилищно-коммунального сектора с внедрением принципиально новых

¹ Обзор изменений Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102165/ (дата обращения: 27.03.2020).

систем отопления и развитием энергосберегающих технологий при проектировании, строительстве и капитальном ремонте жилых зданий.

В настоящее время в мире, в том числе и в России, разработаны инновационные системы теплоснабжения, использующие для своей работы высокий потенциал электрической энергии с малым ее потреблением, предполагающие отказ от воды как теплоносителя и отсутствие привычных отопительных приборов [5].

Отдельно необходимо выявить экономический эффект, который может быть получен при замене водяного отопления на отопление инновационного типа в ранее построенном здании. Произведем расчеты на примере типового пятиэтажного жилого здания серии 1-507-6/69, 1969 г. постройки, расположенного в Санкт-Петербурге. В народе дома такого типа называют «хрущевками». Здания, подобные вышеупомянутому, широко распространены не только в Санкт-Петербурге, но и по всей России (рис. 3).

В настоящее время ЭПС-отопление применяется как один из элементов системы «пассивный дом» в ряде европейских стран: Финляндии, Германии, Польше. В условиях тенденции к повышению энергосбережения и созданию автономных систем отопления электропреобразовательная система является достойной альтернативой централизованному теплоснабжению в тех случаях, когда отсутствует техническая либо экономическая возможность его обеспечения или дальнейшее его использование нерентабельно.

Исходя из сравнения количества потребляемой тепловой и электрической энергии и с учетом стоимости их единиц, а также с учетом применения энергосберегающих технологий, повышающих тепловую защиту ограждающих конструкций здания, можно сделать вывод о сокращении расходов для конечного потребителя при оплате

Рис. 3. Пятиэтажное жилое здание серии 1-507
Fig. 3. A five-storey residential building of the 1-507 series

коммунальных счетов при использовании инновационных систем отопления. Годовые затраты на отопление с 5 025 894 руб. 51 коп. снижаются до 1 031 227 руб. 20 коп. Ежегодная экономия для жителей дома составляет 3 994 667 руб. 31 коп.

Чтобы произвести полный расчет финансовых и временных затрат, произведем расчет каждого из видов работ: утепления стен, установки приточно-вытяжной системы вентиляции, установки низкоэмиссионных окон с электрообогревом стекол и теплозащитного экрана на горизонтальные ограждающие конструкции.

Экономический расчет утепления стен

Для проведения мероприятия выбран утеплитель KNAUF, 1250 × 610 × 100 мм. Цена одной плиты утеплителя — 1175 руб. Стоимость 1 м² утеплителя: $C_m = 1175/7,625 = 154$ руб./м². Результаты экономического расчета мероприятия приведены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты экономического расчета утепления стен
Table 1. Results of economic calculation of wall insulation

Затраты на проведение мероприятия	492 051 руб. 56 коп.
Годовая энергетическая выгода от проведения мероприятия	918,72 Гкал/год
Годовая экономическая выгода от проведения мероприятия	1 241 420 руб. 40 коп.
Срок окупаемости мероприятия	4,5 мес.

Экономический расчет установки

приточно-вытяжной системы вентиляции во все квартиры

Для монтажа системы выбран бытовой рекуператор серии Тефо. Стоимость единицы оборудования: 17 000 руб. Общее количество установок — 118 шт. (одна на квартиру). Общая стоимость оборудования: 2 006 000 руб. Результаты экономического расчета мероприятия приведены в табл. 2.

Таблица 2

**Результаты экономического расчета установки
приточно-вытяжной системы вентиляции**
Table 2. Results of the economic calculation of the installation
of the supply and exhaust ventilation system

Затраты на проведение мероприятия	2 607 800 руб.
Годовая энергетическая выгода от проведения мероприятия	168,96 Гкал/год
Годовая экономическая выгода от проведения мероприятия	228 307 руб. 20 коп.
Срок окупаемости мероприятия	11,4 лет

Экономический расчет установки низкоэмиссионных окон с электрообогревом стекол и теплозащитного экрана на горизонтальные ограждающие конструкции [4]

Площадь окон (за вычетом лестничных) составляет: $F_{\text{окон}} = 777,25$ м². Цена за одно окно толщиной 6 мм вместе с установкой — 1200 руб./м². Затраты на обо-

рудование и материалы составят: $C_1 = 777,25 \times 1200 = 932\,700$ руб. Площадь, подлежащая экранированию, рассчитана из соображений эффективности и целесообразности: $1234,8 \text{ м}^2$. Цена 1 м^2 инфракрасной пленки для экранирования вместе с установкой — 650 руб./м^2 . Затраты на материалы составят: $C_2 = 1234,8 \times 650 = 80\,2620$ руб. Общая сумма затрат: $C = C_1 + C_2 = 932\,70 + 802\,620 = 1\,735\,320$ руб. Результаты экономического расчета мероприятия приведены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты экономического расчета установки низкоэмиссионных окон с электрообогревом стекол и теплозащитного экрана на горизонтальные ограждающие конструкции

Table 3. Results of economic calculation of installation of low-emission windows with electric heating of glass and heat shield on horizontal enclosing structures

Затраты на проведение мероприятия	1 735 320 руб.
Годовая энергетическая выгода от проведения мероприятия	132 Гкал/год
Годовая экономическая выгода от проведения мероприятия	178 365 руб.
Срок окупаемости мероприятия	9,7 лет

Таким образом, срок окупаемости проекта составляет порядка 11 лет, что является достаточно целесообразным сроком для внедрения вышеуказанной инновационной системы отопления жилых зданий. Прочность бетонных конструкций, заложенная на этапе проектирования дома, составила 110 лет, поэтому эксплуатационные характеристики домов «хрущевского» типа еще далеко себя не исчерпали. Эксплуатационный запас составляет еще порядка 50–60 лет. Кроме того, применение такой системы отопления в домах «комфорт» и «бизнес» классов будет иметь меньший срок окупаемости, что обусловлено более высокими ценами на недвижимость.

Наиболее приемлемым вариантом для реализации подобного проекта служит механизм государственно-частного партнерства. В различных странах, в том числе и в России, накоплен положительный опыт ГЧП в сфере теплоснабжения¹, используя который можно разработать новый механизм, позволяющий внедрять инновационные системы отопления жилых зданий.

Целью государственно-частного партнерства в сфере внедрения инновационных систем отопления жилых зданий является привлечение частного капитала для осуществления проектно-изыскательских и строительно-монтажных работ, а также работ, связанных с дальнейшим техническим обслуживанием введенного в эксплуатацию теплоснабжающего оборудования.

Применение государственно-частного партнерства в форме концессионных соглашений при строительстве энергоэффективных жилых зданий² и внедрении инновационных систем отопления будет создавать благоприятные условия для широкомасштабного внедрения энергосберегающих технологий не только на уровне аудита (что можно увидеть в настоящее время), но и в виде конкретных проектов, реализация которых позволит повысить эффективность сферы теплоснабжения, а также уровень удовлетворенности населением условиями проживания. Последующая экономия на оплате коммунальных услуг по отоплению помещений положи-

¹ Развитие государственно-частного партнерства в странах ЕС и России // Инициативы XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ini21.ru/?id=1231> (дата обращения: 27.03.2021).

² Рекомендуемая форма концессионного соглашения для Стандартного отраслевого решения в теплоснабжении // Официальный сайт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/14083/> (дата обращения: 27.03.2021).

тельно скажется на доходах населения. Адресная работа по сокращению доли расходов на услуги ЖКХ позволит приблизить достижение поставленных властями стратегических задач по снижению уровня бедности населения.

Литература

1. Грабчак Е. П., Логинов Е. Л., Чиналиев В. У. Цифровая трансформация системы управления теплоэнергетикой России с целью оптимизации тарифно-ценовой нагрузки на потребителей // Надежность и безопасность энергетики. 2020. № 13 (2). С. 84–90.
2. Гришина Е. Н., Лаптева И. П., Трусова Л. Н. Денежные доходы как основной индикатор уровня жизни населения России // Статистика и экономика. 2019. № 3. С. 15–23.
3. Гришанов В. И., Шнейдерман И. М. Доходы населения российских регионов и доступность жилищно-коммунальных услуг // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы : Сб. материалов V Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 53–57.
4. Игнашин О. Э. Снижение тепловых потерь через окна // Межвуз. сб. науч. тр. «Энергетика, экология и бизнес»: материалы Международной научно-практической конференции обучающихся и преподавателей / под ред. Т. Ю. Коротковой, ВШТЭ СПбГУПТД. СПб., 2018. Вып. 2. С. 45–49.
5. Игнашин О. Э. Электро-преобразовательные системы отопления жилых зданий // Межвуз. сб. науч. тр. «Энергетика и автоматизация в современном обществе»: материалы региональной научно-практической конференции обучающихся и преподавателей вузов / сост. Т. Ю. Короткова, ВШТЭ СПбГУПТД. СПб., 2017. Вып. 1. С. 94–103.
6. Куликов Н. И., Пархоменко В. Л., Мобио А. Монетарная финансовая и денежно-кредитная политика государства и ее влияние на уровень доходов и снижение бедности населения России // Финансы и кредит. 2020. Т. 26. № 5. С. 964–990.
7. Лозенко В. К., Болдырев К. В. Оценка потенциала экономии энергии теплоэнергетического комплекса России // Экономика и управление: проблемы, решение. 2018. № 8. С. 140–145.
8. Росляков П. В., Кондратьева О. Е. Проблемы внедрения наилучших доступных технологий в российской теплоэнергетике // Энергетик. 2019. № 3. С. 8–12.
9. Садыков Р. М. Оценка уровня бедности в России и дополнительные меры по ее снижению в регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18. № 4. С. 739–752.
10. Снатенков А. А., Тимофеева Т. В. Экономико-статистическое исследование способности населения России к сбережению // Аудиторские ведомости. 2020. № 2. С. 103–113.
11. Щербакова Д. В., Медведь А. А. Факторы инвестиционной привлекательности регионов России // Управленческое консультирование. 2018. № 11. С. 119–131.
12. Щербакова Д. В. Управление организационными инновациями в современных компаниях: социальные аспекты : дис. ... канд. социол. наук (22.00.08). СПб., 2007. 219 с.
13. Benuzh A., Fedorov S. Energy-efficient multi-loop heating systems for multi-apartment residential buildings // E3S Web Conf., 110. 2019. 01018.
14. Kartavskaya V. M., Khoroshikh S. A. Improving the energy efficiency of a residential building // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, Volume 880, International Scientific Conference "Investments. Construction. Real estate: new technologies and targeted development priorities-2020" 23–24 April 2020, Irkutsk, Russian Federation.
15. Zajacs A., Borodinecs A., Bogdanovičs R. Assessment of the Efficiency and Reliability of the District Heating Systems within Different Development Scenarios. In: Littlewood J., Howlett R., Capozzoli A., Jain L. (eds) Sustainability in Energy and Buildings. Smart Innovation, Systems and Technologies. 2020. Vol. 163. Springer, Singapore.
16. Zapolskaya I. N., Vankov Yu. V., Zverev O. I., Rotach R. R. The impact of the transition of hot water "preparation" by means of individual heating stations on the Kazan energy system // E3S Web Conf., 124. 2019. 05012.

Об авторах:

Щербакова Дарья Васильевна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук; shcherbakova-dv@ranepa.ru

Игнашин Олег Эдуардович, магистрант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); oleg.ignashin.1992@mail.ru

References

1. Grabchak E. P., Loginov E. L., Chinaliev V. U. Digital transformation of Russia's thermal power industry management system for optimization of consumers' expenditures determined by tariffs and prices // *Safety and Reliability of Power Industry*. 2020. N 13 (2). P. 84–90. (In rus)
2. Grishina E. N., Lapteva I. P., Trusova L. N. Monetary income as the main indicator of the standard of living of the Russian population // *Statistics and economics [Statistika i ehkonomika]*. 2019. N 3. P. 15–23 (In rus)
3. Grishanov V. I., Shneiderman I. M. Income of the population of the Russian regions and accessibility of housing and communal services // *Income, expenses and savings of the population of Russia: trends and prospects [Dohody raskhody i sberezheniya naseleniya rossii tendencii i perspektivy]*. 2020. P. 53–57 (In rus)
4. Ignashin O. E. Reduction of heat losses through windows // *Inter-university collection of scientific tr "Energy, Ecology and business": materials of the International Scientific and Practical Conference of Students and teachers / ed. T. Y. Korotkova*. SPb., 2018. P. 45–49 (In rus)
5. Ignashin O. E. Electro-converter heating systems of residential buildings // *Inter-university collection "Power Engineering and automation in modern society": materials of the regional scientific and practical conference of students and teachers of universities / ed. T. Yu. Korotkova*. SPb., 2017. P. 94–103 (In rus)
6. Kulikov N. I., Parkhomenko V. L., Mobio A. Monetary financial and monetary policy of the state and its impact on the level of income and poverty reduction of the Russian population // *Finance and Credit [Finansy i kredit]*. 2020. Vol. 26. N 5. P. 964–990 (In rus)
7. Lozenko V. K., Boldyrev K. V. Assessment of the energy saving potential of the heat and power complex of Russia // *Economics and Management: problems, solutions [Ekonomika i upravlenie: problem, resheniya]*. 2018. N 8. P. 140–145. (In rus)
8. Roslyakov P. V., Kondratieva O. E. Problems of implementing the best available technologies in the Russian heat and power industry // *Power engineer [Energetik]*. 2019. N 3. P. 8–12. (In rus)
9. Sadykov R. M. Assessment of the level of poverty in Russia and additional measures to reduce it in the region // *Regional economy: theory and practice [Regionalnaya ehkonomika: teoriya i praktika]*. 2020. Vol. 18. N 4. P. 739–752. (In rus)
10. Snatnenko A. A., Timofeeva T. V. Economic and statistical study of the ability of the Russian population to save // *Audit statements [Auditorskies vedomosti]*. 2020. N 2. P. 103–113.
11. Shcherbakova D. V., Medved A. A. Factors of investment attractiveness of Russian regions // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2018. N 11. P. 119–131 (In rus)
12. Shcherbakova D. V. Management of organizational innovations in modern companies: social aspects: Dissertation (22.00.08). SPb., 2007. 219 p. (In rus)
13. Benuzh A., Fedorov S. Energy-efficient multi-loop heating systems for multi-apartment residential buildings // *E3S Web Conf.*, 110. 2019. 01018.
14. Kartavskaya V. M., Khoroshikh S. A. Improving the energy efficiency of a residential building // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, Volume 880, International Scientific Conference "Investments. Construction. Real estate: new technologies and targeted development priorities-2020" 23–24 April 2020, Irkutsk, Russian Federation.
15. Zajacs A., Borodinecs A., Bogdanovičs R. Assessment of the Efficiency and Reliability of the District Heating Systems within Different Development Scenarios. In: Littlewood J., Howlett R., Capozzoli A., Jain L. (eds) *Sustainability in Energy and Buildings*. Smart Innovation, Systems and Technologies. 2020. Vol. 163. Springer, Singapore.
16. Zapolskaya I. N., Vankov Yu. V., Zverev O. I., Rotach R. R. The impact of the transition of hot water "preparation" by means of individual heating stations on the Kazan energy system // *E3S Web Conf.*, 124. 2019. 05012.

About the authors:

Daria V. Shcherbakova, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation), Candidate of Sociological Sciences; shcherbakova-dv@ranepa.ru

Oleg E. Ignashin, Master's Student of the North-Western Institute of Management of the RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); oleg.ignashin.1992@mail.ru

Применение деловых игр при подготовке сотрудников региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления

Клушин А. В.

Министерство по культуре и туризму Калининградской области, Калининград, Российская Федерация; griyvan@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Автор поднимает вопросы применения инновационных подходов в учебно-методическом процессе подготовки кадров, в компетенцию которых входит проведение мероприятий по профилактике терроризма. В статье рассмотрены особенности проведения практических занятий в форме деловых игр, их роль и положительный опыт применения в организации обучения и повышения квалификации сотрудников аппаратов антитеррористических комиссий в субъектах Российской Федерации, органов исполнительной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: терроризм, безопасность, Национальный антитеррористический комитет, профилактика терроризма, антитеррористическая комиссия, антитеррористическая защищенность, подготовка кадров

Application of Business Games in Training of Employees of Regional Executive Bodies and Local Self-Government Bodies

Artem V. Klushin

Ministry of Culture and Tourism of Kaliningrad Region, Kaliningrad, Russian Federation; griyvan@yandex.ru

ABSTRACT

The author raises the issues of applying innovative approaches in the educational and methodological process of training personnel, whose competence includes the implementation of measures to prevention of terrorism. The article discusses the features of conducting practical exercises in the simulation games form, their part and positive experience in the provision of education organization, and advanced training of employees of the antiterrorism commission apparatus in the constituent entities of the Russian Federation, executive authorities, and local self-government bodies.

Keywords: terrorism, security, National Antiterrorism Committee, prevention of terrorism, antiterrorism commission, antiterrorist protection, training of personnel

Тема применения деловых игр в практических занятиях при подготовке сотрудников органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации очень обширна, поскольку у разных сотрудников существует своя специфика. В связи с этим в статье будет рассмотрена конкретная категория тех сотрудников, в компетенцию которых входит проведение мероприятий по профилактике терроризма.

В конце XX — начале XXI в. терроризм как социальное явление приобрел глобальный характер. Наша страна одной из первых столкнулась с проявлениями терроризма, инспирированными международными террористическими организациями, понесла значительные и, прежде всего, человеческие потери. Кроме того,

возникла реальная угроза территориальной целостности государства. На этом фоне, как ответ на усиление глобальной угрозы международного терроризма, руководством страны было принято решение о создании общегосударственной системы противодействия терроризму, предусматривающей комплексную реализацию мер, направленных на борьбу с терроризмом, его профилактику, а также минимизацию и ликвидацию его последствий.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму», в целях совершенствования государственного управления в области противодействия терроризму образован Национальный антитеррористический комитет (далее — НАК). В интересах координации деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (далее — ТО ФОВ), органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (далее — ОИВ) и органов местного самоуправления (далее — ОМСУ) по профилактике терроризма, а также по минимизации и ликвидации последствий его проявлений образованы антитеррористические комиссии (далее — АТК) в субъектах Российской Федерации. Впоследствии, в соответствии с частью 4.1 статьи 5 Федерального закона от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в редакции Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 82-ФЗ), сформированы АТК муниципальных образований (далее — АТК МО).

Кроме того, в соответствии с Федеральным законом от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в редакции Федерального закона от 05 мая 2014 г. № 130-ФЗ) функции по участию в мероприятиях по профилактике терроризма внесены в положения ряда ОИВ и должностные обязанности их сотрудников.

Создание АТК и АТК МО, формирование их аппаратов, а также участие в мероприятиях по противодействию терроризму ОИВ, ОМСУ и их сотрудников выявило актуальность и необходимость подготовки соответствующих кадров, повышения профессиональной квалификации сотрудников.

В интересах повышения качества реализации указанной задачи аппаратом НАК на постоянной основе организовано проведение ежегодных учебных сборов с сотрудниками аппаратов АТК субъектов Российской Федерации и АТК МО по их принадлежности к федеральным округам. При этом в качестве основных форм обучения использовалось проведение лекционных занятий и семинаров в форме круглого стола.

В ходе лекций сотрудниками аппарата НАК до участников сборов доводятся основные принципы организации работы по профилактике терроризма, противодействия идеологии терроризма, подготовки и проведения заседаний АТК и т. д.

В ходе семинаров обсуждаются актуальные вопросы организации деятельности АТК, происходит обмен накопленным положительным опытом.

Организация учебных сборов, их результативность получили высокую оценку участников, а также профессорско-преподавательского состава учебных заведений ФСБ России, на базе которых они проводились.

Вместе с тем в ходе контроля аппаратом НАК организации деятельности АТК в субъектах Российской Федерации и АТК МО отмечено, что несмотря на значительное повышение уровня знаний обучаемых, в том числе в области новаций в нормативно-правовом регулировании деятельности по противодействию терроризму на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, у сотрудников аппаратов АТК (АТК МО) зачастую отсутствует практический опыт анализа поступающей информации, в том числе в рамках мониторинга политических, социально-экономических и иных процессов, оказывающих влияние на ситуацию в области противодействия терроризму в субъекте Российской Федерации, а также выработки на основании результатов анализа предложений (управленческих решений) и их документального оформления, разработки иных документов, относящихся к ука-

занной сфере деятельности.

Все вышеперечисленное вызвало необходимость скорректировать программу учебных сборов, дополнив ее практическими занятиями в форме деловых игр.

В период 2017–2020 гг. автором был разработан ряд деловых игр по темам:

- Организация и проведение мониторинга политических, социально-экономических и иных процессов, оказывающих влияние на ситуацию в области противодействия терроризму в субъекте Российской Федерации. Использование его результатов для принятия управленческого решения;
- Организация деятельности аппарата антитеррористической комиссии в субъекте Российской Федерации при установлении уровней террористической опасности;
- Организация деятельности аппарата антитеррористической комиссии в субъекте Российской Федерации по исполнению решений НАК и контролю за реализацией собственных решений Комиссии.

Деловые игры по данным темам в указанный период неоднократно использовались при проведении ежегодных учебных сборов с сотрудниками аппаратов ATK в субъектах Российской Федерации.

Основные задачи, которые ставились при разработке методических материалов и внедрении в учебный процесс деловых игр, это, прежде всего, проверка уровня профессиональной подготовки сотрудников аппаратов ATK (ATK МО), систематизация и закрепление знаний, развитие умений, касающихся анализа складывающейся в регионе оперативной ситуации и ее правовой оценки, организация взаимодействия с ТО ФОИВ, ОИВ и ОМСУ при решении различных задач в сфере профилактики терроризма, разработка и оформление соответствующих документов.

Организация проведения деловых игр предусматривает деление участников на несколько групп (оптимально 2–4 группы), условно представляющих собой «аппараты ATK». При этом работа указанных групп над поставленной задачей осуществляется «автономно», изолированно друг от друга. После «решения» задачи, поставленной в рамках конкретного этапа, осуществляется разбор результатов отдельно по каждой учебной группе с привлечением к обсуждению, в формате круглого стола, остальных участников.

Внедрение нового формата проведения практических занятий в форме деловых игр, а также их тематика и методические материалы вызвали живой интерес участников учебных сборов и способствовали получению именно практического опыта в организации деятельности аппаратов ATK, в том числе в приобретении необходимых знаний и навыков по действиям в кризисных ситуациях, анализе поступающей информации, выработке на его основе результатов предложений для принятия управленческих решений, в сокращении времени при подготовке соответствующих документов, что соответствующим образом отразилось на повышении эффективности работы ATK, улучшении качества документов, в том числе отчетных.

Кроме того, материалы деловых игр в рамках оказания методической помощи в организации обучения сотрудников ОИВ и ATK МО были переданы в аппарат ATK в Республике Коми. После адаптации к местным условиям материалы были использованы в 2019–2021 гг. при проведении учебно-методических сборов с сотрудниками ОИВ и секретарями ATK МО.

По итогам проведения учебно-методических сборов председателем Комитета по обеспечению мероприятий гражданской защиты Республики Коми, руководителем аппарата ATK в Республике Коми Александром Бурцевым было отмечено, что «занятия прошли в динамичном формате и имели практическую пользу для совершенствования деятельности секретарей антитеррористических комиссий муниципальных образований и сотрудников органов исполнительной власти республики. Особенного внимания и высокой оценки заслуживает внедрение в учебный процесс практических занятий способом деловых игр, которые доказывают свою эффектив-

ность, так как позволяют систематизировать и закрепить знания, развить умения обучаемых принимать решения и обосновывать их»¹.

В заключение отметим, что проведение занятий в формате деловых игр целесообразно рекомендовать для использования в учебном процессе, прежде всего, созданных во исполнение подпункта 2.4.1 раздела II решения НАК от 10 апреля 2018 г. на базе филиалов РАНХиГС и подведомственных Минобрнауки России образовательных организаций учебно-методических центров дополнительного профессионального образования сотрудников аппаратов ATK (ATK МО), а также сотрудников ТО ФОИВ, ОИВ и ОМСУ, должностные регламенты которых предусматривают участие в мероприятиях по профилактике терроризма.

Об авторе:

Клушин Артем Валерьевич, начальник отдела по обеспечению комплексной безопасности Министерства по культуре и туризму Калининградской области (Калининград, Российская Федерация), капитан первого ранга запаса; griyvan@yandex.ru

About the author:

Artem V. Klushin, Head of the Integrated Security Department of the Ministry of Culture and Tourism of the Kaliningrad Region (Kaliningrad, Russian Federation), Captain First Rank (Reserve); griyvan@yandex.ru

¹ В динамичном формате провели сборы секретари антитеррористических комиссий Коми [Электронный ресурс] // ИА Комиинформ. URL: <https://komiinform.ru/news/178224>, В Сыктывкаре прошли учебно-методические сборы по антитеррору [Электронный ресурс] // ИА Комиинформ. URL: <https://komiinform.ru/news/213597>.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указываются город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названии статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д., а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2021. № 5(149)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.05.2021.

Подписано к печати 15.05.2021.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 13,38. Тираж 200 экз.

Заказ № 5/21.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97